Константин Случевский

Стихотворения, поэмы, переводы

ЛОМОНОСОВСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

КОНСТАНТИН СЛУЧЕВСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ
ПЕРЕВОДЫ

МОСКВА • 2009

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
С49

Составление, вступительная статья и примечания
Е. А. Тахо-Годи

Случевский К. К.
С49 Стихотворения, поэмы, переводы / Константин Случевский. — М., 2009. — 544 с.

ISBN 978-5-94282-582-9

В настоящее издание сочинений выдающегося русского поэта К. К. Случевского (1837–1904) вошли избранные стихотворения, поэмы и стихотворные переводы разных лет, а также итоговая поэтическая книга «Песни из „Уголка“». Значительная часть произведений, среди которых поздняя поэма «Он и Она» и драматическая картина «Поверженный Пушкин», воспроизводится впервые по прижизненным журнальным публикациям.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-94282-582-9

Подписано в печать 30.09.2009. Гарнитура Петербург.
Формат 84×108 1/32. Объем 17 печ. л.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 4500 экз.
Заказ №

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНИ ИЗ «УГОЛКА». 1895–1901

ПОЭМЫ

II. ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВХОДИВШИЕ В ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЛИ ПОСМЕРТНЫЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ 1859–1902 гг.

ЭПИГРАММЫ И ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОЭМА И ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНА

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО

«ЗИМНЯЯ СКАЗКА» КОНСТАНТИНА СЛУЧЕВСКОГО

«Хрустальность мутных вод является не сразу...»
К. Случевский

«Зиме скорее подходит скучная сказка», — говорит один из персонажей «Зимней сказки» У. Шекспира, но весь ход пьесы заставляет усомниться в справедливости этого утверждения — настолько причудливо, совершенно фантастическим образом трагические обстоятельства перелицовываются в феерически-благополучные: ненависть сменяется любовью, вражда — дружбой, оклеветанные — оправдываются, считавшиеся погибшими — оживают и действуют. По воле автора-творца, готового, как само сотворившее мир Время, «в единый час <...> закон создать и рушить», трагедия превращается в счастливую сказку.

Вспомнить о шекспировской «Зимней сказке» хочется не только потому, что на исходе XIX столетия ее перевел на русский язык поэт, прозаик, публицист Константин Случевский, чью книгу сейчас держит в руках читатель. В самой судьбе Константина Случевского, как и в этой поздней драме Шекспира, тесно переплелись трагедия и фарс, горе и радость, причем в конце пути, когда, казалось бы, ждать чего-то нового бессмысленно, — ни в личной жизни, ни в творчестве, — всесильное Время совершило удивитель-

ную метаморфозу[1]. Именно на склоне лет, в эту «зимнюю» пору человеческого бытия, поэтический голос Случевского зазвучал с неожиданной силой, а сам поэт обрел земную любовь и понимание современников — литературный изгнанник был признан «королем русских поэтов»[2] и его именем даже назвали мыс в Таймырском заливе Карского моря[3]. Это ли не «зимняя сказка»?

А начиналось все так.

26 июля 1837 г. в Санкт-Петербурге в семье члена совета министра финансов действительного статского советника и кавалера Константина Афанасьевича Случевского 2-го (старший брат, К. А. Случевский 1-й, был первоприсутствующим сенатором) и его законной жены Анжелики Ивановны, урожденной Заремба, от второго его брака и от ее первого брака родился сын Константин. Младенец был крещен сентября первого дня в церкви Священномученика Симеона сродника Господня, что при Училище гражданских инженеров. При крещении восприемниками были: герой Отечественной войны 1812 года генерал от кавалерии граф Василий Васильевич Орлов-Денисов[4], которого на церемонии представлял его сын, граф Николай Васильевич, и генерал-майорша княгиня Ирина Никитична Урусова, вдова еще одного героя 1812 года — князя Николая Юрьевича Урусова[5]. Такой «генеральский фон» явно пророчил новорожденному военную карьеру. И действительно, мальчика вскоре зачислили в Первый кадетский корпус. В 1855 г., окончив корпус с отличием, он стал прапорщиком лейб-гвардии Семеновского полка. Затем поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. Перед юношей открывалась перспектива выстроить удачную военную карьеру. Однако произошло непредвиденное: в 1860 г. молодой офицер вышел в отставку и уехал учиться за границу.

Естественно, может возникнуть вопрос: что спровоцировало этот поступок? Причин было несколько.

Во-первых, неуспех на литературном поприще. В 1857 г. Случевский дебютировал как поэт в журнальчике «Общезанимательный вестник», редактируемом В. П. Поповым — учителем словесности в кадетском корпусе. Печатался он

под криптонимом «К. С.». В 1858 г. его произведения появились под полным именем и в журнале «Иллюстрация». Но после неожиданного успеха — публикации одобренных критиком Ап. Григорьевым стихов в лучшем журнале 1860-х гг., в некрасовском «Современнике», — наступила черная полоса: появились пародии и фельетоны, осмеивающие новоявленного стихотворца. Если быть вторым Лермонтовым — офицером и поэтом — могло казаться даже почетно, то служить предметом насмешек человеку военному было совсем не к лицу.

Во-вторых, влияние старших друзей, подогревавших в нем желание получить широкое европейское образование. Случевский продолжал поддерживать отношения со своим учителем В. П. Поповым и его другом Г. Е. Благосветловым — либералами, западниками, сочувствующими общественной позиции эмигрировавшего А. И. Герцена. Получить университетское образование советовали ему и их идейные оппоненты — редактор журнала «Отечественные записки» С. С. Дудышкин.

В-третьих — и в главных — желание быть рядом с любимой женщиной. Начало 1860-х гг. для Случевского — это эпоха его любви к Наталии Николаевне Рашет, отказавшейся в конце концов стать его женой и ставшей причиной его расхождений с И. С. Тургеневым, сперва восхищавшимся стихами своего юного друга, а затем карикатурно обрисовавшим его в романе «Дым» под именем Семена Ворошилова, белокурого, светлоглазого говоруна-радикала.

Был ли Случевский радикалом на самом деле? Ко времени выхода в свет тургеневского «Дыма» (1867) от его юношеского радикализма не осталось и следа. Это за границей, прослушав лекции в Сорбонне, в Женевском и Берлинском университетах и обосновавшись в Гейдельберге (в здешнем университете в 1865 г. он получил степень доктора философии), Случевский принимал самое деятельное участие в жизни либеральной «русской читальни», где на первом месте были герценские «Колокол» и «Полярная звезда». В середине 1860-х гг. он вернулся в Россию уже разочарованный в своих юношеских идеалах. Недаром

первым делом он ввязался в борьбу со знаменитым триумвиратом — Н. Чернышевским, Н. Добролюбовым, Д. Писаревым в полемической серии брошюр под общим названием «Явления русской жизни под критикою эстетики». Автор брошюр требовал от критики твердых нравственных оснований, сознания приоритета этических законов над социальными. Но выпад против кумиров либеральной интеллигенции имел для него весьма роковые последствия: Случевского вновь печатно освистали, он оказался «персоной нон грата» в литературных кругах и до 1879 г., когда в свет вышла его поэма в «Снегах», почти не печатался или печатался под псевдонимами.

Все эти годы литературного подполья Случевский жил достаточно напряженной жизнью. Он не имел родового состояния, поэтому вынужден был служить – сначала в Главном управлении по делам печати, т.е. цензуре, а с 1874 г. — в Министерстве государственных имуществ, был членом комиссии по поземельному и экономическому устройству в Олонецкой, Саратовской, Новгородской, Самарской, Екатеринбургской, Таврической губерниях. Работа в Министерстве как нельзя более отвечала гоголевскому завету из «Выбранных мест из переписки с друзьями» о необходимости «проехаться по России» — список служебных командировок Случевского весьма обширен. Годы странствий по Европе остались в прошлом. Настала пора приобщиться к отеческим просторам, попытаться понять, что такое и какова родная страна. Способствовало этому и участие Случевского в экспедициях по северу и по северо-западу России в свите великого князя Владимира Александровича в 1884–1888 гг., а затем в 1895–1896 гг., когда Случевский уже был главным редактором газеты «Правительственный вестник». В 1884 г. их путь лежал через Череповец, Кириллов, Белозерск, Онежское озеро, Петрозаводск, в 1885 г. – охватывал пространство от Псковщины до Рыбинска, от Волги до Белого моря, посетили Устюг, Сольвычегодск, Холмогоры, Архангельск. Вместе с великим князем в 1895 г. Случевский объездил Мариинскую водную систему, в 1896 г. посетил Валаам. Он был не только участником, но и летопис-

цем этих северных экспедиций — итогом их стали не только целая коллекция вотяцких (удмуртских) идолов, которую Случевский разместил в своей петербургской квартире, но и книги «По Северу России» (Т. 1–3, 1886–1888)[6] и «По Северо-западу России» (Т. 1–2, 1897). Так что Почетным членом Императорского Русского географического общества поэт был избран не случайно. Отзвуки этих путешествий можно найти и в беллетристике Случевского — в его «Мурманских рассказах», и в его поэзии — в циклах «Мурманские отголоски», «В пути».

«Беспредельная равнина и серое небо над нею. Здесь за четыре осенних месяца бывают два-три солнечных дня. Как было не родиться в такой стране великому томлению духа, тоске по солнцу, по ярким цветам и по радости? Она и родилась, тоска Северных равнин, и живет в каждой русской душе <...>. Наиболее чуткие — особенно те, в кого заронил свой луч бог солнца и лиры Аполлон, — рвались к солнцу даже физически и бежали из-под серого неба на солнечный юг: Гоголь, Глинка, Иванов <...>. Не отсюда ли и максимализм русской мечты? Подобно тому, как солнце, стоя в зените, родит себе черного двойника в воде колодца, так *отсутствие* солнца в зените родит лучезарный двойник солнца в каждой душе — тоску и сон о вечной радости, о счастии общем, о красоте. Эту тоску русский писатель подслушал и в самой природе русской»[7], — писал М. О. Гершензон в работе «Видение поэта». Эта тоска по ярким краскам юга, по солнцу была знакома и Случевскому — достаточно вспомнить его стихотворение «Край лишенный живой красоты...», где «Вечно серый, сырой небосклон», «Дни, бессильные выйти из тьмы» предопределяют эмоциональную «бледность породы людской». Но при всем том Случевский относится к тому числу русских поэтов, которые умели с особой любовью воспеть русский Север и русскую зиму. Тут и поэма «В снегах» с ее зимними уральскими панорамами, и «Мурманские отголоски», и написанная в традициях В. А. Жуковского (если иметь в виду его «Подробный отчет о луне. Послание к государыне императрице Марии Федоровне») «Крещенская сказка-побывальщина»,

обращенная к императрице Марии Федоровне, где создается яркий, почти лубочный крещенский пейзаж:

Млад Январь месяц только означился.
Расстилал он сугробы снего́вые
Расставлял он хоромы ледя́ные.
Приосанившись, бодро похаживал,
Рек-озер сердца вглубь промораживал,
Напускал скоморохов, да ряженых!
Всюду громко морозцы пощелкивали,
Под полозьями санок поскрипывали,
Вдоль по насту на лыжах проскальзовали;
Где бураны, метели закручивались,
Ну а где тишь такая случалася,
Что, как солнечный луч скользил, слышалось,
Луч алеющий солнышка зимнего,
И над русской землей отдыхающей
В несказанной доверчивой скромности,
От великих забот лета трудного,
Божья благость любовно задумалась.

В этой пейзажной зарисовке Случевского хочется обратить особое внимание на два момента.

Примечательна тут строка «Что, как солнечный луч скользил, слышалось...». Она живо свидетельствует об одной из важнейших особенностей поэтики Случевского — о стремлении поэта запечатлеть не просто то, что мало кому заметно, но то, что практически невозможно услышать обычным слухом или увидеть обычным зрением: то, что можно прозреть или в ирреальном, сказочном бытии, или в бредовых галлюцинаторных видениях, в минуту поэтического вдохновения или в молитвенном экстазе, возносясь духом «во области заочны». Отсюда такие стихи Случевского, как «Неуловимое», «Нас двое», «Камаринская». Именно это стремление поэта «уловить неуловимое» — как ни парадоксально — зачастую вызывает у читателей ощущение тяжеловесности его поэтического языка. Действительно, обычные слова, привычные выражения начинают

казаться косноязычными, слишком подвластными законам земного тяготения, когда речь идет о сферах таинственных и запредельных. Этот контрапункт — лишенного телесности объекта и обычного слова – сознавал и сам поэт, когда восклицал:

Но как живописать, чего, как будто, нет,
Нет в осязании и даже нет в виденьи?
Необретаемое где и как обресть?
Как сообщить другим без средства сообщенья?

В приведенном фрагменте из «Крещенской сказки-побывальщины» необходимо обратить внимание и на явный антропоморфизм, когда весь природный мир — морозы, бураны, метели оживают и действуют. Это не только дань жанру (сказка), но присущий Случевскому особый мифологический тип ви́дения. Этот тип ви́дения дает о себе знать в совершенно неожиданные моменты, придавая текстам почти мистический характер. Так, в стихотворении «Людские вздохи» поэт представляет вздохи некими бесплотными тенями, вереницами облетающими земной мир, а в стихотворении «Снега» (цикл «Из природы») ему видятся, как «по степи мерцает вокруг // Много, много светящихся рук», ибо

...из белых, глубоких снегов,
На какой-то таинственный зов,
Словно белые люди встают,
И встают, и идут, и растут!

Надо сказать, что этот странный, фантастический образ светящихся в снежной ночи рук в гораздо большей степени фантасмагоричен, непредсказуем и необъясним, чем вызывающее воспоминание о нем стихотворение «Таинственная светится рука...» из символического цикла Вяч. Иванова «Золотые завесы» (1907), где таинственно светящаяся рука может одновременно интерпретироваться и как рука возлюбленного/возлюбленной, и как рука Эрота — Бога — самой Судьбы.

Тяга к видениям до конца необъяснимым, которые не может постигнуть человеческий разум, воплощалась в стихах Случевского на разных этапах творчества и в различных жанрах каждый раз по-иному: то гротескно, когда «тайны гроба» в его ранних стихах о мертвецах и кладбищах порождали почти фарсовые картинки, как в стихотворениях «Я видел свое погребенье...», «Из Гейне», «На кладбище», а то возвышенно, религиозно, как в предсмертной поэме «Загробные песни», где явны аллюзии не только на «Божественную комедию» Данте, но и на богословскую мысль — от псалмов царя Давида и апостольских посланий до современных поэту раздумий о вере и Боге о. Иоанна Кронштадтского. Недаром «Загробные песни» построены как личный дневник, как серия размышлений на ту или иную духовную тему, где отдельное стихотворение — это или афоризм, или иллюстративный пример из реальной жизни, или раздумье над евангельским фрагментом, или проповедь, объяснение тайн бытия Божьего с опорой то на личный духовный опыт, а то на явления природного, земного мира и его законов. В такой структуре поэмы Случевского для читавших духовный дневник о. Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе», вышедший в 1892–1894 гг.[8], угадывается много знакомого. Возьмем, к примеру, фрагмент о вере, благодаря которой, как пишет о. Иоанн, человек осознает, что «для Бога и наше невозможное — возможно», что «в веру нашу мешается близорукий рассудок, этот паук, ловящий истину сетками своих суждений, умозаключений, аналогий»[9]. Как тут не вспомнить раздел поэмы Случевского, озаглавленный «Мой „Дневник аналогий, тождеств, параллелей, оставленный в столе“», где речь идет о земных попытках лирического героя с помощью рассудка доискаться до истины, которая откроется с непреложной очевидностью его духу в загробном бытии, или слова поэта о том, что для мысли «невозможное становится возможным»[10]. Но если для о. Иоанна как для религиозного мыслителя путь к «невозможному» лежит исключительно через молитву, то для Случевского как поэта — и через поэтическое вдохновение:

Много сокровенного, для науки темного,
Зрением художника ясно прозревается;
Всюду, всюду дома он, не сдержать нескромного;
Им полней, чем знанием, правда ощущается.

Зренью вдохновенному нет пути запретного,
Нет и непосильного; сказка — непреложное!
Не щадит он, дерзостный, святости заветного,
Может он отважиться даже в невозможное.

Смел и предприимчив он, мощь его — скитание!
Мало верить опыту, чужд он осторожности,
«Так должно быть» — скажет он и осилит знание,
Связанное путами правил и возможности[11].

Случевский стремился постигнуть таинственное и запредельное, существующее не только за земными пределами, но и в обычной человеческой жизни. Это желание «узнать бы, проследить // Судьбы таинственную нить»[12] заставляло пристальнее вглядываться в историю как отдельной человеческой личности, так и всей страны. Зачастую история личная и история отечества переплетаются у Случевского в неразрывный узел. Так, в поэме «Ересеарх» месть главной героини Ирины баронам Шрекенбадам сопряжена с борьбой Пскова и Новгорода с рыцарскими орденами и религиозными ересями конца XV — начала XVI вв., а в поэме «Призрак» несчастная романтическая любовь Марии к Петру Багрову — с последними днями царствования императора Александра I. Но история России для Случевского — это не обязательно далекое или недавнее прошлое. Ему, как поэту, хочется даже «неправдоподобное — оправдоподобить»[13]. Так возникает его драматическая фантазия на тему далекого будущего «Поверженный Пушкин», где уже нет отдельных личных судеб, но речь идет о тайне будущего всей России и всего ее народа. Неудивительно, что судьба отечества связывается Случевским с именем Пушкина. Для поэта несомненно, что лишь то духовное начало, лишь та творческая сила, которые навсегда олицетворяются для всякого русско-

го в Пушкине, могут сплотить людей в единое целое, могут способствовать возрождению и страны, разоренной всеобщей мировой войной, и всего славянского мира, о котором в свое время мечтали славянофилы.

Заглядывая в неведомое, рисуя чужие судьбы — своих героев и своего отечества, поэт, однако, как и всякий смертный, не мог прозреть и угадать собственную. А его личная жизнь сложилась весьма причудливо. Мог ли Случевский предположить в 1870 г., когда женился на Ольге Капитоновне Лонгиновой, что этот брак распадется к началу 1890-х гг., что он — отец пятерых детей, камергер императорского двора — в 1891 г. официально получит развод из-за мещанки Ярославской губернии, города Пошехонья, Агнии Федоровны Снятковой, родившей ему 12 апреля 1890 г. дочь Александру[14]? Мог ли он предугадать, что этот новый виток его личной истории станет «вторым рождением», даст новый импульс его творчеству? Лишь постфактум умел поэт правильно оценить разыгравшуюся семейную драму:

Не знал я, что разлад с тобою,
Всю жизнь разбивший пополам,
Дохнет нежданной теплотою
Навстречу поздним сединам.

Да!.. Я из этого разлада
Познал, что значит тишина, —
Как велика ее отрада
Для тех, кому она дана...

Когда б не это, — без сомненья,
Я, даже и на склоне дней,
Не оценил бы единенья
И счастья у чужих людей[15].

Не будь этой решительной ломки в биографии Случевского, не возникла бы на исходе лет лирически-пронзительная поэтическая книга «Песни из Уголка» (1902), а может быть, и сам поэт остался бы не признан современниками. Тогда не

сплотился бы вокруг него поэтический кружок «Пятницы К. К. Случевского», куда среди многочисленных участников входили и лучшие поэтические силы эпохи — К. Бальмонт, В. Брюсов, З. Гиппиус, Д. Мережковский, Ф. Сологуб (после смерти поэта 25 сентября 1904 г. кружок был преобразован в «Вечера памяти К. К. Случевского», где бывали А. Блок, А. Ахматова, Н. Гумилев, Вяч. Иванов).

Казалось бы, все сложилось счастливо и сказочно. Но в «зимних сказках» не обходится без трагедий. Не обошлось и здесь. Трудно и мучительно умирал от рака желудка Случевский. К середине XX века от выстроенного им в Усть-Нарве (Гунгенберге) для новой семьи дома, названного «Уголком», осталась лишь первая ступень входной лестницы. Вероятно, живущее в душе каждого поэта пророческое начало диктовало Случевскому роковые строки о том, что «жизни смысл и назначенье в том, // Чтоб сокрушить меня и, мне вослед, мой дом»[16]. Но погибнуть суждено было не только дому поэта. Не менее трагично сложились судьбы его детей: Константин — убит в сражении при Цусиме, Владимир — в Первую мировую, Ольга — без вести пропала в году революционного лихолетья, Николай — в 1923 г. сгинул при строительстве в Мурманске гидроэлектростанции (по семейным преданиям, его убили разгулявшиеся рабочие). Лишь Елизавета, ставшая католичкой и монахиней, и Александра, посвятившая всю жизнь реставрации икон, умерли своей смертью в эмиграции: одна — в монастыре в Ирландии, другая — в Лондоне. Но не иссяк род Случевского. Изобретательница-судьба связала семейными узами потомков Случевского и знаменитого русского реформатора Петра Столыпина. Их потомок — пятидесятишестилетний Николай Случевский живет ныне в Калифорнии, в Сан-Франциско, но, как и полагается правнуку поэта, мечтает перебраться с американского юга на север, обосноваться в своем историческом «уголке» — в России. Он начал работать над программой Столыпинского мемориального центра развития и реформ. Главный штаб центра, посвященного его знаменитому прадеду-реформатору, должен разместиться в Москве, филиал — в Петербурге. В со-

ставе центра планируется создание музея-архива, института развития государственных реформ и института образования. Потомок политика и поэта, русский дворянин американского происхождения хотел бы видеть себя мостом, соединяющим две ментальности, две непохожих страны[17]. Таков современный эпилог «зимней сказки», начатой 26 июля 1837 г.

Елена Тахо-Годи

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробнее о жизни и творчестве поэта см. мою монографию: *Тахо-Годи Е. А.* Константин Случевский: Портрет на пушкинском фоне. СПб., 2000.

[2] *Краснов П.* Кому быть королем русских поэтов? // Новый мир. 1899. № 3. С. 52–56.

[3] Речь идет об острове А. В. Колчака (в советское время переименованный в остров Расторгуева, остров в 2005 г. вновь обрел имя знаменитого исследователя Севера и полководца). Существует несколько гипотез, объясняющих возникновение «мыса Случевского» в Карском море. По версии писателя Н. А. Черкашина, название было дано руководителем Русской полярной экспедиции 1900–1902 гг. бароном Э. В. Толлем, поклонником поэзии Случевского. Вот как об этом пишет Черкашин в книге «Белая Карта» (М., 2004) в главе шестой, озаглавленной строкой из «Мурманских отголосков» Случевского «Границы родины с границами творенья...»:

> «Остров именем Колчака назвал сам барон Толль в знак признательности за неустанный и самоотверженный труд гидрографа и вахтенного офицера.
>
> „Наш гидрограф Колчак, — отмечал он в своем дневнике, — прекрасный специалист, преданный интересам экспедиции... Научная работа выполнялась им с большой энергией, несмотря на трудность соединять обязанности морского офицера с деятельностью ученого“.

На проводах „Зари“ был и поэт Константин Случевский-старший. Он был, пожалуй, первым из русских поэтов, писавших Север с натуры, ступив на его голые скалы.

И подумаешь, бросив на край этот взоры:
Здесь когда-то, в огнях допотопной земли,
Кто-то сыпал у моря высокие горы,
И лежат они так, как когда-то легли!

Случевский, поэт мистический, печальный, философический, подарил Толлю томик своих стихов. Его поэзия как нельзя лучше отвечала духу, увы, последней для барона экспедиции.

Сколько раз, разглядывая утесы нового острова, вспоминал Эдуард Васильевич эти совершенно „ландшафтные“ строки:

Неприветливы, черны громоздятся уступы...
То какой-то до века погасший костер,
То каких-то мечтаний великие трупы,
Чей-то каменный сон, наводнивший простор!

Книжечка ходила по рукам. Случевский был незримым участником плавания. Колчак, всегда неравнодушный к образному слову, порой смотрел на льды и скалы сквозь призму поэта, и призма эта замечательно дополняла подзорные трубы и экспедиционные бинокли:

Из тяжких недр земли насильственно изъяты,
Над вечно бурною холодною волной,
Мурма́на дальнего гранитные палаты
Тысячеверстною воздвиглися стеной...

— Такие строки мог написать только геолог! — восторгался Толль. — Право, он был прирожденным землеведом!

И читал в кают-компании за вечерним чаем на память:

И пробуравлены ледяными ветрами,
И вглубь расщеплены безмолвной жизнью льдов.
Они ютят в себе скромнейших из сынов
Твоих, о родина, богатая сынами.

— Это о ком это он? О поморах? — спрашивал Матисен.

— Да хоть о поморах, хоть о самоедах, о долганах, нганасанах... Лучше не скажешь — скромнейшие из сынов.

— Так оно так, да только шибко огненную воду любят, — приземлял разговор Коломейцов.

— Да вы послушайте, — восторгался обычно сдержанный барон, — как замечательно сказано!

И заложив страницу пальцем, подносил книгу поближе к керосиновой лампе:

Здесь русский человек
Пред правдой лицезренья
Того, что Божиим веленьем сведена
Граница родины с границами творенья...

— Вот они пред нами – границы творенья, по которым не ступала нога человека, — взмахивал рукой Толль, — и они же, все эти мысы, бухты, утесы, — естественные границы России. Позволю себе заметить — самые свободные границы в мире...

— Поскольку здесь не ступала нога таможенника и жандарма, — продолжал мысль командора Бируля, к всеобщему веселью».

Более обоснована версия о том, что название мысу было дано самим А. В. Колчаком (см.: *Иванченко И. Е.* Род Случевских в истории. СПб., 2004. С. 66–67), что подтверждается составленной А. В. Колчаком в 1901–1902 гг. навигационной картой Карского моря.

В то же время не исключено, что, присваивая мысу название, А. В. Колчак имел в виду не самого поэта, а его старшего сына Константина, бывшего и поэтом, и моряком: он окончил, как и Колчак, Морской Кадетский корпус, и вместе с Колчаком в 1895 г. совершил плаванье из Кронштадта на Дальний Восток на крейсере «Рюрик». В 1905 г. Константин Случевский-младший погиб в сражении при Цусиме.

[4] Любопытны сведения об отношениях Орлова-Денисова и Г. Р. Державина, о которых пишет Ф. Булгарин: «Граф Орлов-

Денисов, покрывшийся славою в войнах 1808, 1812, 1813 и 1814 годов, — человек весьма замечательный не одними военными подвигами и храбростью, он был искренним любителем просвещения и литературы. Прежде на Дону чуждались школьного образования, и граф В. В. Орлов-Денисов, сын войскового атамана Орлова и внук знаменитого Федора Петровича Денисова, возведенного императором Павлом за заслуги в графское достоинство, вступив на службу на двенадцатом году от рождения, не знал ничего, кроме русской грамоты. Будучи уже войсковым старшиною и находясь в Петербурге, граф Василий Васильевич, получая скудное содержание от богатых своих родителей, начал учиться в частном пансионе (на Кирочной улице, близ Аннинской лютеранской церкви), вместе с другими воспитанниками прошел весь курс школьный и изучил языки французский и немецкий. Пример единственный благородной страсти к образованию! Державин любил графа В. В. Орлова-Денисова и, узнав, что он не в состоянии платить учителям на дому, присоветовал ему вступить в пансион, сказав, *что учиться никогда и нигде не стыдно*. Граф В. В. Орлов-Денисов был удивительный красавец и притом самый добродушный и благородный человек. Все любили и уважали его. Память храброго воина, любителя просвещения — священна!» (см.: *Булгарин Ф. В.* Воспоминания. М., 2001. С. 639–640).

[5] Запись об этом событии была занесена в церковную метрическую книгу за 1837 год под номером вторым.

[6] Недавно эти книги переизданы, см.: *Случевский К. К.* По Северу России. М.: ОГИ, 2009; *Случевский К. К.* Поездки по Северу России в 1885–1886 годах. М.: ОГИ, 2009.

[7] *Гершензон М. О.* Видение поэта. М., 1919. С. 12.

[8] *Сергиев И. И.* Моя жизнь во Христе // Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Ильича Сергиева. Изд. 1-е. Т. 4–6. СПб., 1892–1894.

[9] *Святой праведный Иоанн Кронштадтский*. Моя жизнь во Христе. М., 2008. С. 19.

[10] *Случевский К. К.* Стихотворения и поэмы / Вступит. ст., сост., подготовка текста и примеч. Е. А. Тахо-Годи. СПб., 2004. С. 373. Серия «Новая библиотека поэта».

[11] *Случевский К. К.* Стихотворения и поэмы... С. 382.

[12] *Случевский К. К.* Сочинения. СПб., 1898. Т. 3. С. 31.

[13] Ср. авторский эпиграф «Неправдоподобное — оправдоподоблю» к разделу «В том мире» из поэмы «Загробные песни».

[14] Копию свидетельства о рождении Александры Случевской см.: *Иванченко И. Е.* Род Случевских в истории. СПб., 2004. С. 33.

[15] *Случевский К. К.* Стихотворения и поэмы... С. 329.

[16] *Случевский К. К.* Стихотворения и поэмы... С. 270.

[17] О целях своего переезда в Россию Н. В. Случевский сообщал Н. В. Лайдинен в интервью, озаглавленном «Душа болит за Россию...», от 22 мая 2009 г. для сайта: http://viperson.ru.

I

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ВХОДИВШИЕ В ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ 1857–1903 гг.

* * *

Я сказал ей: тротуары грязны,
Небо мрачно, все уныло ходят...
Я сказал, что дни однообразны
И тоску на сердце мне наводят,
Что балы, театры — надоели...
        «Неужели?»

Я сказал, что в городе холера,
Те — скончались, эти — умирают...
Что у нас поэзия — афера,
Что таланты в пьянстве погибают,
Что в России жизнь идет без цели.
        «Неужели?»

Я сказал: ваш брат идет стреляться,
Он бесчестен, предался пороку...
Я сказал, прося не испугаться:
Ваш отец скончался! Ночью к сроку
Доктора приехать не успели...
        «Неужели?»

* * *

Я видел свое погребенье.
Высокие свечи горели,
Кадил непроспавшийся дьякон,
И хриплые певчие пели.

В гробу на атласной подушке
Лежал я, и гости съезжались,
Отходную кончил священник,
Со мною родные прощались.

Жена в интересном безумьи
Мой сморщенный лоб целовала
И, крепом красиво прикрывшись,
Кузену о чем-то шептала.

Печальные сестры и братья
(Как в нас непонятна природа!)
Рыдали при радостной встрече
С четвертою частью дохода.

В раздумьи, насупивши брови,
Стояли мои кредиторы,
И были и мутны и страшны
Их дикоблуждавшие взоры.

За дверью молились лакеи,
Прощаясь с потерянным местом,
А в кухне объевшийся повар
Возился с поднявшимся тестом.

Пирог был удачен. Зарывши
Мои безответные кости,
Объелись на сытных поминках
Родные, лакеи и гости.

УРОДЕЦ

Шар земной катится, люди просыпались,
Широко зевая, начали вставать,
Смотрят: что за чудо? ноги посрастались...
С горя посердились и пошли скакать.

Скачут поколенья, скачут дни и ночи,
Мозг порасплескался в бедных головах,
И забыли люди, выбившись из мочи,
О ходьбе без скачки и о двух ногах.

Раз журналы пишут об игре природы;
Родился двуногий, маленький урод,
Ну для неуродов всякие уроды
Очень интересны, — поскакал народ.

Вот и осмотрели, вот и осудили,
Опустили в водку крошку-мертвеца,
Бабке дали денег, мать благодарили,
А отцу — да чуть ли и нашли отца?

НА КЛАДБИЩЕ

Я лежу себе на гробовой плите,
Я смотрю, как ходят тучи в высоте,
Как под ними быстро ласточки летят
И на солнце ярко крыльями блестят.
Я смотрю, как в ясном небе надо мной
Обнимается зеленый клен с сосной,
Как рисуется по дымке облаков
Подвижной узор причудливых листов.
Я смотрю, как тени длинные растут,
Как по небу тихо сумерки плывут,
Как летают, лбами стукаясь, жуки,
Расставляют в листьях сети пауки...

Слышу я, как под могильною плитой
Кто-то ежится, ворочает землей,
Слышу я, как камень точат и скребут
И меня чуть слышным голосом зовут:
«Слушай, милый, я давно устал лежать!
Дай мне воздухом весенним подышать,
Дай мне, милый мой, на белый свет взглянуть,
Дай расправить мне придавленную грудь.
В царстве мертвых только тишь да темнота,
Корни крепкие, да гниль, да мокрота,
Очи впавшие засыпаны песком,
Череп голый мой источен червяком,
Надоела мне безмолвная родня.
Ты не ляжешь ли, голубчик, за меня?»

Я молчал и только слушал: под плитой
Долго стукал костяною головой,
Долго корни грыз и землю скреб мертвец,
Копошился и притихнул наконец.
Я лежал себе на гробовой плите,
Я смотрел, как мчались тучи в высоте,
Как румяный день на небе догорал,
Как на небо бледный месяц выплывал,
Как летели, лбами стукаясь, жуки,
Как на травы выползали светляки...

* * *

Ходит ветер избочась
Вдоль Невы широкой,
Снегом стелет калачи
Бабы кривобокой.

Бьется весело в гранит,
Вихри завивает,
И, метелицей гудя,
Плачет да рыдает.

Под мостами свищет он
И несет с разбега
Белогрудые холмы
Молодого снега.

Под дровнишки мужика
Всё ухабы су́ет,
Кляче в старые бока
Безотвязно дует.

Он за валом крепостным
Воет жалким воем
На соборные часы
С их печальным боем:

Много близких голосов
Слышно в песнях ваших,
Сказок муромских лесов,
Песен дедов наших!

Ходит ветер избочась
Вдоль Невы широкой,
Снегом стелет калачи
Бабы кривобокой.

СТАТУЯ

П. В. Быкову

Над озером тихим и сонным,
Прозрачен, игрив и певуч,
Сливается с камней на камни
Холодный железистый ключ.

Над ним молодой гладиатор:
Он ранен в тяжелом бою,
Он силится брызнуть водою
В глубокую рану свою.

Как только затеплятся звезды
И ночь величаво сойдет,
Выходят на землю туманы,
Выходит русалка из вод.

И, к статуе грудь прижимая,
Косою ей плечи обвив,
Томится она и вздыхает,
Глубокие очи закрыв.

И видят полночные звезды,
Как просит она у него
Ответа, лобзанья и чувства
И как обнимает его.

И видят полночные звезды
И шепчут двурогой луне,
Как холоден к ней гладиатор
В своем заколдованном сне.

И долго два чудные тела
Белеют над спящей водой...
Лежит неподвижная полночь,
Сверкая алмазной росой;

Сияет торжественно небо,
На землю туманы ползут;
И слышно, как мхи прорастают,
Как сонные травы цветут...

Под утро уходит русалка,
Печальна, бела и бледна,
И, в сонные волны спускаясь,
Глубоко вздыхает она...

МЕМФИССКИЙ ЖРЕЦ

Когда я был жрецом Мемфиса
Тридцатый год,
Меня пророком Озириса
Признал народ.

Мне дали жезл и колесницу,
Воздвигли храм;
Мне дали стражу, дали жрицу —
Причли к богам.

Во мне народ искал защиты
От зол и бед;
Но страсть зажгла мои ланиты
На старость лет.

Клянусь! Клянусь бессмертным Фтою, —
Широкий Нил,
Такой красы своей волною
Ты не поил!..

Когда, молясь, она стояла
У алтаря
И красным светом обливала
Ее заря;

Когда, склонив свои ресницы,
И вся в огне,
Она по долгу первой жрицы
Кадила мне...

Я долго думал: царь по власти,
Я господин
Своей тоски и мощной страсти,
Моих седин;

Но я признал, блестя в короне,
С жезлом в руке,
Свой приговор в ее поклоне,
В моей тоске.

Раз, службу в храме совершая,
Устав молчать,
Я, перстень свой сронив вставая,
Велел поднять.

Я ей сказал: «К началу ночи
Взойдет звезда,
Все лягут спать; завесив очи —
Придешь сюда».

Заря, кончаясь, трепетала
И умерла,
А ночь с востока набегала
Пышна, светла.

И, купы звезд в себе качая,
Зажегся Нил;
В своих садах, благоухая,
Мемфис почил.

Я в храм пришел. Я ждал свиданья,
И долго ждал;
Горела кровь огнем желанья, —
Я изнывал.

Зажглась румяная денница,
И ночь прошла;
Проснулась шумная столица, —
Ты не была...

Тогда, назавтра, в жертву мщенью,
Я, как пророк,

Тяжелой пытке и сожженью
        Ее обрек...

И я смотрел, как исполнялся
        Мой приговор
И как, обуглясь, рассыпался
        Ее костер!

БУДУЩИМ МОГИКАНАМ

Да, мы, смирясь, молчим... в конце концов — бесспорно!
Юродствующий век проходит над землей;
Он развивает ум старательно, упорно,
И надсмехается над чувством и душой.

Ну, что ж? Положим так, что вовсе не позорно
Молчать сознательно, но заодно с толпой;
В веселье чувственности сытой и шальной
Засмеивать печаль и шествовать покорно!

Толпа — всегда толпа! В толпе себя не видно:
В могилу заодно сойти с ней не обидно;
Но каково-то тем, кому судьба — стареть,

И ждать, как подрастут иные поколенья
И окружат собой их, ждущих отпущенья
Последних могикан, забывших умереть!

* * *

За то, что вы всегда от колыбели лгали,
А может быть, и не могли не лгать;
За то, что, торопясь, от бедной жизни брали
Скорей и более, чем жизнь могла вам дать;

За то, что с детских лет в вас жажда идеала
Не в меру чувственной и грубою была,
За то, что вас печаль порой не освежала,
Путем раздумия и часу не вела;

Что вы не плакали, что вы не сомневались,
Что святостью труда и бодростью его
На новые труды идти не подвизались, —
Обманутая жизнь не даст вам ничего!

КАМАРИНСКАЯ

Из домов умалишенных, из больниц
Выходили души опочивших лиц;
Были веселы, покончивши страдать,
Шли, как будто бы готовились плясать.

«Ручку в ручку дай, а плечико к плечу...
Не вернуться ли нам жить?» — «Ой, не хочу!
Из покойничков в живые нам не лезть, —
Знаем, видим — лучше смерть как ни на есть!»

Ах! Одно же сердце у людей, одно!
Истомилося, измаялось оно;
Столько горя, нужды, столько лжи кругом,
Что гуляет зло по свиту ходенем.

Дай копеечку, кто может, беднякам,
Дай копеечку и нищим духом нам!
Торопитесь! Будет поздно торопить.
Сами станете копеечки просить...

Из домов умалишенных, из больниц
Выходили души опочивших лиц;
Были веселы, покончивши страдать,
Шли, как будто бы готовились плясать...

* * *

Мне грезились сны золотые!
Проснулся — и жизнь увидал...
И мрачным мне мир показался,
Как будто он траурным стал.

Мне виделся сон нехороший!
Проснулся... на мир поглядел:
Задумчив и в траур окутан,
Мир больше, чем прежде, темнел.

И думалось мне: отчего бы —
В нас, в людях, рассудок силен —
На сны не взглянуть, как на правду,
На жизнь не взглянуть, как на сон!

* * *

Нет ограды! Не видать часовни!
Рядом гряд могилки подняты...
Спят тут люди, все под Богом ровни,
С плеч сложив тяжелые кресты.

Разоделись грядушки цветами,
Будто поле, что под пар пошло;
Вдоль борозд, намеченных гробами,
Много тени к ночи залегло...

В этот год вы, грядки, помельчали;
Помню я: вас больше было тут.
Волны смерти тихой зыбью стали,
Год еще — и вовсе пропадут.

Дождь пройдет — вершинки обмывает;
Вспашут землю, станут боронить,
Солнце выжжет, ветер заровняет...
Поле было — полю тут и быть!

СТРАСБУРГСКИЙ СОБОР

Когда случалось, очень часто,
Мне проходить перед тобой,
С одною башнею стоял ты —
Полуоконченный, хромой!

Днем, как по книге, по тебе я
О давнем времени читал;
Безмолвный мир твоих фигурок
Собою текст изображал.

Днем в отворявшиеся двери
Народ входил и выходил;
Обедня шла, и ты органом
Как бы из груди голосил.

Всё это двигалось и жило,
И даже ряд надгробных плит,
Казалось мне, со стен отвесных
В латинских текстах говорит.

А ночью двери закрывались,
Фигурки гибли с темнотой,
С одною башнею стоял ты —
Отвсюду запертый, немой!

И башня, как огромный палец
На титанической руке,
Писала что-то в небе темном
На незнакомом языке!

Не башня двигалась, но — тучи...
И небо, на оси вертясь,
Принявши буквы, уносило
Их неразгаданную связь...

НА ПЛОТИНЕ

Как сочится вода сквозь прогнивший постав,
        У плотины бока размывает,
Так из сердца людей, тишины не сыскав,
        Убывает душа, убывает...

Надвигается вкруг от сырых берегов
        Поросль вязкая моха и тины.
Не певать соловьям, где тут ждать соловьев
        На туманах плывучей трясины!

Бор погнил... Он не будет себя отражать,
        Жить вдвойне... А зима наступает!
И промерзнет вода, не успев убежать,
        Вся, насквозь... и уже замерзает!..

МЕФИСТОФЕЛЬ В ПРОСТРАНСТВАХ

Я кометой горю, я звездою лечу
И куда посмотрю, и куда захочу,
        Я мгновенно везде проступаю!
Означаюсь струей в планетарных парах,
Содроганием звезд на старинных осях —
        И внушаемый страх — замечаю!..

Я упасть — не могу, умереть — не могу!
Я не лгу лишь тогда, когда истинно лгу, —
        И я мир возлюбил той любовью,

Что купила его всем своим существом,
Чувством, мыслью, мечтой, всею явью и сном,
А не только распятьем и кровью.

Надо мной ли венец не по праву горит?
У меня ль на устах не по праву царит
Беспощадная, злая улыбка?!.
Да, в концерте творенья, что уши дерет,
И тогда только верно поет, когда врет, —
Я, конечно, первейшая скрипка...

Я велик и силен, я бесстрашен и зол;
Мне печали веков разожгли ореол,
И он выше, всё выше пылает!
Он так ярко горит, что и солнечный свет,
И сиянье блуждающих звезд и комет
Будто пятна в огне освещает!

Будет день, я своею улыбкой сожгу
Всех систем пузыри, всех миров пустельгу,
Всё, чему так приятно живется...
Да скажите же: разве не видите вы,
Как у всех на глазах, из своей головы,
Мефистофелем мир создается?!

Не с бородкой козла, не на тощих ногах,
В епанче и с пером при чуть видных рогах
Я брожу и себя проявляю:
В мелочь, в звук, в ощущенье, в вопрос и в ответ,
И во всякое «да», и во всякое «нет»,
Невесом, я себя воплощаю!

Добродетелью лгу, преступленьем молюсь!
По фигурам мазурки политикой вьюсь,
Убиваю, когда поцелую!
Хороню, сторожу, отнимаю, даю —
Раздробляю великую душу мою
И, могу утверждать, торжествую!..

ЦИНГА

Когда от хлябей и болот
И от гнилых торфяников
Тлетворный дух в ночи идет
В молочных обликах паров,

И ищет в избы он пути,
Где человек и желт, и худ,
Где сытых вовсе не найти,
Где вечно впроголодь живут, —

Спешите мимо поскорей,
Идите дальше стороной
И прячьте маленьких детей:
Цинга гуляет над землей!

«Ах, мама! Глянь-ка из окна...
Там кто-то есть, наверно, есть!
Вон голова его видна,
Он ищет щелку, чтоб пролезть!

Какой он белый и слепой!..
Он шарит пальцами в стене...
Он копошится за стеной...
Ах, не пускай его ко мне!..»

Дитя горит... И сух язык...
Нет больше силы кликнуть мать...
Безмолвный гость к нему приник
Припал! дает собой дышать!

Как будто ластится к нему,
Гнетет дитя, раскрыл всего
И, выдыхая гниль и тьму,
Себя он греет об него...

Так, говорят, их много мрет
В лачугах, маленьких детей, —
Там, где живут среди болот,
У ко́релы и лопарей!

В ЗАОНЕЖЬИ

Верст сотни на́ три одинокий,
Готовясь в дебрях потонуть,
Бежит на север не широкий,
Почти всегда пустынный путь.

Порою, по часам по целым,
Никто не едет, не идет;
Трава под семенем созрелым
Между колей его растет.

Унылый край в молчаньи тонет...
И, в звуках медленных, без слов,
Одна лишь проволока стонет
С пронумерованных столбов...

Во имя чьих, каких желаний
Ты здесь, металл, заговорил?
Как непрерывный ряд стенаний
Твой звук задумчив и уныл!

Каким пророчествам тут сбыться,
Когда, решившись заглянуть,
Жизнь стонет раньше, чем родится,
И стоном пролагает путь?!.

ДЬЯЧОК

Над Двиной, рекой великой,
В дальнем Севера углу,
Где в пустынных смолокурнях
Гонят деготь и смолу;

Где по дебрям непроглядным
Сосен белые тела
Разрезает, нагреваясь,
Темно-синяя пила, —

Подле церкви над горою
Белый домик не высок;
Долгий век в нем доживает,
На покой уйдя, дьячок.

Стены белы, окна чисты,
По-над лавкой ряд икон;
Подле них в изображеньях —
И Соло́вки, и Афон...

Все дешевые картинки!
А на стенке, при дверях,
В черном весь, в широкой рясе
Виден иеромонах, —

В клобуке; с высокой груди
Ярко блещут ордена;
Борода их чуть прикрыла —
И роскошна, и темна...

Фотография большая,
В ценной рамке, за стеклом;
Тот, кто снят, глядит — довольный,
Что попал он в этот дом.

«Слушай, дедушка: кто этот?
Статный, взысканный такой?»
— «Этот?.. — старый улыбнулся. —
Этот вот? — сынишка мой».

— «Где ж он?» — «В Киеве, родимый,
У святительских мощей;
Много лет уж он в далекой
Лавре, значит, казначей.

Был он мальчиком болезным,
Дряблым, худеньким таким!
Раз приходит, говорит мне:
Тятя, я пойду к святым...

И пошел... А вот в Успенье
Будет десять уж годов,
Как к нему я ездил в Киев.
Звал уж очень! Добрый зов!

Денег выслал! Все не еду!
Так монаха, вишь, прислал,
Чтоб отца, мол, взял в дорогу
И в пути оберегал.

Приезжаем, значит, в Киев
К повечерию, с зарей...
Только вышли на вокзалу
Глядь: карета четверней!

Страшно стало! Не привычно!
Сердце робость забрала!
Едем к Лавре... Запылали,
Словно солнце, купола...

У ворот остановились;
На воротах на святых —

Намалеванные лики!
А внизу — ряды живых.

Все монахи да монахи —
По проходу, с двух сторон;
Как взошли мы — песнь запели,
Звучный ангельский канон.

А под сводом, по средине,
В клобуке и в орденах,
Мой сынишка!.. Ах ты, Боже!
Радость светится в очах!

Снял клобук — да мне-то в ноги!..
Отче! С Господом гряди!..
Ордена-то все повисли
Прямо на́ землю с груди!..

Вот мне сын какой достался!
Тело духом возродил!..»
— «Что же, дедушка, остаться
Разве сын-то не просил?»

— «Не просил?! С земным поклоном
Много раз просил в слезах...
Да и рай у них небесный
В лаврских холеных садах...»

— «Отчего же ты вернулся?»
— «Отчего?.. Да как сказать...
Вот привык, — восьмой десяток
Знать — что солнцу тут вставать,

Там — садится за лесочком...
Да и колокол тогда
Новый ставили!.. Гляди-ка:
Вон сияет, что звезда!..»

ПОСЛЕ КАЗНИ В ЖЕНЕВЕ

Тяжелый день... Ты уходил так вяло...
Я видел казнь: багровый эшафот
Давил, как будто бы, сбежавшийся народ,
И солнце ярко на топор сияло.

Казнили. Голова отпрянула, как мяч!
Стер полотенцем кровь с обеих рук палач,
А красный эшафот поспешно разобрали,
И увезли, и площадь поливали.

Тяжелый день... Ты уходил так вяло...
Мне снилось: я лежал на страшном колесе,
Меня коробило, меня на части рвало,
И мышцы лопались, ломались кости все...

И я вытягивался в пытке небывалой
И, став звенящею, чувствительной струной, —
К какой-то схимнице, больной и исхудалой,
На балалайку вдруг попал едва живой!

Старуха страшная меня облюбовала
И нервным пальцем дергала меня,
«Коль славен наш Господь» тоскливо напевала,
И я втори́л ей — жалобно звеня!..

* * *

Кто вам сказал, что ровно половина
Земли, та именно, что в ночь погружена,
Где темнота царит, где звезды светят зримо,
Вся отдана успокоенью сна?
    Бессонных множество! Смеясь, или кляня,
    Они проводят в ночь живую ярость дня!

Кто вам сказал, что ровно половина
Земли вертящейся объята светлым днем?
А все образчики классической дремоты,
Умов охваченных каким-то столбняком?
    Нет! Полон день земли, в котором бьемся мы,
    Духовной полночью, смущающей умы.

* * *

Да, я устал, устал, и сердце стеснено!
О, если б кончить как-нибудь скорее!
Актер, актер... Как глупо, как смешно!
И что ни день, то хуже и смешнее!
И так меня мучительно гнетут
И мыслей чад, и жажда снов прошедших,
И одиночество... Спроси у сумасшедших,
Спроси у них — они меня поймут!

* * *

В костюме светлом Коломбины
Лежала мертвая она,
Прикрыта вскользь, до половины,
Тяжелой завесью окна.
И маска на сторону сбилась;
Полуоткрыт поблекший рот...
Чего тем ртом не говорилось?
Теперь он в первый раз не лжет!

МУРМАНСКИЕ ОТГОЛОСКИ

С. С. Трубачеву

I

Утро. День воскресный. Бледной багряницей
Брызнул свет ленивый по волне, объятой
Теменью холодной. Будто бы зарницей,
В небе вдруг застывшей, бледно-лиловатой,
Освещает утро хмурый лик Мурма́на.
Очерки утесов сквозь туман открылись...
Сердце, отчего ты так проснулось рано?
Отчего вы, мысли, рано окрылились?
Помнят, помнят мысли, знает сердце, знает:
Нынче день воскресный. На просторе вольном,
Как шатром безбрежным, церковь покрывает
Всю страну родную звоном колокольным,
И в шатре том, с краю, в холоде тумана,
В области скалистой молча притаилось
Мрачное обличье дальнего Мурма́на...
И оно зарделось, и оно молилось!

II

Будто в люльке нас качает.
Ветер свеж. Ни дать, ни взять,
Море песню сочиняет —
Слов не может подобрать.

Не помочь ли? Жалко стало!
Сколько чудных голосов!
Дискантов немножко мало,
Но зато не счесть басов.

Но какое содержанье,
Смысл какой словам придать?

Море — странное созданье,
Может слов и не признать.

Диких волн седые орды,
Тонкой мысли не поймут,
Хватят вдруг во все аккорды
И над смыслом верх возьмут.

III

Цветом стальным отливают холодные,
Грузные волны полярных зыбей,
Солнца полуночи тени лиловые
Видны на палубе подле снастей;

С этим наплывом теней фиолетовых
Только лишь пушки своей желтизной
Спорят как будто; склонились, насупились,
Стынут, облитые крупной росой.

Красная искра порою взвивается
В черном дыму; оживая на миг,
Ярко блестит! Перед нею туманится
Вечного солнца полуночный лик...

IV

Перед бурей в непогоду
Разыгралися киты.
Сколько их! Кругом мелькают
Будто темные щиты
Неких витязей подводных.
Бой незрим, но слышен гром.
Над пучиною кипящей
Ходят волны ходенем,

Проступают остриями...
Нет сомненья: под водой,
Под великими волнами,
Занялся могучий бой!
Волны — витязей шеломы,
Бури рев — их голоса!
Блещут очи... Кто на вахте?
Убирайте паруса,
Чтоб не спутаться снастями
Между дланей и мечей;
Увлекут они в пучину
Нас, непрошенных людей.
Закрывай плотнее люки!
Так! Совсем без парусов
С ними мы еще поспорим!
Ходу дай! Прибавь паров...
Налетает шквал за шквалом,
Через борт идет волна;
Грохот, посвист и шипенье,
В стройных мачтах дрожь слышна.
Не уловишь взглядом в тучах
Очертаний буревых...
Как зато повеселели
Стаи грустных птиц морских!
Кто сказал, что в буре страхи?
Под размахами ее
Вялы, робки и пугливы
Только слабость да нытье...

V

След бури не исчез. То здесь, то там мелькают
Остатки черные разбившихся судов
И, проносимые стремниной, ударяют
И в наше судно, вдоль его боков.

Сухой, тяжелый звук! В нем слышатся отзывы—
Следы последние погибнувших людей...
Все щепки разнесут приливы и отливы,
Опустят в недра стонущих зыбей.

Вдоль неподвижных скал стремниною несутся
Гряды подводных трав, оторванных от дна,
Как змеи длинные, их нити волокутся,
И цветом их пучина зелена.

А там у берегов виднеются так ясно
Остатки корабля; расщепленное дно
До самого киля сияет ярко-красно...
У черных скал — кровавое пятно!

VI

Здесь, в заливе, будто в сказке
Вид закрыт во все концы;
По дуге сложились скалы
В чудодейные дворцы;

В острых очерках утесов,
Где так густ и влажен мох,
Выраженья лиц каких-то,
Вдруг застывшие врасплох.

У воды торчат, белея,
Как и скалы велики,
Груды ребр китов погибших,
Черепа и позвонки.

К ним подплывшая акула
От светящегося дна
Смотрит круглыми глазами,
Неподвижна и темна,

Вся в летучих отраженьях
Высоко снующих птиц —
Как живое привиденье
В этой сказке полной лиц!

VII

И, подумаешь, бросив на край этот взоры:
Здесь, когда-то, в огнях допотопной земли,
Кто-то сыпал у моря высокие горы,
И лежат оне так, как когда-то легли!

Неприветны, черны громоздятся уступы...
То какой-то до века погасший костер,
То каких-то мечтаний великие трупы,
Чей-то каменный сон, наводнивший простор!

В нем угрюмые люди — поморы толкутся,
Призываются к жизни на краткие дни...
Не дано им ни мыслью, ни чувством проснуться!
Уж не этим ли счастливы в жизни они?

VIII

Неподвижны очертанья
Здешних скал и островов:
Это летопись страданья
Исковерканных пластов;

Эпопея или драма
Жизни каменных пород!
Небеса и море — рама,
Та же все, из года в год.

Подле них, что день, то новы.
Живы час один, иль два,
Народившись без основы,
Проплывают острова

Темных водорослей — уток,
Чаек и гагар притон!
Словно ряд плывущих шуток,
Словно легкий фельетон...

IX

Доплывешь когда сюда,
Повстречаешь города
Что ни в сказках не сказать,
Ни пером не описать!

Город — взять хоть на ладонь!
Ни один на свете конь
Не нашел к нему пути;
Тут и улиц не найти.

Меж домов растет трава;
Фонари — одни слова!
Берег моря, словно жив —
Он растет, когда отлив;

Подавая голос свой
Громче всех, морской прибой
Свеял с этих городов
Всякий след пяти веков!

Но уж сказка здесь вполне
Наступает по весне,
Чуть из них мужской народ
В море на́ лето уйдет.

Бабье царство здесь тогда!
Бабы правят города,
И чтоб бабам тем помочь,
Светит солнце день и ночь!

С незапамятных времен
Сарафан их сохранен,
Златотканый, парчево́й;
Кички с бисерной тесьмой;

Старый склад и старый вкус
В нитях жемчуга и бус,
Новгородский, вечевой,
От прабабок он им свой.

И таков у баб зарок:
Ждать мужчин своих на срок,
Почту по морю возить,
Стряпать, ткать и голосить;

Если в море гул и стон —
Ставить свечи у икон,
И заклятьем вещих слов
Укрощать полет ветров.

X

Снега заносы по скалам
Всюду висят бахромой;
Солнце июльское блещет, —
Встретились лето с зимой.

Ветер от запада. Талый
Снег под ногами хрустит;
Рядом со снегом, что пурпур,
Кустик гвоздики горит.

Тою же яркостью красок
В Альпах, на крайних выся́х
Кучки гвоздики алеют,
В вечных, великих снегах.

В Альпах, чем ближе к долинам,
Краски цветов все бледней,
Словно тускнеют, почуяв
Скучную близость людей.

Здесь — до болот ниспадает
Грань вековечных снегов;
Тихая жизнь не свевает
Яркости Божьих цветов;

Дружно пылают гвоздики,
Рдеют с бессчетных вершин
Мохом окутанных кочек,
Вспоенных влагой трясин.

XI

Какие здесь всему великие размеры!
Вот хоть бы лов классической трески!
На крепкой бечеве, верст в пять иль больше меры,
Что ни аршин, навешаны крючки;

Насквозь проколота на каждом рыбка бьется...
Пять верст страданий! Это ль не длина?
Порою бечева китом, белугой рвется —
Тогда страдать артель ловцов должна.

В морозный вихрь и снег, — а это ль не напасти? —
Не день, не два, с терпеньем без границ
Артель в морской волне распутывает снасти,
Сбивая лед с промерзлых рукавиц.

И завтра то же, вновь... В дому помору хуже:
Тут, как и в море, вечно сир и нищ,
Живет он впроголодь, а спит во тьме и стуже
На гнойных нарах мрачных станови́щ.

XII

Здесь, говорят, у них, порой,
Смерть человеку облик свой
В особом виде проявляет.
Когда, в отлив, вода сбегает
И, между камнями, помор
Идет открытыми песками,
Путь сокращая, — кругозор
Его обманчив; под ногами
Песок не тверд; помор спешит, —
Прилив не ждет! Вдруг набежит
Отвсюду! Вот уже мелькают
Струи, бегущие назад;
То здесь, то там опережают,
Под камни льются, шелестят!
А вон, вдали, седая грива
Ползущего в песках прилива
Гудит, неистово ревет
И водометами встает...
Скорей, скорей! Но, нет дороги!
Пески сдаются, вязнут ноги,
Пески уходят под ногой...
Все выше волн гудящих строй!
Их гряды мечутся высоко,
Чтоб опрокинуться потом...
Все море лезет на подъем!
Спасенья нет... Блуждает око...
Все глубже хлябь, растет прилив!
Одолеваемый песками,
Помор цепляется руками,
И он не мертв еще, он жив —

А тяжкий гул морского хора,
Чтоб крик его покрыть полней,
В великой мощности напора
Стучит мильонами камней...

XIII

Взобрался я сюда по скалам;
С каким трудом на кручу взлез!
Внизу бурун терзает море,
Кругом, по кочкам, мелкий лес...

Пигмеи-сосенки! Лет двести
Любой из них, а вышиной
Едва-едва кустов повыше;
Что ни сучок — больной, кривой.

Лет двести жизни трудной, скучной
И рост такой... Везде вокруг
Не шум от ветра — трепетанье,
Как будто робкий плач, испуг...

Но счастье есть и в них: не знают,
Не ведают, что поюжней
Взрастают сосны в три обхвата
И с пышной хвоею ветвей,

И что вдали, под солнцем юга,
В морскую синь с вершин Яйлы
Сквозь сетки роз и винограда
Глядят других сестер стволы...

XIV

Из тяжких недр земли насильственно изъяты,
Над вечно бурною холодною волной,

Мурма́на дальнего гранитные палаты
Тысячеверстною воздвиглися стеной,
И пробуравлены ледя́ными ветрами,
И вглубь расще́плены безмолвной жизнью льдов,
Оне ютят в себе скромнейших из сынов
Твоих, о родина, богатая сынами.

Здесь жизнь придавлена, обижена, бедна!
Здесь русский человек пред правдой лицезренья
Того, что Божиим веленьем сведена
Граница родины с границею творенья,
И глубь морских пучин так страшно холодна, —
Перед живым лицом всевидящего Бога
Слагает прочь с души, за долгие года,
Всю тяготу вражды, всю немощность труда,
И говорит: сюда пришла моя дорога!
Скажи же, Господи, отсюда мне куда?

XV

Хоть бы молниям светиться!
Тьма над морем, тьма!
Вихорь, будто зрячий, мчится—
Он сошел с ума...

Он выводит над волнами,
Из бессчетных струн,
Гаммы с резкими скачками...
А поет бурун.

Что за свадьба? что за пляска?
Если б увидать!
Тьма, как плотная повязка,—
Где ее сорвать...

Сердцем чуются движенья
Темных сил ночных,

Изможженные виденья,
Плач и хохот их...

XVI

Когда, на краткий срок, здесь ясен горизонт,
И солнце сыплет блеск по отмелям и лудам,
Ни Адриатики волна, ни Геллеспонт
Таким темнеющим не блещут изумрудом;

У них не так густа бывает синь черты,
Делящей горизонт на небо и на море...
Здесь вечность, в веяньи суровой красоты,
Легла для отдыха и дышит на просторе!

ЗА СЕВЕРНОЙ ДВИНОЮ
(На реке Тойме)

В лесах, замкнувшихся великим, мертвым кругом,
В большой прогалине, и светлой, и живой,
Расчищенной давно и топором, и плугом,
Стою задумчивый над тихою рекой.

Раскинуты вокруг по скатам гор селенья,
На небе облака, что думы на челе,
И сумрак двигает туманные виденья,
И месяц светится в полупрозрачной мгле.

Готовится заснуть спокойная долина;
Кой-где окно избы мерцает огоньком,
И церковь древняя, как облик исполина,
Слоящийся туман пронзила шишаком.

Еще поет рожок последний, замолкая.
В ночи так ясен звук! Тут — люди говорят,

Там — дальний перелив встревоженного лая,
Повсюду — мягкий звон покоящихся стад.

И Тойма тихая, чуть слышными струями,
Блистая искрами серебряной волны,
Свивает легкими, волшебными цепями
С молчаньем вечера мои живые сны.

Край без истории! Край мирного покоя,
Живущий в веяньи родимой старины,
В обычной ясности семейственного строя,
В покорности детей и скромности жены.

Открытый всем страстям суровой непогоды
На мертвом холоде нетающих болот —
Он жил без чаяний мятущейся свободы,
Он не имел рабов, но и не знал господ...

Под вечным бременем работы и терпенья,
Прошел он день за днем далекие века,
Не зная помыслов враждебного стремленья —
Как ты, далекая, спокойная река!..

Но жизнь иных основ, упорно наступая,
Раздвинувши леса, долину обнажит, —
Создаст, как и везде, бытописанья края
И пестрой новизной обильно подарит.

Но будет ли тогда, как и теперь, возможно
Над этой тихою неведомой рекой
Пришельцу отдохнуть так сладко, нетревожно
И так живительно усталою душой?

И будут ли тогда счастливей люди эти,
Что мирно спят теперь, хоть жизнь им не легка?..
Ночь! Стереги их сон! Покойтесь, Божьи дети,
Струись, баюкай их, счастливая река!

КРЕЩЕНСКАЯ СКАЗКА-ПОБЫВАЛЬЩИНА
О путешествии государевых сыновей
1891 год

Ой же, свет-государыня матушка,
Ходит слух: ты тоскуешь, печалишься,
По сынкам ты грустишь, по отъехавшим,
И по первенце свет-цесаревиче.
У тебя ль в теремах по-небесному
К пированьям столы все налажены,
Все посланники вкруг их посажены,
Люди умные, головы думные,
И беседуют все по высокому,
И гудит перегудами музыка;
Только в сердце твоем все неможется.
Очи темные долу опущены,
По уехавшим в даль заволо́кнуты...

Прикажи, государыня-матушка,
Чтоб гусля́ра меня стражи царские
Допустили в хоромы высокие,
Чтобы их не вспугнуть неожиданно
Несуразной моей деревенщиной.
Не понравлюсь — пусть выгонят, матушка,
А понравлюсь твоей если милости,
Подари ты сермягу-гусе́льника
Не собольею шубой, не золотом,
Возвращеньем веселья очам твоим.
Разрешишь если слово мне вымолвить —
Положу я поклон царю-батюшке,
А тебе-то, царица, в особину,
Если нужно другой даже, в дву́гожды,
И начну я свой сказ-побывальщину.

Не коня оседлали седельником,
Подтянули подпругой шелко́вою.
Оснастили, знать, круты кораблики,
Забелели на них белы парусы,

И не тученьки в небе зате́мнели,
И не белы снежки забелелися,
А поехал в моря государев сын,
Величать его свет-цесаревичем;
Он со братом поехал, со младшиим;
Осенился народ крестным знаменьем,
Иереи взмолились с поклонами,
И поплыли по морю кораблики,
На восток держа, к солнцу румяному.

А тем временем я, государыня,
Меж обеднею и заутреней,
На далеких выся́х, в тучевы́х краях,
Да под шапкою невидимочкой,
На ковре-самолете схоранивался!
А и в первый час — видел полземли,
А второй пошел — не могли найти!
Побывал я, царица, в далеких местах,
А в каких, то тебе я поведаю.

Как взвилися мы выше Синих гор,
Где Дунай-река схоронилася,
Где гостила не раз побывальщина,
Сказкой стала и людям не верится.
Пролетали мы из орды в орду,
К Яровицкой земле, к черным муринам,
Там Незнай-царства все на дым пошли
И в безвечном своем вековечии
Безо всякой лежат шевелимости.
Там степных песков по окраинам
Объявилися царства новые;
Там два синие моря столкнулися,
Ищут, как им быть, как места найти,
И все шире берут, разливаются,
В Окиян-море обращаются.
А летели мы полосою той,
Где, спокон века, людям не видимо,
Светлый день с темной ночью встречаются,

Под медяной росою целуются,
Где — ни явь, ни сон, вещей сказки дрема,
Где ковры-самолеты попархивают,
Не сшибаются, умны, у́вертки.

Только зоренька к сроку засветлилась,
Вижу я: едут в море кораблики,
Что лебедушки, друг за дружкой вслед;
Бока согнуты по-гусиному,
Носы строены по-орлиному,
Орлы-птицы к носам тем прилажены,
Все кораблики прибраны, холены,
Трубы дымные, знай, пофу́рскивают,
Стальны пушечки, знай, поблескивают,
С чердаков глядят стражи зоркие,
Атаманы по вышкам похаживают,
Вкруг послушивают, вдаль поглядывают.

А и первый корабль поосанистей,
На него упасть я ковру велел;
Мы спустились на вышку чердачную.
Вижу: люди проснулись, все заняты,
Кто студеной водой умывается,
Кто оделся — тот крестится, молится.
Прибирают кораблик, осматривают,
По кодолам-снастям расползаются,
В мачтах, ко́ржиньях мухами лепятся,
Паруса-флаки быстро укладывают.
Часовых повели, смену новую;
К якорям пошли, скоро их метать:
В синеве морской горы видятся,
Означаются золотой чертой.

И пора бы из люка на палубу,
Да по лестничке частоуступчатой,
Проявиться сынам твоим царскиим!
Но не идут они, позамешкались!
Уж и берег-то в видимость близится,

Все их нет. Атаманы шушукают,
Где вдвоем, где втроем собираются:
— Не пойти ль, говорят, понаведаться?
А кому пойти — на том спор идет,
Все у люка стоят, вниз посматривают,
Пальцем кажут путь, а идти нейдут.

А и тут я, надвинувши шапочку,
По ступенькам с коврами муравчатыми
Проскользнул, государыня-матушка,
Во открытую к палубе камерку;
Не скрыпуча ходьба деревенщины!
Вижу: точно, сыны твои царские.
За столом сидят, пишут грамотки,
И торопятся, и подмахивают,
На часы-самоходы поглядывают,
Золотыми песками посыпывают
И печатки до грамот прикладывают!
Знать, минуты сосчитаны, до́роги,
Письма срочные, берег близится...
Подошел я к столу. Мало грамотен —
А прочесть прочел: письма к матушке,
К государю-отцу, а надписаны —
До великого стольного города,
До большого двора государева;
А чтоб им не ждать, чтоб гонцу скакать,
Чуть метнут от кораблика я́кори.
Государевы дети их быстро строчат,
И торопятся, и подмахивают,
Золотыми песками посыпывают,
На часы-самоходы поглядывая.

А и тут надо мной, государыня,
Собралась вдруг гроза неминучая!
Страсть-охота взяла меня лютая
Скинуть шапку мою невидимочку,
Стать, как есть, пред лицо цесаревича,
Чтоб послал он меня к тебе с весточкой:

Ведь с нарочным она все скорей дойдет!
Если б, вправду, я снял с себя шапочку,
Уничтожил свое затемнение, —
Распознали б меня несуразного,
Ни к какому занятью непро́шеного!
Испытал бы красы́-басы всякие
За такое мое молодечество...
Сердце в груди упало, ужахнулось!
Мураши по спине вдоль забегали!
Как стоял — так спиной и попятился,
И на палубу вылез срамне́шенько,
Окорачь иль затылком — не помнится.

Только выполз, мне вслед, государыня,
Той же лестничкой частоуступчатой,
Проявились сыны твои царские.
Разоделись в покруты нарядные,
Как почестным гостям полагается,
И по палубе стали похаживать.
Цесаревич пошел первым наперво;
Он с людьми со своими здоровается,
Со своими людьми, со работничками;
Уж и ласков он, и приветлив он,
Все поклоны кладет он по писаному,
С атаманами он разговаривает!
А и брови его — черным соболем,
А глаза его — ясного сокола!
Загорел он в пути, поплотнее стал.

А тем временем к берегу близимся,
К лукоморью подходим великому.
Город видим большой, со стрельни́цами,
По нагорьям дворцы в нем рассыпаны,
А по гребням крыш — змеи, ястребы,
Стены пестрые, окна фигурные,
Колокольцы по башням развешаны,
Ветер ходит по ним да позванивает;
Золотое именье — богачество,

Несказанно красивая видимость!
Как начать, если толком описывать,
На бумагу — продать надо Киев-град,
На чернила — не хватит Чернигова!
А вкруг города села с приселками,
А по улкам его, закоулочкам,
На больших площадях, на торговых путях,
Обтолпилось народу невидимо;
Люд несметный, все головы, головы,
Все чужие чужане заморские,
Все бурзы-мурзы, ханы китайские,
Все богатая, значит, бога́тина!
Кто мущина — коса вдоль спины висит,
Бабы — в круглых штанинах, по-му́жески!
А по взморью суденышки разные,
На боках их глаза намалеваны,
Вкруг снуют, на приезжих поглядывают
Их рули, что змеиные хвостики,
В синем море вертятся, купаются,
Летом жарким в воде прохлаждаются.

А и в та поры́, самым тем временем,
На Руси, на святой, православныи,
По церковному, значит, счислению,
Млад Январь месяц только означился.
Расстилал он сугробы снего́вые,
Расставлял он хоромы ледя́ные.
Приосанившись, бодро похаживал,
Рек-озер сердца вглубь промораживал,
Напускал скоморохов да ряженых!
Всюду громко морозцы пощелкивали,
Под полозьями санок поскрипывали,
Во снежках-катышках вкруг поскакивали,
Вдоль по насту на лыжах проскальзывали;
Где бураны, метели закручивались,
Ну, а где тишь такая случалася,
Что, как солнечный луч скользил, слышалось,
Луч алеющий солнышка зимнего,

И над русской землей, отдыхающей
В несказанно доверчивой скромности,
От великих забот лета трудного,
Божья благость любовно задумывалась.

И ты верь мне, не верь, государыня,
Что прозрелись мне мысли сынов твоих!
Берег близок. Стоят они рядышком,
Атаманы им вслед полукружием,
Корабельное войско — ширинками.
На сынов твоих солнце любуется,
Осыпает их искрами жгучими,
А они — неподвижны, задумчивы,
Смотрят в явь, как бурзы-мурзы всякие
Вкруг снуют на суденышках писаных,
Ну, а видят не то, видят и́наче...

Иордань видят в звездах сияющих!
Вкруг иконы венцом понавешаны,
От высоких сеней государевых,
От большого крыльца, от дворцового,
По сукну багрецовому, стланому,
Иереи идут в облачениях,
Под крестами идут, под хоругвями,
Сквозь кадильный дым наземь спускаются;
Хор молитвенный Богу песнь поет!
Дохнул зимний день дыма-ладана,
Услыхал мороз песнь священную...
Дальше видят они: иереям вслед
Государь идет, а за ним князья;
Хоть спокоен царь, но не весел он:
Два-то места в семье опросталися,
Два ближайших пустуют, не заняты...

От крыльца к реке люди движутся,
Что на белый снег волной катятся,
Золотою волной, звездоносною
Той волне вослед тесьмой темною,

Как червленье по снегу, по золоту,
На высоких древках, в боевых руках,
Ряд любезных знамен означается;
И от всех-то полков они присланы:
Есть от пеших, от конных, от розысков,
От пушкарских, морских, есть казачии;
Все в горячей крови они купаны,
Прохладить их несут водой свежею,
Водой свежею, Богоявленскою.
А далёко кругом, плотным наплотно,
Православный люд, народ видится;
За рядами войск государевых,
С непокрытою головой стоит,
Во все очи глядит, смотрит, крестится,
Иорданью своею высокою,
И царем-государем, и воинством,
Как собою самим, он любуется,
На себя самого, знать, поглядывает!
А в высоком дворце, в теремном окне,
Ты, царица, народу виднеешься!
Ты в кокошнике, в золотой фате,
К Иордани святой наклоняешься,
Думой за море устремляешься...

Тут опять, государыня-матушка,
Страсть-охота взяла меня лютая
Сбросить шапку мою невидимочку,
Стать, как есть, пред лицо цесаревича,
Чтоб послал он меня к тебе с весточкой...
Да как рявкнут вдруг встречу нам пушечки,
Да как дали ответ мы с кораблика,
Да как дрогнуло вдруг по подне́бесью,
Под ногами, с боков, снизу, поверху,
Да огни запылали сверкучие,
Да грома́ загремели трескучие,
Да свистки вдруг раздались, да оклики...
Испугался я, знать, деревенщина,
И, ужахнувшись пуще прежнего,

Дал приказ ковру как ни есть лететь!
А и в первый час — видел полземли,
Чуть второй пошел — объявился здесь,
На дворе своем, в стольном городе.

Не кручинься ты, свет-государыня,
Не печалься ты в чувствах родительских,
Нашей русской земле на тяжелый сон,
Своей чистой семье на безвременье!
Ведь алмазом семья твоя светится,
Нет соринки в ней, нет задоринки,
Ходит славушка о ней добрая,
Где идет-пройдет — похвалы поет!
Возвратятся сынки твои, Матушка,
По добру, по здорову, по разуму,
От Амурской реки, Байкал-озера,
Вдоль Сибирской тайги, сквозь Уральских гор;
Ветры буйные не обвеют их,
Часты дождики не обмочат их!
На них глазу лихому — не взглядывать,
Вслед им черной примете — не следовать,
К ним беда-болесть не подступится,
А придет — пройдет с Божьей помощью!
Красно золото не медя́нится,
Чисто се́ребро не желе́зится,
Молодая душа не поржавеет!
Унесет наша осень холодная
С них налетный загар солнца южного,
А приедут — тогда и за свадебки,
Сердцу матери — к добру, к радости,
Государю-отцу — в величание,
Нашей русской земле — на поче́стный пир.

А тут сказке моей, побывальщине,
И конец пришел. Не вели казнить!
Улыбнись ты ей, свет-государыня,
Так и будет, зачем вещий сказ пошел,
Зачем в синих высях, в тучевы́х краях,

С самолетом-ковром мы схоранивались,
В полчаса полземли перепархивали...
Писем-грамоток я захватить не́ сумел,
Но принес голубиную весточку!

6 января 1891 года

* * *

Я задумался и — одинок остался
Полюбил и — жизнь великой степью стала;
Дружбу я узнал и — пламя степь спалило;
Плакал я и — василиски нарождались.

Стал молиться я — пошли по степи тени;
Стал надеяться и — свет небес погаснул;
Проклял я — застыло сердце в страхе;
Я заснул — но не нашел во сне покоя...

Усомнился я — заря зажглась на небе,
Звучный ключ пробился где-то животворный,
И по степи, неподвижной и алкавшей,
Поросль новая в цветах зазеленела...

* * *

О, не брани за то, что я бесцельно жил,
Ошибки юности не все за мною числи,
За то, что сердцем я мешать уму любил,
А сердцу жить мешал суровой правдой мысли.

За то, что сам я, сам нередко разрушал
Те очаги любви, что в холод согревали,
Что сфинксов правды я, безумец, вопрошал,
Считал ответами, когда они молчали.

За то, что я блуждал по храмам всех богов
И сам осмеивал былые поклоненья,
Что, думав облегчить тяжелый гнет оков,
Я часто новые приковывал к ним звенья.

О, не брани за то, что поздно сознаю
Всю правду лживости былых очарований
И что на склоне дней спокойный я стою
На тихом кладбище надежд и начинаний.

И все-таки я прав, тысячекратно прав!
Природа — за меня, она — мое прощенье;
Я лгал, как лжет она, и жизнь и смерть признав,
Бессильна примирить любовь и озлобленье.

Да, я глубоко прав, — так, как права волна,
И камень и себя о камень разрушая:
Все — подневольные, все — в грезах полусна,
Судеб неведомых веленья совершая.

* * *

Тебе обязан я святою тишиной,
Столь непривычною душе моей больной;
Тобой единою вся эта тишина
Мне незаслуженно, как Божий дар, дана.

И если ангелы, чтоб на землю сойти,
Имеют тихие, заветные пути, —
Я верю, чувствую, — я сознавал не раз:
Они, незримые, проходят возле нас.

НЕУЛОВИМОЕ

Неуловимое порою уловимо,
Как ветер, как роса, как звук или кристалл!

Все уловимое скорей проходит мимо,
Чем чувство, мысль, мечта, сомненье, идеал.

Бог создал не один, а два великих мира:
Мир, видимый для нас, весь в красках и чертах,
Мир тяготения! От камня до эфира
Он — в подчинении, в бессилье и в цепях...

Но подле мир другой! Из мысли человека
От века рожденный, он, что ни день, растет!
Для мысли дебрей нет, и ей везде просека,
И тяготения она не признает.

В ней мощь нетления! Повсюду проступая,
Мысль свой особый мир в подлунной создала,
И в нем она вершит, мысль Бога воплощая, —
Нерукотворные и вечные дела!

Она порой грешит, смутясь в исканье хлеба...
А все же кажется, что в недра душ людских,
В нас корни некие спускаются от неба,
Свидетели судеб и сил совсем иных.

ВОПЛОЩЕНИЕ ЗЛА

Читали ль вы когда, как Достоевский страждет,
Как в изученье зла запутался Толстой?
По людям пустозвон, а жизнь решений жаждет,
Мышленье блудствует, безжалостен закон...
Сплелись для нас в венцы блаженства и мученья,
Под осененьем их дают морщины лбы;
Как зримый признак их, свой венчик отпущенья
Уносим мы с собой в безмолвные гробы.
Весь смутный бред страстей, вся тягота угара,
Весь жар открытых ран, все ужасы, вся боль —
В могилах гасятся... Могилы — след пожара —
Он, в конце концов, счастливая юдоль!

А все же надобно бороться, силы множить,
И если зла нельзя повсюду побороть,
То властен человек сознательно тревожить
Его заразную, губительную плоть.
Пуская мысль на мысль, деянье на деянье,
В борьбе на жизнь и смерть слагать свои судьбы...
Ведь церковь Божия, вещая покаянье,
Не отрицает прав возмездья и борьбы.

Зло не фантастика, не миф, не отвлеченность!
Добро — не звук пустой, не призрак, не мечта!
Все древле — бывшее, вся наша современность
Полна их битвами и кровью залита.
Ни взвесить на весах, ни сделать измеренья
Добра и зла — нельзя, на то нет средств и сил.
Забавно прибегать к чертам изображенья;
Зачем тут — когти, хвост, Молох, Сатаниил?
Легенда древняя зло всячески писала,
По-своему его изображал народ,
Испуганная мысль зло в темноте искала,
В извивах пламени и в недрах туч и вод.
Зачем тут видимость, зачем тут воплощенья,
Явленья демонов, где медленно, где вдруг —
Когда в природе всей смысл каждого движенья —
Явленье зла, страданье, боль, испуг...
И даже чистых дум чистейшие порывы
Порой отравой зла на смерть поражены,
И кажутся добры, приветливы, красивы
Все ухищрения, все козни сатаны.

Как света луч, как мысль, как смерть, как тяготенье,
Как холод и тепло, как жизнь цветка, как звук —
Зло, несомненно, есть. Свидетель — все творенье!
Тут временный пробел в могуществе наук:
Они покажут зло когда-нибудь на деле...
Но был бы человек и жалок, и смешон,
Признав тот облик зла, что некогда воспели
Дант, Мильтон, Лермонтов и Гете, и Байрон!

Меняются года, мечты, народы, лица,
Но вся земная жизнь, все, все ее судьбы —
Одна, единая, мельчайшая частица
Борьбы добра и зла и следствий той борьбы!
На Патмосе, в свой день, великое виденье
Один, из всех людей, воочию видал —
Борьбы добра и зла живое напряженье...
Пал ниц... но — призванный писать — живописал!

* * *

Мне ее подарили во сне;
Я проснулся — и нет ее! Взяли!..
Слышу: ходят часы на стене, —
Встал и я, потому что все встали.

И брожу я весь день, как шальной, —
И где вижу, что люди смеются, —
Мнится мне: это смех надо мной,
Потому что нельзя мне проснуться.

* * *

Создав свой мир в миру людском,
Глубокой тайною хранимы,
С тобой мы в жизни шли вдвоем,
Ни для кого неуловимы.
Расстались мы! Пришел конец...
Но я, несчастливый беглец,
Свободен был недолго... Снова
Пришлось другую власть признать
И, ей в угоду, страсть былого,
Тебя — хулить и отрицать!..

* * *

И холодной волной по железным бортам
Разбивается зыбь океана!
Только в меру ль ему и его глубинам
Сердца бедного жгучая рана?!

Нет! Плывет по тебе не живой богатырь,
Чтоб прославить красу боевую...
Нет! Останки везут, и темна твоя ширь
И баюкает мощь не живую!

Что мне в том, что я мал и что мир так велик,
И что я побежденным остался!
Всё ж я соколом был, к поднебесью привык
И к нему сколько мог порывался.

Да, я мал! Да, я слаб! Но велик был любить
И велик неисходной тоскою...
И тебе, океан, той тоски не покрыть
Всею черной твоей глубиною!

* * *

Упала молния в ручей.
Вода не стала горячей.
А что ручей до дна пронзен,
Сквозь шелест струй не слышит он.

Зато и молнии струя,
Упав, лишилась бытия.
Другого не было пути...
И я прощу, и ты прости.

РЕЦЕПТ МЕФИСТОФЕЛЯ

Я яд дурмана напущу
В сердца людей, пускай их точит!
В пеньку веревки мысль вмещу
Для тех, кто вешаться захочет!

Под шум веселья и пиров,
Под звон бокалов, треск литавров
Я в сфере чувства и умов
Вновь воскрешу ихтиозавров!

У передóхнувших химер
Займу образчики творенья
Каких-то новых, диких вер
Непочатого откровенья!

Смешаю я по бытию
Смрад тленья с жаждой идеала;
В умы безумья рассую,
Дав заключенье до начала!

Сведу, помолвлю, породню
Окаменелость и идею
И праздник смерти учиню,
Включив его в Четьи-Минею.

БЫТЬ ЛИ ПЕСНЕ?

Какая дерзкая нелепость
Сказать, что будто бы наш стих,
Утратив музыку и крепость,
Совсем беспомощно затих!

Конечно, пушкинской весною
Вторично внукам, нам, не жить:

Она прошла своей чредою
И вспять ее не возвратить.

Есть вёсны в людях, зимы глянут,
И скучной осени дожди,
Придут морозы, бури грянут,
Ждет много горя впереди...

Мы будем петь их проявленья
И вторить всем проклятьям их;
Их завыванья, их мученья
Взломают вглубь красивый стих...

Переживая злые годы
Всех извращений красоты —
Наш стих, как смысл людской природы,
Обезобразишься и ты;

Ударясь в стоны и рыданья,
Путем томления пройдешь.
Минуешь много лет страданья —
И наконец весну найдешь!

То будет время наших внуков,
Иной властитель дум придет...
Отселе слышу новых звуков
Еще не явленный полет.

* * *

Сквозь видный миру смех и незримые,
неведомые ему слезы.
Гоголь

Лет десять до меня сюда предстал один,
Глубоко сумрачный, безумный Христа-ради;

Еще не дожил он до старческих седин,
И обрамляли лик волос густые пряди!

Смеялся много он! но понял, что смешки,
Как отрицание, — печальное явленье!
Кагалом яростным он принят был в свистки
И на себе познал великое глумленье!

Из всех певцов земли никто не поражал,
Как он себя самим на высоте призванья;
Гордыню осмеяв, свой гений осмеял;
И, непостриженный, сошел до покаянья!

На небывалую для духа высоту
Он поднят был могуществом прозренья!
Куда же далее? ужели в пустоту,
Иль вспять, в ничто, в земную область тленья?

Куда же, вслед за тем, в дальнейшие пути?
Куда отбыть от страха и истомы?
В природе полного крушенья не найти,
И заживляет жизнь все, все свои изломы!

А тут, постигшему пути добра и зла,
Ему, великому, вдруг беззаветно сгинуть...
Другую дерзостность, чтобы сильней была,
Как вызов божеству, едва ли можно кинуть!..

И вот он здесь, у нас! Спокоен, светел, тих
В познанье явственно вскрывающейся тайны,
Весь в обаянии, мечтах заповедны́х
О счастьи рощ и нив родной ему Украйны!

* * *

Поэт великий Дант, умерший Гибеллин,
Когда он стал вещать и ярко так, и внятно,
Он был своим словам и мыслям господин,
И говорил стихом, для всех людей понятно.
Живые облики он двигал по кругам,
В знакомых всем чертах, с живыми именами,
В одеждах явственных, спадавших тут и там,
Снабженных красками, движеньем, голосами,
Чистилище и рай, и прочный строй небес,
И своды тяжкие печальной преисподней,
Всю несомнительность свершившихся чудес,
И чуть не видимость всей мощности Господней!
Но скрылись Данту вслед тяжелых шесть веков!
Окрепнул ум людской, подвинулась наука,
Сговорчивее стал упрямый богослов;
В чем дед уверен был, то беспокоит внука!
Теперь совсем не то! Труднее стал ответ!
И все назойливей работает сомненье,
Но как живописать, чего, как будто, нет,
Нет в осязании и даже нет в виденьи?
Необретаемое где и как обресть?
Как сообщить другим без средства сообщенья?
А между тем вкруг вас таинственное есть,
Несокрушимое, вне плотности и тленья!
Что ж упрекать тогда в неясности порой,
Коль нет пригодных слов! мы темное толкуем!
Дант облики имел, черты перед собою,
А мы, во след ему, ничто живописуем.
Перед глазами мы не в силах провести
Живую видимость! ей слова не хватает!
Она пульсирует вне всякого пути
И, незаметная, повсюду обитает.
Отходит плотский мир частями! Весь уйдет
В иное, высшее! В конец преобразится!
Что ваша видимость? Что ваш круговорот?
Что будет и что есть, — вам даже и не снится...

ПЕСНИ ИЗ «УГОЛКА» 1895–1901

Посвящаются А. А. Коринфскому
и Н. А. Котляровскому

Мы — разных областей мышленья...
Мы — разных сил и разных лет...
От вас мне слово утешенья,
От вас мне дружеский привет.

Мы шли различными путями,
Различно билось сердце в нас,
И мало схожими страстями
Мы жили в тот иль в этот час.

Но есть неведомые страны,
Где — в единении святом —
Цветут, как на Валгалле, раны
Борцов, почивших вечным сном.

Чем больше ран — тем цвет их краше,
Чем глубже — тем расцвет пышней!..
И в этом, в этом — сходство наше,
Друзья моих последних дней.

1

Здесь счастлив я, здесь я свободен, —
        Свободен тем, что жизнь прошла,
Что ни к чему не годен,
        Что полуслеп, что эта мгла

Своим могуществом жестоким
        Меня не в силах сокрушить,
Что светом внутренним, глубоким
        Могу я сам себе светить

И что из общего крушенья
        Всех прежних сил, на склоне лет,
Святое чувство примиренья
        Пошло во мне в роскошный цвет...

Не так ли в рухляди, над хламом,
        Из перегноя и трухи,
Растут и дышат фимиамом
        Цветов красивые верхи?

Пускай основы правды зыбки,
        Пусть всё безумно в злобе дня, —
Доброжелательной улыбки
        Им не лишить теперь меня!

Я дом воздвиг в стране бездомной,
        Решил задачу всех задач, —
Пускай ко мне, в мой угол скромный,
        Идут и жертва и палач...

Я вижу, знаю, постигаю,
        Что все должны быть прощены,
Я добр — умом, я утешаю
        Тем, что в бессильи все равны.

Да, в лоно мощного покоя
        Вошел мой тихий «Уголок» —
Возросший в грудах перегноя
        Очаровательный цветок...

2

Мой сад оградой обнесен;
В моем дому живут, не споря:
Сад весь к лазури обращен —
К лицу двух рек и лику моря.

Тут люди кротки и добры,
Живут без скучных пререканий;
Их мысли просты, нехитры,
В них нет нескромных пожеланий.

Весь мир, весь бесконечный мир —
Вне сада, вне его забора;
Там ценность золота — кумир,
Там столько крови и задора!

Здесь очень редко, иногда
Есть в жизни грустные странички.
Погибнет рыбка средь пруда,
В траве найдется тельце птички...

И ты в мой сад не приходи
С твоим озлобленным мышленьем,
Его покоя не буди
Обидным, гордым самомненьем.

У нас нет места для вражды!
Любовь, что этот сад взращала,
Чиста! Ей примеси чужды,
Она теплом не обнищала.

Она, незримая, лежит
В корнях деревьев, тьмой объята,
И ею вся листва шумит
В часы восхода и заката...

Нет! Приходи в мой сад скорей
С твоей отравленной душою;
Близ скромных, искренних людей
Ты приобщишься к их покою.

Отсюда мир, весь мир, изъят
И, полный злобы и задора,
Не смея ринуться в мой сад,
Глядит в него из-за забора...

3

Как ты боишься привидений!
Поверь: они — твой личный бред;
Нам с миром мертвых нет общений
И между двух миров — запрет.

Когда б я мертвого увидел
Хоть миг один, как видел ты,
Я б этот миг возненавидел, —
Он сжег бы все мои мечты.

Нельзя из моря снова в реку
Белые волны обратить;
Нельзя свершившемуся веку
Вернуться и грядущим быть.

Умерший сгинул безвозвратно,
Земное в нем завершено...
Что дальше? людям непонятно;
Бессмертье — плод, а мы — зерно!

Нет между двух миров общений;
Кто умер, тот, как луч, погас, —
В нем плоти нет для проявлений,
Он не воздействует на нас.

Загробный мир — необходимость
В великой логике причин,
Но тут возможна совместимость:
И оба мира — лишь один!

Да, для обителей загробных
Не нужно вовсе сфер иных,
Таких, которым нет подобных
В подлунной, на путях земных.

Быть может, тут же, между нами
Способны мертвые витать
И мы обвеяны душами...
Но их — ни видеть, ни признать!

И я приветствую порою
Мечту чудесней всех других:
Я жив, но мертвые со мною,
Они при мне и я при них.

4

Я мыслить жажду потому, что в этом —
Живой покой, святая тишина,
Все полно ясным, нетревожным светом,
В душе легко, и ясно даль видна!

И если мгла за некоторой гранью
Перед умом слегка скрывает даль, —
Страдать от этого немыслимо сознанью:
Мне жаль, что — мгла, но мне спокойно жаль.

Тогда как в чувствах столько острой боли,
Такая мощь безумной толчеи
Терзаний духа и страданий воли, —
Успокоенье только в забытьи, —

Что все восторги страстных наслаждений,
Всех оргий чувств за время лучших лет
Не искупят безвременных мучений,
Всегда идущих оргиям вослед...

Спеши, спеши в спокойствие мышленья, —
В нем нерушим довременный покой;
Там нет борьбы, не надобно прощенья,
Ты у себя — желанный и родной!..

5

Какая ночь! Зашел я в хату,
Весь лес лучами озарен
И, как по кованому злату,
Тенями ночи зачервлен.

Сквозь крышу, крытую соломой,
Мне мнится, будто я цветок
С его полуночной истомой,
С сияньем месяца у ног!

Вся хата — то мои покровы,
Мой цветень и листва моя...
Должно быть, все цветы дубровы
Теперь мечтают так, как я!

6

Воспоминанья вы убить хотите?!
Но — сокрушите помыслом скалу,

Дыханьем груди солнце загасите,
Огнем костра согрейте ночи мглу!..

Воспоминанья — вечные лампады,
Былой весны чарующий покров,
Страданий духа поздние награды,
Последний след когда-то милых снов.

На склоне лет живешь, годами согнут,
Одна лишь память светит на пути...
Но если вдруг воспоминанья дрогнут, —
Погаснет всё, и некуда идти...

Копилка жизни! Мелкие монеты!
Когда других монет не отыскать —
Они пригодны! Целые банкеты
Воспоминанья могут задавать.

Беда, беда, когда средь них найдется
Стыд иль пятно в свершившемся былом!
Оно к банкету скрытно проберется
И тенью Банко сядет за столом.

7

Где, скажите мне, та высь небес лазурная,
Ночь — объявшая Татьяну полумглой,
Где тревога та пугливая и бурная,
Прогудевшая над девичьей душой?

Няня где ее? С любовью неизменною,
С Таней жившая всем сердцем за одно,
С речью ласковою, сединой почтенною,
Крепко верившая в то, что суждено?

Где, скажите мне, тот смысл живого гения,
Тот полуденный в саду старинном свет,

Что присутствовали при словах Евгения,
Тане давшего свой рыцарский ответ?

Где кипевшая живым ключом страсть Ленского?
Скромность общая им всем, движений чин?
Эта правда, эта прелесть чувства женского,
Эта искренность и честность у мужчин?

8

Вы — думы яркие, мечтанья золотые,
Живые детища живой души моей,
Рождайтесь в добрый час, плодитесь, световые,
Являйтесь в полчищах блистанья и теней!

Большие полчища, живущие вне тленья,
Во мне возникшие, но видные другим,
Непостижимые наукой воплощенья, —
Вы — не мерцание, не призраки, не дым.

В вас ясно зримые свидетельства мелькают
Того, что области бессмертья — не мечты!
Что, так иль иначе, от них к нам достигают
И чувствуются нам нетления черты...

Я буду умирать! Со мною, обмирая,
Но все еще живя, сверкая и звеня,
Мечта и мысль, законам уступая,
Начнут вдруг отходить куда-то от меня —

В непостижимое, в неясное, в немое —
В слои неведомые «множества жилищ»...
И с ними отойдет все то полуземное,
В чем богом я бывал, родившись слаб и нищ...

И, может быть, тогда, как эха отклик нежный,
В иной загробный мир я им вослед пройду —

Как и они, живой, свободный, безмятежный —
И личностью своей вполне не пропаду...

9

Дайте, дайте мне, долины наши ровные,
Вашей ласковой и кроткой тишины!
Сны младенчества счастливые, бескровные,
Если б были вы второй раз мне даны!

Если б всё, — да, всё, — что было и утрачено,
Что бежит меня, опять навстречу шло,
Что теперь совсем не мне — другим назначено,
Но в минувший срок и для меня цвело!

Если б это всё возникло по прошедшему, —
Как сумел бы я мгновенье оценить,
И себя в себе негаданно нашедшему
Довелось бы жизнь из полной чаши пить!

А теперь я что? Я — песня в подземелии,
Слабый лунный свет в горячий полдня час,
Смех в рыдании и тихий плач в веселии...
Я — ошибка жизни, не в последний раз...

10

Сквозь оболочку праха, пыли, тленья,
Сквозь нас, блуждающих под именем людей,
Проходят иногда живые представленья
Бессмертных, божеских, зиждительных идей!

Кто так глубоко пал, что в нем не возникали
Идеи вечности, добра и красоты, —
Тому не прозревать в заманчивые дали
Путей к бессмертию! К ним сломаны мосты! —

Но то, в ком Божий дух скитался сокровенно,
В ком, так иль иначе, он хоть на миг гостил, —
Тот в вечность перейдет бесспорно, несомненно,
Хотя бы он совсем рассыпался и сгнил.

Не тем, что может тлеть, не временною тканью —
Духовной личностью он Бога принимал
И этим таинством пришел к неумиранью —
Будь он преступником, будь он велик иль мал.

Где, как, когда, каким путем — не знаю,
Но он не может быть бесследно сокрушен...
Не столько думаю, насколько постигаю,
Что даже облик свой вовек удержит он...

11

Да, да, когда я молод был,
Я так же — как и ты — судил
И точно так же, как и ты,
Бывал игрушкой злой мечты!
Мы — отступающая рать —
Перестаем вас понимать...
Еще потоп не наступал,
Когда брат брата убивал;
Чуть отжил век Мафусаил,
Отец осмеян сыном был!
Вы — верх возьмете, мы — падем,
Как Цезарь, скрыв лицо плащом...
Хоть знают все: Брут честен был,
Когда свой нож окровянил;
Но, при Филиппах, иногда
Всплывает мщения звезда...
Сегодня при Филиппах — мы!
К нам призрак движется из тьмы,
Он в вас, он — с вами заодно...
Но всем вам то же суждено...

Да, нашей юности вина
В наследство вам передана;
Падете вы, как мы падем, —
Но скроете ль лицо плащом?

12

Не может свет луны над влагой
Покровом лечь, — идет до дна;
Лишь блестки с дерзкою отвагой
Плывут, и их дробит волна.

Но если свет к плите могильной
Опустится — ковром лежит,
Бледнея в немощи бессильной,
Проникнут глубже под гранит.

Луна блестит, не сознавая;
Все дело в том: где свет падет?
Я — свет луны; ты, дочь родная,
Будь светлым лоном чистых вод.

13

Часто с тобою мы спорили...
Умер! Осилить не мог
Сердцем правдивым и любящим
Мелких и крупных тревог.

Кончились споры. Знать, правильней
Жил ты, не вкривь и не вкось!
Ты победил, Галиле́янин! —
Сердце твое порвалось...

14

Сколько хороших мечтаний
Люди убили во мне;
Сколько сгубил я деяний
Сам, по своей же вине...

В жизни комедии, драмы,
Оперы, фарс и балет
Ставятся в общие рамы
Повести множества лет...

Я доигрался! Я — дома!
Скромен, спокоен и прав, —
Нож и пилу анатома
С ветвью оливы связав!

15

Пред великою толпою
Музыканты исполняли
Что-то полное покоя,
Что-то близкое к печали;

  Скромно плакали гобои
  В излияньях пасторальных,
  Кружевные лились звуки
  В чудных фразах музыкальных.

Но толпа вокруг шумела:
Ей нужны иные трели!
Спой ей песню о безумье,
О поруганной постели;

Дай ей резких полутонов,
Тактом такт перешибая,
И она зарукоплещет,
Ублажась и понимая...

16

Порой хотелось бы всех веяний весны
И разноцветных искр чуть выпавшего снега,
Мятущейся толпы, могильной тишины
И тут же светлых снов спокойного ночлега!

Хотелось бы, чтоб степь вокруг меня легла,
Чтоб было всё мертво и царственно молчанье,
Но чтоб в степи река могучая текла,
И в зарослях ее звучало трепетанье.

Ущелий Терека и берегов Днепра,
Парижской толчеи, безлюдья Иордана,
Альпийских ледников живого серебра,
И римских катакомб, и лилий Гулистана.

Возможно это всё, но каждое в свой срок
На протяжениях великих расстояний,
И надо ожидать и надо, чтоб ты мог
Направить к ним пути своих земных скитаний, —

Тогда как помыслов великим волшебством
И полной мощностью всех сил воображенья
Ты можешь всё иметь в желании одном
Здесь, подле, вкруг себя, сейчас, без промедленья!

И ты в себе самом — владыка из владык,
Родник таинственный — ты сам себе природа,
И мир души твоей, как божий мир, велик,
Но больше, шире в нем и счастье, и свобода...

17

В темноте осенней ночи —
Ни луны, ни звезд кругом,
Но ослабнувшие очи
Видят явственней, чем днем.

Фейерверк перед глазами!
Память вздумала играть:
Как бенгальскими огнями
Начинает в ночь стрелять:

Синий, красный, снова синий...
Скорострельная пальба!
Сколько пламенных в ней линий,
Только жить им не судьба...

Там, внизу, течет Наро́ва —
Все погасит, все зальет,
Даже облика Петрова
Не щадит, не бережет,

Загашает... Но упорна
Память царственной руки:
Царь ударил в щеку Горна,
И звучит удар с реки.

18

О, как я чувствую, когда к чему-нибудь
Лежит душа и страстно увлекает;
Сознанье долга тот же самый путь,
Но только медленно, тихонько, совершает!

И долг исполнить свой — не то, не то совсем,
Что чувству вслед идти. Пускай порывы ложны,

Пусть опрометчивы; в порывах ум наш нем,
Но подвиги людей и без ума возможны.

В них что-то высшее руководит душой,
Мученья — нипочем, рад гибнуть в ореоле;
И чувствует душа в себе тот самый строй,
Что чувствовал Донской на Куликовом поле.

19

Еще покрыты льдом живые лики вод,
И недра их полны холодной тишиною...
Но тронулась весна, и — сколько в них забот,
И сколько суеты проснулось под водою!..

Вскрываются нимфей дремавших семена,
И длинный водоросль побеги выпускает,
И ряска множится... Вот, вот, она, весна, —
Открыла полыньи и ярко в них играет!

Запас подземных сил уже давно не спит,
Он двигается весь, прикормлен глубиною;
Он воды, в прозелень окрасив, породнит
С глубоко-теплою небесной синевою...

Ты, старая душа, кончающая век, —
Какими ты к весне пробудишься ростками?
Сплетенья корневищ потребуют просек,
Чтобы согреть тебя весенними лучами.

И в зарослях твоих, безмолвных и густых,
Одна надежда есть, одна — на обновленье:
Субботний день к концу... Последний из твоих...
А за субботой что? Конечно, воскресенье.

20

Чуть глянул жар румяного востока;
Все в доме спит и благовеста нет,
В косых лучах дом блещет непривычно, —
Так днем его не освещает свет.

Последних снов последние виденья
Бегут, бегут, готовясь исчезать...
О, если б им, хоть одному, запнуться,
И в светлый день действительностью стать!

21

Вот — мои воспоминанья:
Прядь волос, письмо, платок,
Два обрывка вышиванья,
Два кольца и образок...

Но — за теменью былого —
В именах я с толку сбит.
Кто они? Не дать ли слова,
Что и я, как те, забыт!

В этом — времени учтивость,
Завершение всему,
Золотая справедливость:
Ничего и никому!..

22

От горизонта поднимаясь,
Гонима кверху ветерком,
Всплывает туча, вырастает
И воздвигается столбом.

Как бы листвою разветвляясь,
Сокрыв от глаз людских зенит,
Она чудовищною пальмой
Над морем блещущим висит.

В чем правда тут? Что несомненней:
Игра ли света в облаках,
Иль облака, иль волны моря,
Иль отблеск их в моих глазах?

И сам я в жизни что такое?..
Мне мнится: я один живу,
Весь мир — мое лишь сновиденье,
Моя же греза — наяву!

23

Всегда, всегда несчастлив был я тем,
Что все те женщины, что близки мне бывали,
Смеялись творчеству в стихах! Был дух их нем.
К тому, что мне мечтанья навевали.

И ни в одной из них нимало, никогда
Не мог я вызывать отзывчивых мечтаний...
Не к ним я, радостный, спешил в тот час, когда
Являлся новый стих счастливых сочетаний!

Не к ним, не к ним с новинкой я спешил,
С открытою, еще дрожавшею душою,
И приносил цветок, что сам я опылил,
Цветок, дымившийся невысохшей росою.

24

Мельчают, что ни день, людские поколенья!
Один иль два удара в них судьбы, —

Как паралитики лишаются движенья,
Как неврастеники являют исступленья,
И спины их сгибаются в горбы.

О, сколько хилости и вырождений с детства!
И им-то, слабым, в будущем грозят
Такие страшные задачи и наследства
Особых способов и видов людоедства,
Каких не знали сорок лет назад.

Простите, дети, нас, преступных перед вами...
Природа-мать, призвав отцов любить,
Их незаметными опутала сетями,
И вы, несчастные, рождались матерями,
Не знавшими, как вам придется жить...

25

С простым толкую человеком.
Телега, лошадь, вход в избу.
Хвалю порядок в огороде,
Хвалю оконную резьбу.

Всё — дело рук его... Какая
В нем скромных мыслей простота!
Не может пошатнуться вера,
Не может в рост пойти мечта.

Он тридцать осеней и вёсен
К работе землю пробуждал;
Вопрос о том, зачем все это, —
В нем никогда не возникал.

О, как жестоко подавляет
Меня спокойствие его!
Обидно, что признанье это
Не изменяет ничего...

Ему — раек в театре жизни,
И слез, и смеха простота;
Мне — злобы дня, сомненья, мудрость
И — на́ вес золота места!

26

Слабеет свет моих очей,
Я сам не свой и я ничей;
Отвергнут строем бытия,
Не знаю сам: живу ли я?
Певец! Один лишь ты, певец,
Ты, Бога светлый посланец,
Слепцу, когда начнешь ты петь,
Даешь опять на мир глядеть...
Как все — живу, как все — смотрю
И вижу море и зарю
И чудным именем твоим
Живу, как все, и равен им.
Заслышав песнь, я воскресал...
Жизнь, жизнь, ты — радостный хорал!
Прозрел я и признать готов,
Что люди — этот мир слепцов —
Не знают, видеть не хотят,
Как жизни радостен наряд;
Как мне — ослепнуть надо им,
Чтоб в счастье видеть им не дым;
Тогда тебя они поймут,
Певец... Когда ты подле, тут
И не ушел, — мне не видать, —
Запой скорей, запой опять!
И я повсюду за тобой
Влачиться буду, прах земной
Тревожить и благодарить,
И славословить, и молить
Тебя... Но только пой мне, пой!
Взгляни: ты видишь — я слепой!

27

Ты часто так на снег глядела,
Дитя архангельских снегов,
Что мысль в очах обледенела
И взгляд твой холодно суров,

Беги! Направься к странам знойным,
К морям, не смевшим замерзать:
Они дыханием спокойным
Принудят взгляд твой запылать.

Тогда из новых сочетаний,
Где юг и север в связь войдут,
Возникнет мир очарований
И в нем — кому-нибудь приют...

28

И вот сижу в саду моем тенистом
И пред собой могу воспроизвесть,
Как это будет в час, когда умру я,
Как дрогнет всё, что пред глазами есть.

Как полетят повсюду извещенья,
Как потеряет голову семья,
Как соберутся, вступят в разговоры,
И как при них безмолвен буду я.

Живые связи разлетятся прахом,
Возникнут сразу всякие права,
Начнется давность, народятся сроки,
Среди сирот появится вдова.

В тепло семьи дохнет мороз закона, —
Быть может, сам я вызвал тот закон;

Не должен он, не может ошибаться,
Но и любить — никак не может он.

И мне никто, никто не поручится, —
Я видел сам, и не один пример:
Как между близких, самых близких кровных,
Вдруг проступал созревший лицемер...

И это всё, что здесь с такой любовью,
С таким трудом успел я насадить,
Ему спокойной, смелою рукою,
Призвав закон, удастся сокрушить...

29

Шестидесятый раз снег предо мною тает,
И тихо льет тепло с лазурной вышины,
И, если память мне вконец не изменяет,
Я в детстве раза три не замечал весны, —

Не замечал того, как мне дышалось чудно,
Как мчались журавли и как цвела сирень...
Десятки лет прошли: их сосчитать нетрудно,
Когда бы сосчитать не возбраняла лень!

Невелико число! Но собранный годами
Скарб жизни так велик, так много груза в нем,
Что, если бы грузить — пришлось бы кораблями
Водою отправлять, а не иным путем...

Противоречия красот и безобразий,
Громадный хлам скорбей, сомнений и обид,
Воспоминания о прелестях Аспазий,
Труды Сизифовы и муки Данаид,

Мученья Тантала, обманы сына, брата,
Порывы глупостей, подряд или вразброд;

В одних я шествовал на подвиг Герострата,
В других примером мне являлся Дон-Кихот...

Шестидесятый раз снег предо мною тает...
Лазурна высь небес, в полях ручьи журчат...
Как много жизнь людей всего, всего вмещает,
И что же за число в две цифры — шестьдесят!..

30

Когда больной умрет и кончится со смертью
Ужасный, длинный ряд мучительных мытарств,
Врачей и фельдшеров заменит духовенство,
Исчезнет всякий след сиделок и лекарств;

Когда сокроются под насыпью могилы,
Как призрак тягостный, как отлетевший сон,
Лицо поблекшее, морщинистые руки,
Вся некрасивая обрядность похорон, —

В девятый день по нем, вот вы когда ступайте
К нему, к умершему, кто для земли угас, —
Небытия живым, святым проникновеньем
Увековеченный, он станет между вас!

Небытие — не смерть и не ничто! Не может
Тот, кто не возникал, пройти в небытие!
В небытии людей — особый облик жизни
И несомненное бессмертие мое!

31

С высоты горы высокой,
За рекой и вдоль реки,
В темноте ночной глубокой
Видны в избах огоньки;

Много их... Но быстро гаснут,
Будто им гореть не впрок,
Будто малые завесы
Закрывают каждый в срок.

Ах, горят и в жизни нашей
Огоньки от юных дней!
Все их к сроку гасит время...
Смотришь: больше нет огней...

Вот завешаны надежды,
Вот задвинуты мечты,
Скрылась бодрость, скрылись силы...
Огонек, да где же ты?

Все завесы да завесы;
Все темнеет... А потом?
Саван белый... Тот завесит
Человека — целиком.

32

Вот она, великая трясина!
Ходу нет ни в лодке, ни пешком.
Обмотала наши весла тина, —
Зацепиться не за что багром...

В тростнике и мглисто, и туманно.
Солнца лик и светел, и высок, —
Отражен трясиною обманно,
Будто он на дно трясины лег.

Нет в ней дна. Лежат в листах нимфеи,
Островки, луга болотных трав;
Вот по ним пройтись бы! Только феи
Ходят здесь, травинок не помяв...

Всюду утки, дупеля, бекасы!
Бьешь по утке... взял... нельзя достать;
Мир лягушек громко точит лясы,
Словно дразнит: «Для чего ж стрелять?»

Вы, кликуши, вещие лягушки,
Подождите: вот придет пора, —
По болотам мы начнем осушки,
Проберем трясину до нутра.

И тогда... Ой, братцы, осторожней!
Не качайтесь... Лодку кувырнем!
И лягушки раньше нас потопят,
Чем мы их подсушивать начнем...

33

Старый дуб листвы своей лишился
И стоит умерший над межою;
Только ветви кажутся плечами,
А вершина мнится головою.

Приютил он, будучи при жизни,
Сиротинку-семя, что летало,
Дал ему в корнях найти местечко,
И оно тихонько задремало.

И всползла по дубу повилика,
Мертвый остов зеленью одела,
Разубрала листьями, цветами,
Придала как будто облик тела!

Ветерок несется над межою;
Повилика венчики качает...
Старый дуб в обличии забытом
Оживает, право — оживает!

34

При свете трепетном лампады в час ночной
Идут умершие беседовать со мной,
И в скромном обществе мне ближних и родных
Мой дух смиряется, и сон мой будет тих.

Ты, милое дитя, прелесть, дочь моя,
Когда покончу срок земного бытия,
Ты в час сомнения, печали, иль любви
Меня, загробного, к совету призови!

И я приду тогда, неслышим и незрим!
Я буду пестуном внимательным твоим;
Прохладой тихою тебя я опахну,
Нетленным оком я в тайник души взгляну,

Я слово ласковое шепотом скажу,
Стези неведомые сердцу укажу
И брату моему, недремлющему Сну,
Скажу: «Смени меня, а я — опять усну!..»

35

Если б всё, что упадает
Серебра с луны,
Всё, что золота роняет
Солнце с вышины —

Ей снести... Она б сказала:
«Милый мой пиит,
Ты того мне дай металла,
Что в земле лежит!»

36

Из моих печалей скромных,
Не пышны, не высоки,
Вы, непрошены, растете,
Песен пестрые цветки.

Ты в спокойную минуту
На любой взгляни цветок...
Посмотри — в нем много правды!
Он без слез взрасти не мог.

В этой песне — час страданий,
В этой — долгой ночи страх,
В этих — месяцы и годы...
Всё откликнулось в стихах!

Горе сердца — дар небесный,
И цветы его пышней
И куда, куда душистей
Всех цветов оранжерей.

37

Воды немного, несколько солей,
Снабженных слабою, животной теплотою,
Зовется издавна и попросту слезою...
Но разве в том определенье ей? —

А тихий вздох людской? То — груди содроганье,
Освобожденье углекислоты?!
Определения, мутящие сознанье
И полные обидной пустоты!

38

Не в том беда, что разны состоянья,
Что во вражде бедняга и богач,
Что труд неравен, неравны призванья,
Что есть на свете слабый и силач!

Все сумасшедшие, что быстро так плодятся,
В ком нет ума — уходят в глубь больниц...
В ком сердца нет — тем радостно кататься,
Взирать на мир с их пышных колесниц!

Сердец раздайте! Чтоб они стучали
Во всех грудя́х, чтоб им был полный счет,
Чтоб те, что есть, в конец не замирали, —
Чтоб чувствам был прямой и полный ход.

С детей начните! Вот откуда надо
Менять судьбы, дорогу указав,
А не с параграфов законов, или ряда
Уравновешений и разделений прав.

39

Нет, никогда, никто всей правды не узнает
Позора твоего земного бытия.
Толпа свидетелей с годами вымирает
И не по воле, нет, случайно, знаю я.

Оправдывать тебя — никто мне не поверит;
Меня сообщником, пожалуй, назовут;
Все люди про запас, на случай, лицемерят,
Чтоб обелить себя, виновных выдают!

Но, если глянет час последних показаний,
Когда все бренное торжественно сожгут

Пожары всех миров и всех их сочетаний, —
Людские совести проступят и взойдут,

И зацветут они не дерзко — торопливо,
Не в диком ужасе, всей сутью трепеща;
Нет, совести людей проступят молчаливо,
В глухом безмолвии лишь обликом крича!

Тогда увидятся такие вырожденья,
Что ты — в единственной, большой вине своей —
Проглянешь, в затхлости посмертного цветенья,
Чистейшей лилией, красавицей полей.

40

Да, да! Всю жизнь мою я жадно собирал,
Что было мило мне! Так я друзей искал,
Так — памятью былых, полузабытых дней —
Хранил я множество незначащих вещей!
Я часто Плюшкиным и Гарпагоном был,
Совсем ненужное старательно хранил.

Мне думалось, что я не буду сир и наг,
Имея свой родной, хоть маленький, очаг;
Что в милом обществе любезных мне людей,
В живом свидетельстве мне памятных вещей
Себя, в кругу своем, от жизни оградив,
Я дольше, чем я сам, в вещах останусь жив;
И дерзко думал я, что мертвому вослед
Всё это сберегут хоть на немного лет...

Что ж? Ежели не так и всё в ничто уйдет,
В том, видно, суть вещей! И я смотрю вперед,
Познав, что жизни смысл и назначенье в том,
Чтоб сокрушить меня и, мне вослед, мой дом,
Что места требуют другие, в жизнь скользя,
И отвоевывать себе свой круг — нельзя!

41

Когда в семье — психически-больной,
Вы не касайтесь даже стороной
Болезни тягостной и всех ее причин,
Что было поводом и в чем ее почин.

Шутил ли дед и следом шутки той
Явился внук психически-больной;
Родной отец его жил долго, был здоров,
И только передал от деда след грехов?..

Кто знает, как, за чей старинный счет
Родился вдруг в семействе идиот
И обеспечены доходности врачей
В развитье медленных и злых параличей!

А мы... Не наша ль общая вина,
Что та иль эта жизнь теперь темна?..
Мы были добрыми и злыми невпопад
И, подтолкнув с горы, кричим теперь: «Назад!»

42

Все чаще говорить приходится — «забыл»,
И все яснее мне, что я совсем «устал»;
Все чаще слышат те, с кем говорю — «я был»,
И, что ни день, твержу все чаще — «я жалел».

Все реже сознаю, что «радость ждет меня»,
Совсем не говорю — «я жажду, я ищу»;
И в слабых проблесках темнеющего дня,
Оскудевающий, надеюсь и молчу...

43

А знаете ли вы, что ясной мысли вслед
Идти возможно; тут неправды нет...
Идешь как будто бы на чьих-то помоча́х,
И видится не то, что значится в очах;
Звучит безмолвное, звучащее — молчит,
И окружающего нет... Вокруг лежит
Как бы действительность, мир нашему чужой,
Безличный в личностях, ни мертвый, ни живой...
И боль физическая может иногда
Не чувствоваться, не давать следа...
Чудесен путь по области идей...
Мир, явленный на свет в восьмой из первых дней!
Ты — вне обязанностей, вне обычных прав:
Ни добр, ни зол, ни честен, ни лукав...

И если б пуля дать ответ могла, —
Зачем она не тут, а там и так, легла,
Зачем стремительно, без воли, без ума,
Цель раздробив, расплюснулась сама, —
Вот, думается мне, ответ ее простой:
«Со мною было то, что было и с тобой!
При чем желанье тут — мое, или твое?
Я неповинна... Я — исполнила свое...»

Все чаще, что ни день, чтобы спокойней быть,
Любовно я люблю за мыслью вслед бродить;
Безмерно веруя в живую власть ума
И в то, что будет свет там, где витает тьма...
Все отвратительно, нет правды, нет основ;
Свободна и светла лишь только жизнь умов!

44

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией — нелепости оне:

Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарею плачущей на каменной стене.

Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным-давно;
А всё как будто, бедная, тоскует,
И от нее не всё, не всё схоронено.

Но это вздор, обманное созданье!
Слова — не плоть... Из рифм одежд не ткать!
Слова бессильны дать существованье,
Как нет в них также сил на то, чтоб убивать...

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; смотрю, стоит стена;
На ней, я вижу, ходит Ярославна,
И плачет, бедная, без устали она.

Сгони ее! Довольно ей пророчить!
Уйми все песни, все! Вели им замолчать!
К чему они? Чтобы людей морочить
И нас, то здесь — то там, тревожить и смущать!

Смерть песне, смерть! Пускай не существует!..
Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне!..
А Ярославна всё-таки тоскует
В урочный час на каменной стене...

45

Из сокровищницы вечной
Душ людских что в них дороже
        Черпай ты смелей —
И толпе, всегда беспечной,
То, что взято из нее же,
        Ясно спеть умей!

Все поэты, без сомненья,
Все мыслители вселенной —
        Длинный ряд зеркал;
В них свои же отраженья
Сонм людей рукою тленной —
        Лаврами венчал.

46

Белый мох здесь прорастает
Вдоль по розовым пескам;
Люб он, как ковер персидский,
Слабоногим старичкам.

Воздух так смолист, так тонок,
Что почтенный старичок,
Подышав им, замышляет
В пляс пустить остаток ног.

Но идет немолчно время,
Что ни сутки — то бойчей,
Отравляя воздух чистый
Смрадом кухонь и печей.

Что ж? Иначе быть не может, —
Воздух, как и мы, живет...
Счастлив, кто не опоздает
И от чистых струй глотнет.

47

Закрыла осень все пути,
Ручьи умолкшие застыли,
Сгорели травы, полегли...
Они недавно живы были.

Ну, память! Ты в права вступай
И из немых воспоминаний
Былого лета выдвигай
Черты живых произрастаний!

Пусть в тьме рождественских ночей,
Перед духовными очами,
Мысль глянет всходами полей,
И побегут мечты ручьями.

48

Ни слава яркая, ни жизни мишура,
Ни кисти, ни резца бессмертные красоты,
Ни золотые дни, ни ночи серебра
Не в силах иногда согнать с души дремоты.

Но если с детских лет забывшийся напев
Коснется нежданно притупленного слуха, —
Дают вдруг яркий цвет, чудесно уцелев,
Остатки прежних сил надломленного духа.

Совсем ребяческие, старые тона,
Наивность слов простых, давным-давно известных,
Зовут прошедшее воспрянуть ото сна,
Явиться в обликах живых, хоть бестелесных.

И счастье прежних дней, и яркость прежних сил,
То именно, что в нас свершило все земное,
Вдруг из таинственно открывшихся могил
Сквозь песню высится: знакомое, живое...

49

Я помню, помню прошлый год!
Чуть вечер спустится, бывало,

Свирель чудесная звучала,
Закат пылавший провожала,
Встречала розовый восход.

Короткой ночи текст любовный
Ей вдохновением служил;
Он так ласкал, он так пленил,
Он так мне близок, близок был —
Совсем простой, немногословный.

Свирель замолкшая, где ты?
Где ты, певец мой безымянный,
Быть может, неба гость желанный,
Печальный здесь, а там избранный
Жилец небесной высоты?

Тебе не надобно свирели!
И что тебе, счастливец, в ней,
Когда, вне зорь и вне ночей,
Ты понял смысл иных речей
И мировые слышишь трели...

50

Нет, никогда и никакою волей
Алтарь поэзии насильно не зажечь, —
Молчат, как мертвые, ее святые звуки,
И не струится огненная речь.

Зато порой, из мелочи, из вздора,
Совсем из ничего, в природе иль в мечте,
Родится невзначай едва заметный облик,
И рвется он к добру и красоте.

И вот тогда, возникнув непонятно
Во сне, на гульбище, в работе, что томит, —

Незримый дух какой-то силы тайной
Святой огонь нежданно запалит.

Могучий вихрь поднимет в сердце пламя!
В полете дерзостном от тленья отрешен,
Парит свободно он, так царственно-высоко, —
Что нет ему ни граней, ни препон.

Не уловить счастливого мгновенья,
Не закрепить его словами, — умереть
Чистейшей искре той, в час просветленья духа
Не дать огня, не вспыхнуть и не тлеть.

51

Во сне мучительном я долго так бродил,
Кого-то я искал, чего-то добивался;
Я переплыл моря, пустыни посетил,
В скалах карабкался, на торжищах скитался.

И стал пред дверью я открытою... За ней
Какой-то мягкий свет струился издалека;
От створов падали столбы больших теней;
Ступени вверх вели, и, кажется, высоко!

Но что за дверью там, вперед как ни смотри —
Не видишь... А за мной — земного мира тени...
Мне голос слышался... Он говорил: «Умри!
И можешь ты тогда подняться на ступени!..»

И смело я пошел... И начал замирать...
Ослепли, чуть вошел я в полный свет, зеницы,
Я и́наче прозрел... Как? Рад бы передать,
Но нет пригодных струн и нет такой цевницы!..

52

В молчанье осени ссыпаются листы,
В ветвях являются нежданные просветы, —
И незамеченные прежде силуэты,
И новые вдали красивые черты...

Не то же ль и с душой людскою? — Вечно споря
С невзгодами судьбы, осилена тщетой,
Лишь только в холоде — и немощи, и горя —
Вдруг небывалою заблещет красотой!..

53

Мощь северных лесов в сугробах и наносах,
В прозрачной темени, одетой в снег хвои,
Как явствуют в тебе, в безгласности великой,
Могучей жизненности ранние струи!

Да, только здесь, у нас, где смерть леса объяла
На долгий, долгий срок, где нет иной судьбы,
В февральском холоде, во мгле, уже заметен
Пушистый бархатец проснувшейся вербы́!

Да, только здесь, в снегах полуночного леса,
В объятьях холода и мертвой тишины
Способны оживать так рано наслажденья
Тепла душевного и внутренней весны!

54

Твой ум силен, спокоен, крепок
И слишком жизнью закален,
Чтоб мог он быть мечтой источен
И ходом дум избороздён.

На нем, в блужданьях оседая,
Смысл отвлеченнейших начал
Ложится поверху узором,
Но в глубину не проникал;

Когда бы и́наче — давно бы
Свою ты песенку пропел,
И за решеткой, под призором,
В исканьи истины сидел!

Давно бы ты, умалишенный,
Имел свой нумер на листе —
Бессильный, но не побежденный,
В путях к добру и красоте!

55

Кому же хочется в потомство перейти
В обличьи старика! Следами разрушений
Помечены в лице особые пути
Излишеств и нужды, довольства и лишений.
Я стар, я некрасив... Да, да! Но, боже мой,
Ведь это же не я!.. Нет, в облике особом,
Не сокрушаемом ни временем, ни гробом,
Который некогда я признавал за свой,
Хотелось бы мне жить на памяти людской!
И кто ж бы не хотел? Особыми чертами
Мы обрисуемся на множество ладов —
В рассказах тех детей, что будут стариками,
В записках, в очерках, за длинный ряд годов.

И ты, красавица, не названная мною, —
Я много, много раз писал твои черты, —
Когда последний час ударит над землею,
С умерших сдвинутся и плиты, и кресты, —
Ты, как и я, проявишься нежданно,
Но не старухою, а на заре годов...

Нелепым было бы и бесконечно странно —
Селить в загробный мир старух и стариков.

56

Сказал бы я так много, много;
Но не успею, — срок мне дан!
Короток день, узка дорога
И так громаден караван...

Оставить многое придется...
А жаль!.. Хорошая есть кладь...
Не всем на свете удается
Все, что хотел бы кто, сказать...

Вот отчего красноречивы
Молчанья кладбищ!.. Невпопад,
Не в срок засеянные нивы, —
Они, под спудом дней молчат.

Но из безмолвного общенья
Жильца земли с жильцом могил
Не раз шли первые движенья
Неудержимо мощных сил...

57

Когда-то, подле Вавилона,
Дерзнули башню воздвигать,
Чтоб жить вне Божьего закона
И волн потопа избежать.

И башни нет! Весь след развеян;
Бог перепутал языки...
Был человек самонадеян:
Где жизнь цвела — лежат пески...

Теперь смешались не язы́ки,
Не, сбились помыслы людей —
Одни другим невнятны, дики...
И обеспечен рост степей.

58

Как в рубинах ярких — вкруг кусты малины:
Лист смородин черных весь благоухает.
В теплом блеске солнца с бархатной низины
Молодежи говор звучно долетает.

Почему-то — право, я совсем не знаю —
Сцену вдруг из Гете вижу пред глазами!
Праздник, по веселью в людях, замечаю!
Молодежь гуляет... в парочках... толпами...

В юности счастливой смех причин не ищет...
Кончена обедня, церкви дверь закрыта, —
Вижу, ясно вижу: черный пудель рыщет...
Это — Мефистофель? Где же Маргарита?

Юность золотая, если бы ты знала,
Что невозвратимо волшебство минуты,
Что в твоем грядущем радостей так мало,
Что вконец осилят долгой жизни путы, —

Ты была б спокойней... Можно ль так смеяться,
Возбуждая зависть старших поколений!
Берегла б ты силы, — очень пригодятся,
Чуть настанут годы правды и сравнений...

59

Над осокой вольный ветер пролетает,
Говорит ей: «Отчего, скажи, осока,

Твой народ тебя совсем не уважает,
Предо мной всегда склоняется глубоко?

Чуть подую, вижу: ты уж и пригнулась...
Дул я с севера, подумал: дуну с юга, —
Может статься, помогу, чтоб встрепенулась;
Раболепствует, быть может, от испуга!

Нет, куда! Легла к воде с другого бока;
Невдогад тебе мое благодеянье...
Ах, ты глупая, ты глупая осока,
Ты беспомощное, жалкое созданье!»

Слушала осока, глубоко вздохнула,
Отвечает ветру: «Ветер-благодетель,
Буде ваша милость вовсе бы не дула,
Я росла бы прямо, стройно! Бог — свидетель,

Что моих нижайших, вечных поклонений
Не было бы вовсе у меня в заводе;
Я стояла б выше всяких треволнений —
С уваженьем к правде и к своей породе!»

60

Полдень прекрасен. В лазури
Малого облачка нет,
Даже и тени прозрачны, —
Так удивителен свет!

Ветер тихонько шевелит
Листьев подвижную сеть,
Топчется, будто на месте,
Мыслит: куда полететь?

Он, направленья меняя,
Думает думу свою:

Шквалом ли мне разразиться
Или предаться нытью?

61

На коне брабантском плотном
И в малиновой венгерке
Часто видел я девицу
У отца на табакерке.

С пестрой свитой на охоте
Чудной маленькой фигурой
Рисовалася девица
На эмали миньатюрой.

Табакерку заводили
И пружинку нажимали,
И охотники трубили
И собак со свор спускали.

Лес был жив на табакерке;
А девица всё скакала
И меня бежать за нею
Чудным взглядом приглашала.

И готов я был умчаться
Вслед за нею — полон силы —
Хоть по небу, хоть по морю,
Хоть сквозь вечный мрак могилы.

А теперь вот здесь, недавно, —
Полстолетья миновало, —
Я опять девицу видел,
Как в лесу она скакала.

И за ней, как тощий призрак,
С котелком над головою

Истязался на лошадке
Барин, свесясь над лукою.

Я, девицу увидавши,
Вслед ей бешено рванулся,
Вспыхнув злобою и местью...
Но, едва вскочил, запнулся...

Да, не шутка полстолетья...
Есть всему границы, мерки.
Пусть их скачут котелочки
За девицей с табакерки!..

62

Право, не больше чем в полчаса времени
Горы и лес очутились в снегах, —
Будто бы все населилось маркизами
В пудре, в косичках, в больших париках.

Что было в осень поломано, выжжено,
Сад, что местами раскопан и взрыт,
Даже кусты и деревья умершие
Все поюнели и бодры на вид.

Славное время маркизов! Под пудрою,
Под париками — скрывались года,
Все были юны... Толкуют, что будто бы
Модам — судьба воскресать иногда...

63

Ты любишь его всей душою,
И вам так легко, так светло...
Зачем же упрямством порою
Свое ты туманишь чело?

Зачем беспричинно, всечасно
Ты радости портишь сама
И доброе сердце напрасно
Смущаешь злорадством ума?

Довольствуйся тем, что возможно!
Поверь: вам довольно всего,
Чтоб, тихо живя, нетревожно,
Не ждать, не желать ничего...

64

Нет, верба́, ты опоздала,
Только к марту цвет дала, —
Знай, моя душа сызмала
Впечатлительней была!

Где же с ней идти в сравненье!
Не спросясь календаря,
Я весны возникновенье
Ясно слышу с января!

День подрос и стал длиннее...
Лед скололи в кабаны...
Снег глубок, но стал рыхлее...
Плачут крыши с вышины...

Пишут к праздникам награды...
Нет, верба́, поверь мне, нет;
Вешним дням мы раньше рады,
Чем пускаешь ты свой цвет!

65

Гуляя в сиянье заката,
Чуть видную тень я кидал,

А месяц — в блистании злата —
Навстречу ко мне выплывал.

С двух разных сторон освещаем,
Я думал, что был окружен
Тем миром, что нами незнаем,
Где нет ни преград, ни сторон!

Под теплою, мягкою чернью
В листве опочивших ветвей
Сияла роса мелкой зернью
Недвижных, холодных огней.

Мне вспомнились чувства былые:
Полвека назад я любил
И два очертанья живые
В одном моем сердце носил.

Стоцветные чувства светились,
И был я блаженством богат...
Но двое во мне не мирились,
И месяц погас, и закат!

66

Условно все. Когда темнеет
Река и льдины так черны, —
Не траур в этом! Сердце млеет
В сознаньи близости весны.

Когда навстречу разрушенью
Холодный труп позеленел, —
То тут не вызов к возрожденью,
А смерти бедственный удел.

А если пурпурною краской
Пылают щеки, плечи, грудь, —

Врач говорит, взглянув с опаской:
«Болезнь смертельна... Будь что будь!»

А взрыв чудовищного смеха,
И блеск веселья по лицу —
Порой предсмертная потеха
Безумца, близкого к концу...

Слеза, питомица печали,
Безмолвный гость тоски глухой...
Скажите: разве не видали,
Как плачут с радости порой?

Условно всё! В путях скитаний
Земных — условностей не счесть,
Не верь в значенье предсказаний
И признавай лишь то, что есть.

67

Нет, не от всех предубеждений
Я и поныне отрешен!
Но всё свободней сердца гений
От всех обвязок и пелен.

Бледнеет всякая условность,
Мельчает смысл в любой борьбе...
В душе великая готовность
Свободной быть самой в себе;

И в этой правде — не слащавость,
Не праздный звук красивых слов,
А вольной мысли величавость
Под лязгом всех земных оков...

68

Любо мне, чуть с вечерней зарей
Солнце, лик свой к земле приближая,
Взгляды искоса в рощу бросая,
Сыплет в корни свой свет золотой;

Багрянистой парчой одевает
Листьев матовый, бледный испод...
Это — очень не часто бывает,
И вечернее солнце — не ждет.

69

Мой пруд, он с утра разрисован,
На нем арабески, штрихи;
Он весь покраснел и алеет
В опавших сережках ольхи.

Давно ли в оттаявших льдинах
Глядел он так скучно, мертво!
Теперь и без ветра он дышит...
То рыбки колеблют его.

70

Помню: как-то раз мне снился
Генрих Гейне на балу;
Разливалося веселье
По всему его челу...

Говорил он даме: «Дама,
Я прошу на польку вас!
Бал блестящ! Но вы так бледны,
Взгляд ваш будто бы погас!

Ах, простите! — я припомнил:
Двадцать лет, как вы мертвы!
Обращусь к соседке вашей:
Вальс со мной идете ль вы?

Боже мой! И тут ошибка!
Десять лет тому назад,
Помню, вас мы хоронили;
Устарел на вас наряд.

Ну, так к третьей... На мазурку! —
Ясно вам: кто я такой?»
— «Как же, вы — вы Генрих Гейне:
Вы скончались вслед за мной...»

И неслись они по зале...
Шумен, весел был салон...
Как, однако, милы пляски
Перешедших Рубикон!..

71

С каким глубоким уваженьем
Стою под этим склепом я:
Тут длинный ряд почивших предков
Хранит немецкая семья.

О! Если б только люди знали,
Какой счастливый в том залог,
Чтоб не разбрасывать им мертвых,
Чтоб их живой заметить мог, —

Чтоб приближаться к ним порою
И в их покое отдыхать,
Искать молитвы, иль молиться,
И знать, где нам самим лежать.

Вот хоть бы тут! Вполне здоровый.
Живой сознаньем бодрых сил,
Ведь я, совсем помимо воли,
Охвачен жизнию могил.

Я слышу ясно, как тихонько
В душе моей, сквозь их покой,
Родится в чувстве уваженья
Хороших чувств счастливый строй...

72

Могучей силою богаты
За долгий, тяжкий зимний срок,
Набухли почки, красноваты,
И зарумянился лесок.

А на горах заметны всходы,
Покровы травок молодых,
И в них — красивые разводы
Веснянок нежно-голубых.

Плыву на лодке. Разбиваю
Веслом остатки рыхлых льдов,
И к ним я злобу ощущаю —
К следам подтаявших оков.

И льдины бьются и ныряют,
Мешают веслам, в дно стучат;
Подводный хор! Они пугают,
Остановить меня хотят!

А я весь — блеск! Я весь — спокоен...
Но одинок как будто я...
Один я в поле — и не воин...
Мне нужно песню соловья!

73

Я видел Рим, Париж и Лондон,
Везувий мне в глаза дымил,
Я вдоль по тундре безземельной —
Везом оленями — скользил.

Я слышал много водопадов
Различных сил и вышины,
Рев медных труб в калмыцкой степи,
В Байдарах — тихий звук зурны.

Я посетил в лесах Урала
Потемки страшных рудников,
Бродил вдоль щелей и провалов
По льдам швейцарских ледников.

Я резал трупы с анатомом,
В науках много знал светил,
Я испытал в морях крушенье,
Я дни в вертепах проводил...

Я говорил порой с царями,
Глубоко падал и вставал,
Я Богу пламенно молился,
Я Бога страстно отрицал;

Я знал нужду, я знал довольство, —
Любил, страдал, взрастил семью
И — не скажу, чтобы без страха, —
Порой встречал и смерть свою.

Я видел варварские казни,
Я видел ужасы труда;
Я никого не ненавидел,
Но презирал — почти всегда.

И вот теперь, на склоне жизни,
Могу порой совет подать:
Как меньше пользоваться счастьем,
Чтоб легче и быстрей страдать.

Здесь из бревенчатого сруба,
В песках и соснах «Уголка»,
Где мирно так шумит Наро́ва,
Задача честным быть легка.

Ничто, ничто мне не указка, —
Я не ношу вериг земли...
С моих высоких кругозоров
Всё принижается вдали.

74

Порою между нас пророки возникают,
Совсем, совсем не так, как думаете вы,
Их в этот мир вещать не степи посылают,
Сиянье не блестит с избра́нной головы.

Нет в наши дни у нас пророков по призванью,
Им каждый может быть, — пустыня ни при чем;
Вдруг замечается — в противность ожиданью —
Огонь, светящийся на том или другом.

Ничтожнейший из нас в минуту ту иль в эту
Пророком может быть; случайно он постиг
Большую истину, и он вещает свету...
Знать, огненный к нему с небес сошел язык...

И скажет он свое, и быстро замолкает,
И, бедный, может быть, всю жизнь свою прождет:
Вот-вот сойдет язык, вновь пламя заиграет...
И, в ожидании, он, чающий, умрет...

75

Велик запас событий разных
И в настоящем и в былом;
Историк в летописях связных
Живописует их пером.

Не меньше их необозримы
Природы дивные черты,
Они поэтом уловимы
При свете творческой мечты.

Но больше, больше без сравненья,
Пестрее тех, живей других
Людского духа воплощенья
И бытия сердец людских.

Они — причина всех событий,
Они — природы мысль и взгляд,
В них ткань судеб — с основой нитей
Гнилых и ветхих зауряд...

76

Раз один из фараонов
Скромный дом мой посетил;
Он, входя, косяк у двери
Длинным схентом зацепил.

Бесподобная фигура!
Весь величественно-груб,
Поражал он ярким цветом
Красной краски страстных губ.

Хрустнул стул, чуть он уселся;
Разговор у нас пошел

На различные предметы:
Как он с Гиксом войны вел,

Как он взыскан был богами,
Как он миловал, казнил,
Как плотинами хотел он
Укротить священный Нил,

Как любил он страстно женщин...
Чтоб свободней говорить,
Попросил меня он двери
Поплотнее затворить.

И пошел он, и пошел он...
Ощущаю в сердце страх
Повторять всё то, что слышал
При затворенных дверях.

Удивительное сходство
С нами... Та же всё канва:
Из времен «Декамерона»
И деянья, и слова!

77

Помню: я дерево в землю сажал;
Птичий концерт по кустам грохотал!
Ежели листья теперь так шумят,
Это — те песни опять голосят.

В чуткую, смутную душу твою, —
Чуть только песню свою запою, —
Мысли о счастьи, как зерна, кладу...
Каждое шепчет: «В свой срок я взойду!»

78

Ветер несется могучий...
Груди такой не сыскать!
Места ей надо — сломает
Всё, что придется сломать!

Сосны навстречу! Недвижны
Розовой грудью стволов...
Знать: грудь на грудь! Так и нужно!
В мире обычай таков...

Кто-то в той свалке уступит?
Спрячься за камни: не трусь!
Может быть, камни придушат,
Сгинешь... а я сохранюсь!

79

Качается лодка на цепи,
Привязана крепко она,
Чуть движет на привязи ветер,
Чуть слышно колышет волна.

Ох, хочется лодке на волю,
На волю, в неведомый путь,
И свернутый парус расправить,
И выставить на ветер грудь!

Но цепь и крепка, и не ржава,
И если судьба повелит
Поплыть, то не цепь оборвется,
А треснувший борт отлетит.

80

Сказочку слушаю я,
Сказочка — радость моя!
Сколько уж, сколько веков
Тканями этих же слов
Ночи в таинственный час
Детских сомкнулося глаз!
Жизнь наша, сказки быстрей,
Нас обращает в детей.

Слышу о злом колдуне...
Вот он — в лесу при огне...
Чудная фея добра
Блещет в лучах серебра...
Множество замыслов злых, —
Фея разрушила их...
И колдуна больше нет!
Только и в ней меркнет свет...

Лес, что куда-то пропал,
Вдруг очарованный, встал...
Вот и колдун на печи...
Сказка! Молчи же, молчи!

Сказочку слушаю я,
Сказочка — радость моя!
Жизнь наша, сказки быстрей,
Нас обращает в детей...

81

Нынче год цветенья сосен:
Все покрылись сединой,
И побеги, будто свечи,
Щеголяют прямизной;

Что ни ветка — проступает
Воска бледного свеча...
Вот бы их зажечь! Любая
Засветила б — горяча!

Сколько, сколько их по лесу;
Цветень пылью порошит!
Только кто, чуть ночь настанет,
Эти свечи запалит?

Низлетят ли гости с неба
Час молитвы озарить?
Иль колдуньи вздуют пламя
В дикой оргии светить...

Все равно! Но только б света,
Света мне — со всех ветвей!
Только б что-нибудь поярче,
Что-нибудь — повеселей!

82

Припаи льда всё море обрамляют;
Вдали видны буран и толчея,
Но громы их ко мне не долетают,
И ясно слышу я, что говорит хвоя́.

Та речь важна, та речь однообразна, —
Едва колеблет длинный ряд стволов,
В своем теченьи величава, связна
И даже явственна, хоть говорит без слов.

В ней незаметно знаков препинаний,
В ней всё одно, великое одно!
В живых струях бессчетных колебаний
Поет гигантское, как мир, веретено.

И, убаюкан лаской и любовью,
Не слыша стонов плачущей волны,
Я, как дитя, склоняюсь к изголовью,
Чтоб отойти туда, где обитают сны.

83

В древней Греции бывали
Состязанья красоты;
Старики в них заседали,
Старики — как я да ты.

Дочь твоя — прямое диво,
Проблеск розовой зари;
Всё в ней правда, всё красиво...
Только — ей не говори!..

Запах мирры благовонной,
Сладкий шепот тишины,
Лепет струйки полусонной
В освещении луны;

Голос арфы, трель свирели,
Шум порханья мотыльков
Иль во дни святой недели
Дальний звон колоколов...

Вот те тонкие основы,
На которых, может быть,
Можно было б ткать покровы
Красоту ее прикрыть.

84

Его портрет лет тридцать только
Тому назад — был всем знаком!

Блестящий ум, значенье в людях,
Успех в делах, богатый дом...

Теперь нещадно затерялось
Былое пестрое его,
И — быстро, быстро тьмой покрыто —
Оно бесследно и мертво!

И только здесь!.. Случайно как-то,
Забавой нескольких минут,
Ничтожный дар его богатства
Был кинут им — возник приют...

В нем, со стены, еще глядит он,
И имя здесь сохранено...
И в страшный час, — о, да, бесспорно, —
Свой ясный отклик даст оно...

85

Совсем примерная семья!
Порядок, мир... Чем не отрада?
Но отчего вдруг вспомнил я
Страничку из судеб Царьграда:

По лику мертвого царя
Гуляют кистью богомазы,
И сурик, на щеках горя,
Румянит крупные алмазы;

Наведена улыбка губ,
Заштукатурены морщины...
А всё же это — только труп
И лицевая часть картины!

86

Как ты чиста в покое ясном,
В тебе понятья даже нет
О лживом, злобном или страстном,
Чем так тревожен белый свет!

Как ты глупа! Какой равниной
Раскинут мир души твоей,
На ней вершинки — ни единой,
И нет ни звуков, ни теней...

87

Вы побелели, кладбища граниты;
Ночная оттепель теплом дохнула в вас;
Как пудрой белою, вы инеем покрыты
И белым мрамором глядите в этот час.

Другая пудра и другие силы
Под мрамор красят кудри на челе...
Уж не признать ли теплыми могилы
В сравненьи с жизнью в холоде и мгле?

88

Вот с крыши первые потеки
При наступлении весны!
Они — что писанные строки
В снегах великой белизны...

В них начинают проявляться
Весенней юности черты,
Которым быстро развиваться
В тепле и в царстве красоты.

В них пробуждение под спудом
Еще не явленных мощей.
Что день — то будет новым чудом
За чудодействием ночей.

Все струйки маленьких потеков —
Безумцы и бунтовщики,
Они замерзнут у истоков,
Не добежать им до реки...

Но скоро, скоро дни настанут,
Освобожденные от тьмы!
Тогда бунтовщиками станут
Следы осиленной зимы;

Последней вьюги злые стоны,
Последний лед... А по полям
Победно глянут анемоны,
Все в серебре — назло снегам.

89

Мои мечты — что лес дремучий,
Вне климатических преград,
В нем — пальмы, ели, терн колючий,
Исландский мох и виноград.

Лес полн кикимор резвых, шуток,
В нем леший вкривь и вкось ведет;
В нем есть все измененья суток
И годовой круговорот.

Но нет у них чередованья,
Законы путаются зря;
Вдруг в полдень — месяца мерцанье,
А в полночь — яркая заря!

90

Мысли погасшие, чувства забытые —
Мумии бедной моей головы,
В белые саваны смерти повитые,
Может быть, вовсе не умерли вы?
Жизни былой молчаливые мумии,
Время Египта в прошедшем моем,
Здравствуйте, спящие в тихом раздумии!
К вам я явился светить фонарем.
Вижу... как, в глубь пирамиды положены,
Все вы так тихи, так кротки теперь;
Складки на вас шевельнулись, встревожены
Ветром, пахнувшим в открытую дверь.
Все вы взглянули на гостя нежданного!
Слушайте, мумии, дайте ответ:
Если бы жить вам случилося заново —
Иначе жили бы вы? Да иль нет?
Нет мне ответа! Безмолвны свидетели...
Да и к чему на вопрос отвечать?
Если б и вправду они мне ответили,
Что ж бы я сделал, чтоб снова начать?
В праздном, смешном любопытстве назревшие,
Странны вопросы людские порой...
Вот отчего до конца поумневшие
Мумии дружно молчат предо мной!
Блещет фонарь над безмолвными плитами...
Всё, что я чую вокруг, — забытье!
Свод потемнел и оброс сталактитами...
В них каменеет и сердце мое...

91

О, будь в сознаньи правды смел...
Ни ширм, ни завесей не надо...
Как волны дантовского ада
Полны страданий скорбных тел, —

Так и у нас своя картина...
Но только нет в ней красоты:
Людей заткала паутина...
В ней бьются все — и я, и ты...

92

Ты подарил мне лучшую из книг —
Евангелье! Но миновали годы,
Коснулись книги всякие невзгоды,
Я до́был новую. И снова ты возник,
Ты — подаривший первую когда-то...
Давно ты умер; все забвеньем взято,
Но в памяти моей, для сердца, для меня
Ты жив в сиянии таинственного дня!
Таких таинственностей в мире духа много,
И в каждой видится какая-то дорога...
Умру и я в свой срок. Но, может, этот стих,
Без самопомощи, без воли, без отваги,
Прожив года на лоскутке бумаги,
Дойдет до новых дней и до людей иных...
Бессмертье будет в том, — без имени, конечно...
Однако может быть, что за могилой, там,
Не будет смысла личным именам,
Но каждый будет жить собой и бесконечно...

93

Какое дело им до горя моего?
Свои у них, свои томленья и печали!
И что им до меня и что им до него?..
Они, поверьте мне, и без того устали.
А что за дело мне до всех печалей их?
Пускай им тяжело, томительно и больно...
Менять груз одного на груз десятерых,
Конечно, не расчет, хотя и сердобольно.

94

Всюду ходят привиденья...
Появляются и тут;
Только все они в доспехах,
В шлемах, в панцирях снуют.

Было время — вдоль по взморью
Шедшим с запада сюда
Грозным рыцарям Наро́ва
Преградила путь тогда.

«Дочка я реки Великой, —
Так подумала река, —
Не спугнуть ли мне пришельцев,
Не помять ли им бока?

Стойте, братцы, — говорит им, —
Чуть вперед пойдете вы,
Глянет к вам сквозь льды и вьюги
Страшный лик царя Москвы!

Он, схизматик, за стенами!
Сотни, тысячи звонниц
Вкруг гудят колоколами,
А народ весь прахом — ниц!

У него ль не изуверства,
Всякой нечисти простор;
И повсюдный вечный голод,
И всегдашний страшный мор.

Не ходите!» Но пришельцам
Мудрый был не впрок совет...
Шли до Яма и Копорья,
Видят — точно, ходу нет!

Всё какие-то виденья!
Из трясин лесовики
Наседают, будто черти,
Лезут на́ смерть, чудаки!

Как под Ду́рбэном эстонцы
Не сдаются в плен живьем:
И, совсем не по уставам,
Варом льют и кипятком.

«Лучше сесть нам над Наро́вой,
На границе вьюг и пург!»
Сели и прозвали замки —
Магербург и Гунгербург.

С тем прозвали, чтобы внуки
Вновь не вздумали идти
К худобе и к голоданью
Вдоль по этому пути.

Старых рыцарей виденья
Ходят здесь и до сих пор,
Но для легкости хожденья —
Ходят все они без шпор...

95

Вдоль Наро́вы ходят волны;
Против солнца — огоньки!
Волны будто что-то пишут,
Набегая на пески.

Тянем тоню; грузен невод;
Он по дну у нас идет
И захватит всё, что встретит,
И с собою принесет.

Тянем, тянем... Что-то будет?
Окунь, щука, сиг, лосось?
Иль щепа одна да травы, —
Незадача, значит, брось!

Ближе, ближе... Замечаем:
Что-то грузное в мотне;
Как барахтается, бьется,
Как мутит песок на дне.

Вот всплеснула, разметала
Воды; всех нас облила!
Моря синего царица
В нашем неводе была:

Засверкала чешуею
И короной золотой,
И на нас на всех взглянула
Жемчугом и бирюзой!

Все видали, все слыхали!
Все до самых пят мокры...
Если б взяли мы царицу,
То-то б шли у нас пиры!

Значит, сами виноваты,
Недогадливый народ!
Поворачивайте ворот, —
Тоня новая идет...

И — как тоня вслед за тоней —
За мечтой идет мечта;
Хороша порой добыча
И богата — да не та!..

96

По берегам реки холодной —
Ей скоро на зиму застыть —
В глубоких сумерках наносных
Тончайших льдин не отличить.

Вдруг — снег. Мгновенно забелела
Стремнина там, где лед стоял,
И белым кружевом по черни
Снег берега разрисовал.

Не так ли в людях? Сердцем добрым
Они как будто хороши...
Вдруг случай — и мгновенно глянет
Весь грустный траур их души...

97

Стою я с ужасом у гроба!
Безумье многих лет навек
В нем успокоилось, и можно
Сказать опять: «Се человек!»

Сын подле гроба! Сколько сходства
В лице! Читаю ясно в нем:
«Скорей бы кончить с погребеньем
И пир задать, проветрив дом!..»

98

Какая ночь убийственная, злая!
Бушует ветер, в окна град стучит;
И тьма вокруг надвинулась такая,
Что в ней фонарь едва-едва блестит.

А ночь порой красотами богата!
Да, где-нибудь нет вовсе темноты,
Есть блеск луны, есть прелести заката
И полный ход всем чаяньям мечты.

Тьма — не везде. Здесь чья-то злая чара!
Ее согнать, поверь, под силу мне:
Готовы струны, ждет моя гитара,
Я петь начну о звездах, о луне.

Они всплывут. Мы озаримся ими —
Чем гуще тьма, тем будет песнь ясней,
И в град, и в вихрь раскатами живыми
Зальется в песне вешний соловей.

99

Как эти сосны древни, величавы,
И не одну им сотню лет прожить;
Ударит молния! У неба злые нравы,
Судьба решит: им именно — не быть!

Весна в цветах; и яблони, и сливы
Все разодеты в белых лепестках.
Мороз ударит ночью! И не живы
Те силы их, что зреть могли в плодах.

И Гретхен шла, полна святого счастья,
Полна невинности, без мысли о тюрьме, —
Но глянул блеск проклятого запястья,
И смерть легла и в сердце, и в уме...

100

Ты тут жила! Зимы холодной
Покров блистает серебром;

Калитка, ставшая свободной,
Стучит изломанным замком.

Я стар! Но разве я мечтами
О том, как здесь встречались мы,
Не в силах сам убрать цветами
Весь этот снег глухой зимы?

И разве в старости печальной
Всему прошедшему не жить?
И ни единой музыкальной,
Хорошей думы не сложить?

О нет! Мечта полна избытка
Воспоминаний чувств былых...
Вот, вижу, лето! Вот калитка
На петлях звякает своих.

Июньской ночи стрекотанье...
И плеск волны у берегов...
И голос твой... и обожанье, —
И нет зимы... и нет снегов!

101

Сегодня в церковь не пошел я,
Но я в саду моем ходил,
И грустный след полночной бури,
Насколько можно, удалил.

Срезал поломанные ветви,
Деревья павшие срубал,
И обнаженные коренья
Землею свежей присыпал.

Да, это — вид богослуженья!
Казалось: церкви звон, дрожа,

Сопровождал, как литургию,
Труды лопаты и ножа.

И, так как праздник был в то время
Один из лучших по весне,
В кустах акафист птицы пели,
Безличный, но понятный мне...

102

Твоя слеза меня смутила...
Но я, клянусь, не виноват!
Страшна условий жизни сила,
Стеной обычаи стоят.

Совсем не в силу убежденья,
А в силу нравов, иногда
Всплывают грустные явленья,
И люди гибнут без следа,

И ужасающая драма
Родится в треске фраз и слов
Несуществующего срама
И намалеванных оков.

103

Высоко́ гуляет ветер,
Шевели́т концы ветвей...
Сильф воздушный, сильф прекрасный,
Вей, красавец, шибче вей!

Там тебе простор и воля;
Всюду, всюду — светлый путь!
Только книзу не спускайся,
Не дыши в людскую грудь.

Станешь ты тоскою грузен,
Станешь вял, лишишься сна;
Грудь людская, будто улей,
Злых и острых жал полна...

И тебя, мой сильф воздушный,
Не признать во цвете лет;
Побывав в болящей груди,
Обратишься ты в скелет;

Отлетев, в ветвях застрянешь
Сочлененьями костей...
Не спускайся наземь, ветер,
Вей, мой сильф, но выше вей!..

104

Как ро́бки вы и как ничтожны, —
Ни воли нет, ни силы нет...
Не применить ли к вам, на случай,
Сельскохозяйственный совет?

Любой, любой хозяин знает:
Чтобы траве пышней расти,
Ее скосить необходимо
И, просушив, в стога свезти...

105

«Пара гнедых» или «Ночи безумные» —
Яркие песни полночных часов, —
Песни такие ж, как мы, неразумные,
С трепетом, с дрожью больных голосов!

Что-то в вас есть бесконечно хорошее...
В вас отлетевшее счастье поет...

Словно весна подойдет под порошею,
В сердце — истома, в душе — ледоход!

Тайные встречи и оргии шумные,
Грусть... неудача... пропавшие дни...
Любим мы, любим вас, песни безумные:
Ваши безумия нашим сродни!

106

Нет, не могу! Порой отвсюду,
Во тьме ночной и в свете дня,
Как крики совести Иуду —
Мечты преследуют меня.

В чаду какого-то кипенья
Несет волшебница дрова,
Кладет в костер, и песнопенья
Родятся силой колдовства!

Сгорает связь меж мной и ими,
Я становлюсь им всем чужой
И пред созданьями своими
Стою с поникшей головой...

107

Не обостряй своих страданий,
Не разжигай своей мечты!
По жизни, в долгий срок скитаний,
В свой час их много встретишь ты.

Тебе так часто, так глубоко
Придется силу их познать,
Что, право, лучше их до срока
Не разжигать, не обострять!

108

Было время, в оны годы,
К этим тихим берегам
Приплывали финикийцы,
Пробираясь к янтарям.

Янтари в песках лежали...
Что янтарь — смола одна,
Финикийцы и не знали;
Эта мудрость нам дана!

И теперь порой, гуляя
Краем моря, я смотрю:
Не случится ль мне, по счастью,
Подобраться к янтарю.

Говорит мне как-то море:
«Не трудись напрасно, друг!
Если ты янтарь отыщешь, —
Обратишь его в мундштук.

Он от горя потускнеет...
То ли было, например,
Попадать на грудь, на плечи
Древнегреческих гетер!..

Отыщи ты мне гетеру,
А курить ты перестань,
И тогда тебе большую
Янтарем внесу я дань».

С той поры хожу по взморью,
Финикийцем жажду быть,
Жду мифической гетеры,
Но — не в силах не курить...

109

Ночь ползет из травы, из кустов;
        Чуть погаснет закат, проступает;
Нет плотины теням, нет оков:
        Тень возникшую тень нагоняет.

И, соткавшись в глубокую тьму,
        В темной жизни своей веселятся;
Что и как — не узнать никому,
        Но на утро цветы расплодятся!

110

Я знаю кладбище. С годами
Остатки камней и крестов
Стоят застывшими волнами
В подушках мягких, сочных мхов.

Они — как волны — безымянны
И только изредка, порой,
Возникнет новая могила
Поименованной волной...

Читаешь имя... как-то странно!
В нем просьба будто бы слышна,
Борьба последняя с забвеньем,
Но... прекратится и она!

111

На гроб старушки я дряхлеющей рукой
Кладу венок цветов, — вниманье небольшое!
В продаже терний нет, и нужно ль пред толпой,
Не знающей ее, свидетельство такое?

Те люди отошли, в которых ты жила;
Ты так же, как и я, скончаться опоздала;
Волна твоих людей давно уж отошла,
Но гордо высилась в свой срок и сокрушала.

Упала та волна пред юною волной
И под нее ползет бессильными струями;
В них — еле видный след той гордости былой,
Что пенилась, гремя могучими кряжами.

Никто, никто теперь у гроба твоего
Твоей большой вины, твоих скорбей не знает,
Я знаю, я один... Но этого всего
Мне некому сказать... Никто не вопрошает.

Года прошедшие — морских песков нанос!
Злорадство устает, и клевета немеет;
И нет свидетелей, чтоб вызвать на допрос,
И некого судить... А смерть — забвеньем веет!

112

Здравствуй, товарищ! Подай-ка мне руку.
Что? Ты отдернул? Кажись, осерчал?
Глянь на мою, — нет ей места в гостиной;
Я, брат, недаром кустарник сажал.

Старый товарищ! Печальная встреча!
Как искалечен ты жизнью, бедняк!
Ну-ка, пожалуй в мой дом, горемыка...
Что? Не желаешь? Не любо! Чудак!

Выпьем с тобой... Как? И пить ты не хочешь?
Просишь на выпивку на руки дать;
Темное чувство в тебе шевельнулось?
Что за причина, чтоб мне отказать?

Гордость? Стыдливость? Сомнение? Злоба?
Коль потолкуем — причину найду...
Да не упрямься, мы юность помянем,
Дочку увидишь мою... — «Не пойду».

И отошел он по пыльной дороге,
Денег он взял, не сказав ничего...
Разных два мира в нас двух повстречались...
Камнем бы бросить... Кому и в кого?

113

С моря сердитого в малый залив забежав,
В тихом спокойствии я очутился;
Лодку свою между острых камней привязав,
Слушая бурю, в раздумье забылся...

Как хорошо, прекратив неоконченный спор,
Мирно уйти из бурунов сомненья,
Руки сложить, ни себе, ни другим не в укор,
Тихо качаясь на зыби мышленья...

114

Я верю старому преданью,
Я верю в блеск надежд живых;
Я в долгий век, бежав за ними,
Лишился многих благ земных.

Я верю в то, что неподвижно
Бессмертье вечной красоты,
Что шум мирской проходит мимо,
Со славы — сыплются листы!

Что есть в мышленьях наказанье,
Что сбит с дороги ум людской,
Что мир погибнет безобразьем
И возродится — красотой!

115

Мне улыбаться надоело,
Улыбка на других — претит!
Она лицо, что помертвело,
Совсем некстати молодит.

Она настолько же правдива,
По сути столько же мелка,
Как ум, величие и храбрость
В лице китайского божка.

116

Меня в загробном мире знают,
Там много близких, там я — свой!
Они, я знаю, ожидают...
А ты и здесь, и там — чужой!

«Ему нет места между нами, —
Вольны умершие сказать, —
Мы все, да, все, живем сердцами,
А он? Ему где сердце взять?

Ему здесь будет несподручно,
Он слишком дерзок и умен;
Жить в том, что осмеял он, — скучно,
Он не захочет быть смешон.

Всё им поруганное — видеть,
Что отрицал он — осязать,

Без права лгать и ненавидеть
В необходимости — молчать!»

Ты предвкуси такую пытку:
Жить вне злословья, вне витийств!
Там не подрежет Парка нитку,
Не может быть самоубийств!

В неисправимости былого,
Под гнетом страшного ярма,
Ты, бедный, не промолвишь слова
И там — не здесь — сойдешь с ума!

117

На сценах царские палаты
Вдруг превращают в лес и дол;
Часть тащат кверху за канаты,
Другую тянут вниз, под пол.

Весной так точно льдины тают:
Отчасти их луч солнца пьет,
Отчасти в глубь земли сбегают,
Шумя ручьями теплых вод!

Знать, с нас пример берет природа:
Чтоб изменить черты лица
И поюнеть к цветенью года —
Весну торопит в два конца...

118

Чуть тронулись вешние почки,
Открылся и глянул мой пруд;
Любовно воркуют лягушки,
Но скоро и квакать начнут.

Минуют часы вожделений
И вешней любви суета, —
Наступит пора треволнений
И с жизнью в болоте счета.

Беднягам заквакать придется
О нуждах великих земли,
О том, о другом, о десятом...
Понятно: летят журавли!

119

Вконец окружены туманом прежних дней,
Всё неподвижней мы, в желаньях тяжелей;
Всё у́же горизонт, беззвучнее мечты,
На всё спускаются завесы и щиты...

Глядишь в прошедшее, как в малое окно;
Там все так явственно, там всё озарено,
Там светят тысячи таинственных огней;
А тут — совсем темно и, что ни час, темней...

Весь свет прошедшего как бы голубоват.
Цвет взглядов юности! Давно погасший взгляд!
И сам я освещен сиянием зари...
Заря в свершившемся! Любуйся и смотри!..

Как ясно чувствую и как понятно мне,
Что жизнь была полней в той светлой стороне!
И что за даль видна за маленьким окном —
В моем свершившемся, чарующем былом!

Ведь я там был в свой час, но я не сознавал.
И слышу ясно я — мне кто-то прошептал:
«Молчи! Довольствуйся возможностью смотреть!
Но, чтоб туда пройти, ты должен умереть!»

120

О! как я люблю порою,
Утомившись, рассуждать,
Над болтливою рекою
Посидеть и помолчать!

Затихает шум сомнений,
Примиряется разлад;
Нет вопросов — нет решений!
Жизнь проста, я жизни рад!

Счастлив я вблизи природы —
Устранен в себе самом,
Вне неволи, без свободы
И с немыслящим умом.

121

Травка всюду зеленеет
Чуть заметна, чуть видна!
Солнце блещет! Вдруг — белеет
Снова снега пелена!

В крупных хлопьях выпадает
Снег. Но блещет неба высь!
Будто их лазурь роняет...
И откуда вдруг взялись?

И на каждом — солнце блещет,
В каждом искоркой горит;
Каждый, весь в свету, трепещет
И скорей упасть спешит!

Подле церкви снег кружится,
Липнет, к стеклам занесен, —

Или вздумал снег молиться?..
Знать, беду почуял он!

122

Я помню ночь. Мы с ней сидели.
Вдруг — теплый дождь! В лучах луны
Все капли в нем зазеленели,
Струясь на землю с вышины.

Зажглась заря. Вновь упадая,
Все капли ярко разожглись
И, в блеске утреннем пылая,
Дождем рубинов пронеслись.

Где эта ночь с ее значеньем?
Где годы те? Где взять ее?
И сам живу я под сомненьем:
Остаток дней — не бытие...

123

Все на свете, все бесспорно, —
Стоит только захотеть,
Вдохновению покорно,
Может петь и будет петь.

Камни, мхи, любовь и злоба,
Время, море, луч луны,
Смерть и сон — и врознь, и оба —
Будут петь и петь должны.

Песни — дети мысли нашей,
Удивительный народ!
Все становится в них краше,
Если в плоть их перейдет.

Тканью слова облекаясь
В помышлении людей,
Жизнь природы, удвояясь,
Кажет лучше и полней.

И поет в нас песня вечно!
Как? — Никто постичь не мог...
Бог поэзии, конечно,
И живой, и мощный Бог!

124

Соловья живые трели
В светлой полночи гремят,
В чувствах — будто акварели
Прежних, светлых дней скользят!

Ряд свиданий, ряд прощаний,
Ряд божественных ночей,
Чудных ласк, живых лобзаний...
Пой, о, пой, мой соловей!..

Пой! Греми волнами трелей!
Может быть, назло уму,
Эти грезы акварелей
Я за правду вдруг приму!

Пой! Теперь еще так рано,
Полночь только что прошла,
И сейчас из-за тумана —
Вот сейчас — она звала...

125

В лиственной чаще шумливо,
Если пахнет ветерок;

Шепчет по-своему живо,
Каждый — да, каждый — листок.

Но не сравнить с этим шума,
Ежели дрогнет хвоя́!
В каждой игле — своя дума,
В каждой — и песня своя...

Песни те звучны и сладки!
Радостным чувством объят,
Слушаешь, ищешь разгадки:
Что тебе иглы шумят?

Песен тех — тьмы, мириады,
Сверху звучат, со сторон!
Тысячи ротиков рады
Петь, но с тобой в унисон.

Вот оттого-то средь шума
Вечно зеленой хвои́
Тихо так двигает дума
Светлые волны свои...

126

Эта злая буря пронеслась красиво —
Налетела быстро, быстро и пропала;
Ясный день до бури, ясный — вслед за нею,
Будто этой бури вовсе не бывало.

Но она промчалась далеко недаром:
Умертвила со́сну многовековую,
Повалила наземь, обнажила корни...
Плачу я над нею, глубоко тоскую!

Ну, так усыхайте, девственные корни!
Нет, не пережить вам, корни, обнаженья!

Ты, хвоя́, рассыпься пожелтелым прахом, —
Ты ведь не осилишь злого приниженья!

Плачь, душа, плачь горько по сосне убитой!
Лейтесь, лейтесь, слезы, молчаливо-дружно...
Это — над собою сам хозяин плачет...
Говорят, что бури этой было нужно!..

127

Заря пройдет, заря вернется
И — в безучастности своей —
Не может знать, как сильно бьется
Больное сердце у людей.

А чтоб заря не раздражала,
Своих огней для нас не жгла,
Пускай бы по свету лежала
Непроницаемая мгла!

Что день грядущий? Что былое?
Все прах, все кончится в пыли, —
А запах мирры и алоэ
Сойдет с небес на труп земли...

128

Опять Христос! Что Он меж нами,
Что каплет кровь с Его креста
На нас, здесь, подле, пред глазами,
Не видеть — злая слепота!

Христос везде! В скитаньях духа,
В незнаньи — где Ты, Бог живой?..
В обманах мысли, взгляда, слуха,
В гордыне мудрости людской!

Он — страждет в грубости желаний,
В страданьях хилых и больных,
В ужасной музыке рыданий
Бессчетных горестей людских.

Он — у безвинно-прокаженных,
Он — в толчее дурных страстей,
Он — в грезах мыслей воспаленных
И даже в творчестве людей.

Крест — у безвременной могилы;
Крест — в безобразьи диких снов
И в нерешительности силы,
И в тяжком звяканьи оков...

Да, снова чуются пророки...
Подточен всякий идеал...
Горят евангельские строки:
«Я к вам приду!» Он долго ждал...

129

Бежит по краю неба пламя,
Блеснули по́ морю огни,
И дня поверженное знамя
Вновь водружается... Взгляни!

Сбежали тени всяких пугал,
И гномов темные толпы
Сыскали каждая свой угол,
И все они теперь слепы́;

Не дрогнет лист, и над травою —
Ни дуновенья; посмотри,
Как всё кругом блестит росою
В священнодействии зари.

Душа и небо, единеньем
Объяты, некий гимн поют,
Служа друг другу дополненьем...
Увы! на несколько минут.

130

Я помню ужас смерти этой...
Сильна была любовь моя...
Как я к усопшей, к неотпетой,
Ходил в те дни — не помню я.
Но помню страстное желанье
Все, что имел тогда — отдать,
Чтоб дорогое очертанье
В нетленном камне изваять,
В путинах ада или рая
Ее я выследить хотел...
Я заболел! Весь смысл теряя,
Мой дикий бред — перегорел.
И что ж? Где вы, тех дней миражи?
Прошли года — мой дух живой,
Не совершив у смерти кражи,
Забыл о пытке огневой.
И вот — портрет с ее чертами!..
Но холодна моя душа...
Гляжу спокойными очами
И говорю: «Как хороша!..»

131

Как думы мощных скал, к скале и от скалы,
В лучах полуденных проносятся орлы;
В расщелинах дубов и камней рождены,
Они на краткий срок огнем озарены —
И возвращаются от светлых облаков
Во тьму холодную родимых тайников, —

Так и мои мечты взлетают в высоту...
И вижу, что ни день, убитую мечту!
Всё ту же самую! Размеры мощных крыл,
Размах их виден весь!.. Но кто окровянил
Простреленную грудь? Убитая мечта,
Она — двуглавая: добро и красота!..

132

Лес густой; за лесом — праздник
Здешних местных поселян:
Клики, гул, обрывки речи,
Тучи пыли — что туман.

Видно издали — мелькают
Люди... Не понять бы нам,
Если бы не знать причины:
Пляска или драка там?

Те же самые сомненья
Были б в мыслях рождены,
Если б издали, случайно
Глянуть в жизнь со стороны.

Праздник жизни, бойня жизни,
Клики, говор и туман...
Непонятное верченье
Краткосрочных поселян.

133

Славный снег! Какая роскошь!
Всё, что осень обожгла,
Обломала, сокрушила,
Ткань густая облегла.

Эти светлые покровы
Шиты в мерку, в самый раз,
И чаруют белизною
К серой мгле привыкший глаз.

Неспокойный, резкий ветер,
Он — закройщик и портной —
Срезал всё, что было лишним,
Свеял на землю долой...

Крепко, плотно сшил морозом,
Искр навеял без числа...
Платье было б без износа,
Если б не было тепла,

Если б оттепель порою,
Разрыхляя ткань снегов,
Как назло, водою талой
Не распарывала швов...

134

Повиснул хмель с жердей забора,
        И снасть с реки убрал рыбак;
В остатках прежнего убора
        Лес замолчавший полунаг.

Как длинны сумерки! Как малы
        Просветы неба. В облаках
Нет жизни и лежат усталы
        В друг дружку давящих слоях.

И в людях бытие любое,
        Когда приблизится расчет,
И всё почти уйдет в былое —
        Такой же облик нам дает.

А там придет гробокопатель,
Предвестник смерти — седина!
Ты красишь волосы, приятель...
Какая чудная весна!

135

Как на свечку мотыльки стремятся
И, пожегши крылья, умирают, —
Так его бесчувственную душу
Тени мертвых молча окружают.

Нет улик! А сам он так спокоен;
С юных лет в довольстве очерствелый,
Смело шел он по широкой жизни
И идет, красиво поседелый.

Он срывал одни лишь только розы,
Цвет срывал, шипов не ощущая;
В чудный панцирь прав своих закован,
Сеял он страданья, не страдая.

О, Господь! Да где же справедливость?
Божья месть! Тебя не обретают!
Смолкли жертвы, их совсем не слышно,
Но зато — свидетели рыдают...

136

Юность напрасно от старших сторо́нится!
Старшие — кроткий, хороший народ...
Больше надежд нами в землю хоронится,
Чем в колыбелях младенцев цветет!

137

Во мне спокойно спят гиганты,
Те, что вступали с небом в бой:
Ветхозаветные пророки,
Изида с птичьей головой;

Спят те, что видели Аго́ру
И посещали Пританей,
Те, что когда-то покрывали
Багряной сенью Колизей;

Почиют рати крестоносцев,
Славянский сонм богатырей,
И ненавистный Торквемада
В кругу чернеющих друзей;

Спят надушённые маркизы,
Порой хихикая сквозь сон,
И в русском мраморе, в тивдийском,
Положен спать Наполеон.

И все они, как будто зерна
В своих скорлупках по весне,
В свой срок способны раскрываться
И жить, не в первый раз, во мне!

И что за звон, и что за грохот,
И что за жизненность картин,
Тогда несущихся по мыслям, —
Им счета нет — а я один!

Какая связь меж всеми ими
И мной? Во тьме грядущих дней
Какое место будет нашим
В грядущих памятях людей?

О нет! Не кончено творенье!
Бог продолжает создавать,
И, чтобы мир был необъятней,
Он научил — не забывать!

138

Смотри вперед, вне нынешней минуты!
В той, что идет, не властен ты вершить;
Так велики условий жизни путы,
Что их тебе ни снять, ни сокрушить.

Бессилен ты, — как конь в степи стреножен.
Что в том, что он, как ветер, быстр и смел?
Когда-то раньше был твой бег возможен;
Помчаться мог бы ты — но не сумел.

Смотри вперед! Увидишь просветленье!
Теперь, сейчас сознай, предупреди —
И будешь ты хозяином движенья
С отвагой в мыслях и огнем в груди.

О, верь мне, верь! Когда бы люди знали,
Что значит властвовать в минуте, что идет,
И, веруя в себя, без страха, без печали,
Могли смотреть сознательно вперед!..

139

Еще недавно, полон силы,
Он был и ласков, и умен, —
Он понимал людей живущих
И знал людей былых времен.

Теперь осунулся всем телом,
Не говорит — бормочет вслух;

Он жив еще, порой смеется,
Но отлетел бессмертный дух!

И не понять совсем, что движет
И не дает сложить костей
Ходячей мумии в прогулках
Ее по торжищам людей...

140

Тьма непроглядна. Море близко, —
Молчит... Такая тишина,
Что комаров полночных песня —
И та мне явственно слышна...

Другая ночь, и то же море
Нещадно бьет вдоль берегов;
И тьма полна таких стенаний,
Что я своих не слышу слов.

А я всё тот же!.. Не завишу
От этих шуток бытия, —
Меня влечет, стезей особой,
Совсем особая ладья.

Ей всё равно: что тишь, что буря...
Друг! Полюбуйся той ладьей,
Прочти названье: «Всё проходит!»
Ладьи не купишь, — сам построй!

141

Погасало в них былое,
Час разлуки наступал;
И, приняв решенье злое,
Наконец он ей сказал:

«Поднеси мне эту чашу!
В ней я выпью смерть свою!
Этим связь разрушу нашу —
Дам свободу бытию!

Если это не угодно
Странной гордости твоей,
Волю вырази свободно,
Кинь ты чашу и разбей!»

Молча, медленно, высоко
Подняла ее она
И — быстрей мгновенья ока
Осушила всю до дна...

142

Мой стих — он не лишен значенья:
Те люди, что теперь живут,
Себе родные отраженья
Увидят в нем, когда прочтут.

Да, в этих очерках правдивых
Не скрыто мною ничего!
Черты в них — больше некрасивых,
А краски — серых большинство!

Но если мы бесцветны стали, —
В одном нельзя нам отказать:
Мы раздроблённые скрижали
Хоть иногда не прочь читать!

Как бы ауканье лесное
Иль эха чуткого ответ,
Порой доходит к нам былое...
Дойдет ли к внукам? Да иль нет?

143

Полдень декабрьский! Природа застыла;
Грузного неба тяжелую высь
Будто надолго свинец исчернила
Всюду окрасить любовно взялись.

Смутные мысли бегут и вещают:
Там, с поднебесной, другой стороны
Светлые краски теперь проступают;
Тучи обласканы, жизни полны.

Грустно тебе! Тяжело непомерно,
Душу твою мраком дня нагнело...
Слушай, очнись! Несомненно, наверно
Где-нибудь сыщешь и свет, и тепло.

144

В чудесный день высь неба голубая
Была светла;
Звучали с церкви, башню потрясая,
Колокола.

И что ни звук, то новые виденья
Бесплотных сил...
Они свершали на землю схожденья
Поверх перил.

Они, к земле спустившись, отдыхали
Вблизи, вдали...
И незаметно, тихо погасали
В тенях земли...

И я не знал под обаяньем звона;
Что́ звук, что́ свет?

Для многих чувств нет меры, нет закона
И прозвищ нет!..

145

Заката светлого пурпу́рные лучи
Стремятся на́ гору с синеющей низины,
И ярче пламени в открывшейся печи
Пылают сосен темные вершины...

Не так ли в Альпах горные снега
Горят, когда внизу синеет тьма тенями...
Жизнь родины моей! О, как ты к нам строга,
Как не балуешь нас роскошными дарами!

Мы силами мечты должны воссоздавать
И дорисовывать, чего мы не имеем;
То, что другим дано, нам надо отыскать,
Нам часто не собрать того, что мы посеем!

И в нашем творчестве должны мы превозмочь
И зиму долгую с тяжелыми снегами,
И безрассветную, томительную ночь,
И тьму безвременья, сгущенную веками...

146

Еще один остался час,
И — эта масленица сгинет,
И, став задумчиво средь нас,
Великий пост свой лик продвинет.

А по пятам за ним весна
Придет с улыбкой искушенья
И все усилия гоненья
Нарушит первая — она!

Да, людям, в чаяньи свободы,
На долгом жизненном пути
Успокоенья не найти
В цепях законов и природы.

Маня к себе исподтишка,
Жизнь, словно хищница в засаде,
Нас, в прирожденном нам разладе,
Бьет наповал, наверняка!

147

А! Ты не верила в любовь! Так хороша,
Так явственно умна и гордостью богата,
Вся в шелесте шелков и веером шурша,
Ты зло вышучивала и сестру, и брата!
Как ветер царственный в немеряной степи,
Ты, беззаботная, по жизни проходила...
Теперь, красавица, ты тоже полюбила,
Насмешки кончились... Блаженствуй и терпи!

148

Заволокну́лись мысли к ночи
И, как туман в местах сырых,
Лежат недвижными слоями,
И обеляет месяц их.

Недавно все они бродили,
Вили́сь свободно меж ветвей
И, в тень уйдя, не признавали
Докучных месяца лучей.

Теперь настойчиво и жадно
Ты, месяц, алчущий старик,

Целуешь их и беззазорно
К их мертвым прелестям приник.

Целуй!.. Когда заря зажжется,
Убьют ее огней струи —
И их замученную прелесть,
И ласки жадные твои.

149

Не наседайте на меня отвсюду,
Не говорите сразу, все, толпой,
Смутится мысль моя, и я сбиваться буду,
Вы правы будете, сказавши: «Он смешной!»

Но, если, медленно окрепнувши, в раздумье
Я наконец молчание прерву,
Я, будто в море, в вашем скудоумье,
Под прочным парусом спокойно поплыву.

Что я молчал так долго, так упорно,
Не признак слабости мышленья и души...
Не всё то дрябло, хило, что покорно...
Большие силы копятся в тиши!

150

Кто утомлен, тому природа —
Великий друг, по сердцу брат,
В ней что-нибудь всегда найдется
Душе звучащее под лад.

Глядишь на рощу; в колыханьи
Она шумит своей листвой,
И, мнится, будто против воли
Ты колыханью рощи — свой!

Зажглись ли в небе хороводы
И блещут звезды в вышине,
Глядишь на них — они двоятся
И ходят также и во мне...

151

Как вы мне любы, полевые
Глубокой осени цветы.
Несвоевременные грезы,
Не в срок возникшие мечты!

Вы опоздали в жизнь явиться;
Вас жгут морозы на заре;
Вам в мае надобно родиться,
А вы родились в октябре...

Ответ их: «Мы не виноваты!
Нас не хотели опросить,
Но мы надеждою богаты:
К зиме не будут нас косить!»

152

Когда бы все былые силы,
То, что зовут у нас душой,
От ранней юности направить
Одною ясною стезей;

Когда б, избрав одно призванье,
Счастливец в жизни не блуждал, —
Его почтили б дружбой равной
Астарта, Бахус и Ваал.

Но мы прямых дорог не знаем:
Блуждаем, и, в конце концов,

Нас зацеловывают насмерть
Один иль два из тех богов!

153

Не может юноша, увидев
Тебя, не млеть перед тобой:
Ты так волшебна, так чаруешь
Средневековой красотой!

И мнится мне: ты — шателе́нка;
По замку арфы вкруг звучат,
К тебе в плюмажах и беретах
С поклоном рыцари спешат.

И я в раздумьи: как бы это
И мне, с лоснящимся челом,
В числе пажей и кавалеров
Явиться в обществе твоем?

И я решил: стать звездочетом,
Одеться в бархат — тьмы темней,
На колпаке остроконечном
Нашить драконов, сов и змей;

Тогда к тебе для гороскопа, —
Чтоб остеречь от зол и бед, —
В полночный час в опочивальню
Я буду призван на совет.

Тогда под кровом ночи звездной,
Тебе толкуя зодиак,
Я буду счастлив, счастлив... Только
Боюсь, чтоб не слетел колпак!

154

Славный вождь годов далеких!
С кем тебя, скажи, сравню?
Был костер — в тебе я вижу
Сиротинку-головню.

Всё еще она пылает...
Нет, не то! Ты — старый дуб,
В третьем царствованьи крепок
И никем не взят на сруб.

Много бурь в тебе гудело,
И, спускаясь сверху вниз,
Молний падавших удары
В ленту черную свились.

Всё былое одолел ты
От судеб и от людей;
Не даешь ты, правда, цвета,
Не приносишь желудей...

Но зато листвою жесткой
Отвечать совсем не прочь
И тому, чтó день подскажет,
Чтó тебе нашепчет ночь!..

Голосá твоей вершины —
В общей музыке без слов —
Вторят мощным баритоном
Тенорам молодняков...

155

Не знал я, что разлад с тобою,
Всю жизнь разбивший пополам,

Дохнет нежданной теплотою
Навстречу поздним сединам.

Да!.. Я из этого разлада
Познал, что́ значит тишина, —
Как велика ее отрада
Для тех, кому она дана...

Когда б не это, — без сомненья,
Я, даже и на склоне дней,
Не оценил бы единенья
И счастья у чужих людей.

Теперь я чувства те лелею,
Люблю, как ландыш — близость мхов,
Как любит бабочка лилею —
Заметней всех других цветов.

156

Почву сухую лопатою я опрокинул, —
Только лишь к свету сырая подпочва взглянула,
Сохнуть она начала; еле взглядом окинул,
Влага исчезла, в лазури небес утонула...

Высохла почва! А влага? Ее незаметно;
Ей к небесам удалось отлететь; там приветно...
Думы мои заповедные! Вас я рождаю;
Где вы теперь — мне неведомо... Я — усыхаю!

157

Когда я здесь, я не могу писать;
В строках набрасываю только впечатленья,
Чтобы зимой мечтам предоставлять
Отделку смысла их и правду заключенья.

Здесь много так и красок, и теней;
Тут столько прелестей отвсюду возникает,
Что, мнится, тесно всей душе моей;
И слово, мысли вслед, идти не поспевает.

Зато зимой, когда не будет их,
Они таинственно возникнут предо мною —
Во всей их правде, в красках молодых,
С очарованием и скромной простотою.

И буду в них, как в рощах, я гулять,
В них буду счастлив я, во мне настанет лето,
О чем мечтал — сумею домечтать,
Что не допето мной, то будет в срок допето...

158

Полно! Прислушайся к песне...
Может быть, в душу твою
Ласковых звуков порядок
Мирную пустит струю.

Может быть, если смиришься,
Будет покой тебе дан,
Если вышучивать бросишь
Жгучесть печалей и ран.

Мало ль, что есть... Нерушима
Общая людям стезя:
В жизни людской — как и в песне —
Выкинуть слова нельзя!

159

Гляжу на сосны, — мощь какая!
Взгляните хоть на этот сук:
Его спилить нельзя так скоро,
И нужно много, много рук...

А этот? Что за искривленье!
Когда-то, сотни лет назад,
Он был, бедняга, изувечен,
Был как-нибудь пригнут, помят.

Он в искривлении старинном
Возрос — и мощен, и здоров —
И дремлет, будто помнит речи
Всех им подслушанных громов.

А вот вблизи — сосна другая:
Ничем не тронута, она,
Шатром ветвей не расширяясь,
Взросла — красива и стройна...

Но отчего нам, людям, ближе
И много больше тешат взор
Ветвей изломы и изгибы
И их развесистый шатер?

160

Не померяться ль мне с морем?
Вволю, всласть души?
Санки крепки, очи зорки,
Кони хороши...

И несчитанные версты
Понеслись назад,

Где-то, мнится, берег дальний
    Различает взгляд.

Кони шибче, веселее
    Мчат во весь опор...
Море места прибавляет,
    Шире кругозор.

Дальше! Кони утомились,
    Надо понукать...
Море будто шире стало,
    Раздалось опять...

А несчитанные версты
    Сзади собрались
И кричат, смеясь, вдогонку:
    «Эй, остановись!»

Стали кони... Нет в них силы,
    Клонят морды в снег...
Ну, пускай другой, кто хочет,
    Продолжает бег!

И не в том теперь чтоб дальше...
    Всюду — ширь да гладь!
Вон как вдруг запорошило...
    Будем умирать!

161

Здесь роща, помню я, стояла,
Бежал ручей, — он отведен;
Овраг, сырой дремоты полный,
Весь в тайнобрачных — оголен
    Огнями солнца; и пески
    Свивает ветер в завитки!

Где вы, минуты вдохновенья?
Бывала вами жизнь полна,
И по мечтам моим счастливым
Шла лучезарная волна...
Всё это с рощей заодно
Куда-то вдаль унесено!..

Воскресни, мир былых мечтаний!
Воскресни, жизнь былых годов!
Ты заблести, ручей, волнами
Вдоль оживленных берегов...
Мир тайнобрачных, вновь покрой
Меня волшебною дремой!

162

Что́ им стиха размерный звон?
От них смешки и отрицанье...
Но прозвучит для них и он
И грозно вынудит признанье.

Как? Неизвестно! Может быть,
Услышат в некий час, ревнуя,
Как стих, просящий полюбить,
Смутит их жен для поцелуя...

Быть может, в тягости труда
Поймут, как песня ободряет,
Иль в тяжком горе — как тогда
Родная песня ублажает?

Но уж наверное для них,
Совсем не требуя их мненья,
Заголосят надгробный стих,
И это будет — без сомненья!

163

Сквозь листву неудержимо
Тихо льет церковный звон,
Уносясь куда-то мимо
В бесконечность всех сторон.

Сквозь большие непорядки
Душ людских — добро скользит...
Где и в чем его зачатки?
И какой влечет магнит?

Дивной силой притяженья
Кто-то должен обладать,
Чтобы светлые явленья
В тьме кромешной вызывать.

164

Ночь так длинна! О, нет, довольно!
Душа — как тело — устает,
И мозгу бедному так больно,
И сердце в грудь так мощно бьет.

Мечты, как тени, возникают;
Виденья, вкруг меня скользя,
Так льнут, так дружно обнимают,
Что мне дохнуть сквозь них нельзя...

Под утро — сгинуть наважденью,
Когда услышу от реки
Призыв к церковному служенью,
А дома — деток голоски!

165

Серебряный сумрак спустился,
И сходит на землю покой;
Мне слышно движение лодки,
Удары весла за горой...

Пловец, мне совсем неизвестный,
От сердца скажу: добрый путь!
На труд ли плывешь ты, на радость,
На горе ли, — сча́стливым будь!

Я так преисполнен покоя,
Я так им богат, что возьми
Хоть часть, — мне достанет делиться
Со всеми, со всеми людьми.

166

Молчи! Не шевелись! Покойся недвижимо...
Не чуешь ли судеб движенья над тобой?
Колес каких-то ход свершается незримо,
И рычаги дрожат друг другу вперебой...
Смыкаются пути каких-то колебаний,
Расчеты тайных сил приводятся к концу,
Наперекор уму без права пожеланий,
И не по времени, и правде не к лицу...
О, если б, кажется, с судьбою в бой рвануться!
Какой бы мощности порыв души достиг...
Но ты не шевелись! Колеса не запнутся,
Противодействие напрасно в этот миг.
Поверь: свершится то, чему исход намечен...
Но, если на борьбу ты не потратил сил
И этою борьбой вконец не изувечен, —
Ты можешь вновь пойти... Твой час не наступил.

167

Тучи декабрьские! Око за око
Я, как и вы, только с виду тосклив,
В мысли и в сердце я весел глубоко,
Тайну веселья познав, но сокрыв.

Тайна простая: «тем лучше, чем хуже!»
Гляньте на солнце! Чуть только взойдет, —
Тотчас склоняется, мерзнет на стуже
И, испугавшись, под землю идет.

Спрячется! Лезут отвсюду туманы!..
Холодно, боязно, скучно, темно...
Царствуют вьюги, бушуют бураны...
Солнце — причина, виновно оно!

Чуть отогреет, сейчас исчезает...
Там бы и греть ему, где холодней!
То же и в людях: где жизнь нагнетает,
Падает духом и смотрит грустней.

Мысль, это — солнце! Кто мыслью слабеет,
С зимнего солнца образчик берет:
Ждет, чтобы глянуть, когда потеплеет —
Ждет, чтоб другие согрели... Прождет!

168

Какая засуха!.. От зноя
К земле все травы прилегли...
Не подалась ли ось земная,
И мы под тропик подошли?

Природа-мать — лицеприятна;
Ведь, по рассказам, не слыхать,

Чтобы в Сахаре или в Коби
Могли вдруг льдины нарастать?

А здесь, на севере, Сахара!
Край неба солнце обожгло;
И даже море, обезумев,
Совсем далеко вдаль ушло...

169

Не храни ты ни бронзы, ни книг,
Ничего, что из прошлого ценно,
Всё, поверь мне, возьмет старьевщи́к,
Всё пойдет по рукам — несомненно.

Те почтенные люди прошли,
Что касались былого со страхом,
Те, что письма отцов берегли,
Не пускали их памятей прахом.

Где старинные эти дома —
С их седыми как лунь стариками?
Деды где? Где их опыт ума,
Где слова их — не шутки словами?

Весь источен сердец наших мир!
В чем желать, в чем искать обновленья?
И жиреет могильный вампир
Урожаем годов оскуденья...

170

Над глухим болотом буря развернулась!
Но молчит болото, ей не отвечает,
В мох оно оделось, в тину завернулось,
Только стебельками острых трав качает.

Восклицает буря: «Ой, проснись, болото!
Проступи ты к свету зыбью и сверканьем!
Ты совсем иное испытаешь что-то
Под моим могучим творческим дыханьем.

Я тебя немного, правда, взбаламучу,
Но зато твои я мертвенные воды
Породню, чуть только опрокину тучу,
С влагою небесной, с детищем свободы!

Дам тебе вздохнуть я! Свету дам трясине!
Гром мой, гром веселый, слышишь, как хохочет!»
Но молчит болото и, погрязши в тине,
Ничего иного вовсе знать не хочет.

171

Порой, в октябрьское ненастье,
Вдруг загорится солнца луч,
Но тотчас быстро погасает, —
Туман так вязок, так тягуч.

И говорит земля туману:
«Не обижай моих красот!
Я так устала жарким летом,
В моих красотах недочет.

Я так бессильна, так помята,
Глаза сиянья лишены,
Поблекли губы, косы сбиты,
А плечи худы и бледны.

Закрой меня! Но день настанет,
Зимой успею отдохнуть,
Поверь мне, я сама раскрою
Свою окрепнувшую грудь!»

Сказала, и, закрывши очи,
Земля слабеющей рукой
Спешит, как пологом, туманом
Прикрыть усталый облик свой.

172

Ярких цветов мириады,
Почки раскрывши, цветут!
Нежно росистые взгляды
К небу далекому шлют.

«Много нас в пышном расцвете, —
Стали цветы говорить, —
Больше, чем женщин на свете,
Даже нельзя и сравнить!»

Слышат древесные ветки,
Стали цветам отвечать:
«Полно вам, милые детки,
Без толку хором болтать!

Все вы — жильцы на мгновенье;
Женщина — долго цветет...
Сколько же с нею в сравненье
Ваших-то жизней пойдет?»

В юности, в годы волнений,
Быстро по жизни скользя,
Глупых таких рассуждений
Веток подслушать нельзя.

173

Люблю я время увяданья...
Повсюду валятся листы;

Лишась убора, умаляясь,
В ничто скрываются кусты;

И обмирающие травы,
Пригнувшись, в землю уходя,
Как будто шепчут, исчезая:
«Мы все вернемся погодя!

Там, под землей, мы потолкуем
О том, как жили, как цвели!
Для собеседований важных
Необходима тишь земли!»

174

О, неужели же на самом деле правы
Глашатаи добра, красот и тишины,
Что так испорчены и помыслы, и нравы,
Что надобно желать всех ужасов войны?

Что дальше нет путей, что снова проступает
Вся дикость прежняя, что, не спросясь, сплеча,
Работу тихую мышленья прерывает
И неожиданный, и злой удар бича...

Что воздух жизни затхл, что ржавчина и плесень
Так в людях глубоки́ и так тлетворна гниль,
Что нужны: пушек рев, разгул солдатских песен,
Полей встревоженных мерцающая пыль...

Людская кровь нужна! И стон, и бред больницы,
И сироты в семьях, и скорби матерей,
Чтоб чистую слезу вновь вызвать на ресницы
Не вразумляемых другим путем людей, —

Чтоб этим их поднять, и жизни цель поставить
И дать задачу им по силам, по плечу,

Чтоб добрый пастырь мог прийти и мирно править
И на торгующих не прибегать к бичу...

175

Глядишь открытыми глазами
Величью полночи в лицо,
И вдруг с реки, иль за кустами
Раздастся крепкое словцо!

Возможна ль жизнь без нарушений?
Но надо выдержать уметь
И неприглядность дерзновений
Скорей как можно одолеть.

Они — везде, хоть их не просят,
Да и предвидеть их нельзя...
Так пусть же ветры их разносят —
Им, как и нам — своя стезя!

176

Как мирно мы сидим, как тихо...
А, между тем, весь шар земной,
Пространств неведомых шумиха,
Несется с адской быстротой!
        Близ нас и свечи не дрожат,
        А земли и моря летят!

Как бурно в сердце! Вал за валом
Грохочут чувства и мечты!
Потрясены и я, и ты...
Но глянь вокруг! В полуусталом,
        В блаженном сне, глубоком сне
        Весь мир спокоен при луне...

Все наши правды и сомненья
Все это создал ум людской:
Нам только кажутся движенья,
Нам только чуется покой...
Что бездны звезд! Ведь бездн таких
Так много, как и глаз людских!

Да, мир и все его основы —
Свои для каждого из нас!
Я умер — целый мир погас!
Ты родился — возникнул новый:
Тем несомненней, тем полней,
Чем ярче мысль души твоей!

Для нищих духом — нет сомненья,
Свод неба тверд, лежит шатром;
Весь кругозор их в силе зренья, —
Их нет в грядущем, нет в былом!
Нет чувства бездн для их умов.
Нет пониманья, нет и слов...

177

Гораздо больше позабыто,
Чем жизнь нам нового дает!
Что было в детстве пережито,
То ярко в памяти живет.

А то, что только что, недавно,
В усталой памяти легло, —
То — бледно, мертвенно, бесправно
И только отблеском светло...

Дни детства — дни произрастаний
Земли и теплой, и сырой,
Дни допотопных очертаний
С их мощной, дерзкой красотой.

178

Стучат на пруду моем капли,
Идет звуковой перебой...
Эстонец и немец, и русский
Их слышат — один, как другой.

Но где тот предел ощущений,
За гранью которых дано
Великим и малым народам
Познать, а не слышать, одно?

Сбивают их звуки былого,
Прошедших насилий следы,
Печали великих скитаний
И ярость исконной вражды!

По-своему все они правы,
Различны в них веянья дум...
Но капли, когда упадают, —
Для всех одинаков их шум!

179

Горит, горит без копоти и дыма
И всюду сыплется по осени листва...
Зачем, печаль, ты так неодолима,
Так жаждешь вылиться и в звуки, и в слова?

Ты мне свята, моя печаль родная, —
Не тем свята ты мне, что ты — печаль моя;
Тебя порою в песне оглашая,
Совсем неволен я, пою совсем не я!

Поет во мне не гордость самомненья...
Нет, плач души слагается в размер,

Один из стонов общего томленья
И безнадежности всех чаяний, всех вер!

Вот оттого-то кто-нибудь и где-то
Во мне отзвучия своей тоске найдет;
Быть может, мной яснее будет спето,
Но он, по-своему, со мной одно поет.

180

В вас о поэзии смешное представленье, —
Поэзия — не сон, не летопись, не бред!
Поэтом в жизни стать — совсем не наслажденье,
Как тяжело им быть — оценит лишь поэт!

Но только истинный, имеющий призванье...
Не триумфатор он, не жрец и не пророк, —
Фома неверящий, припавший к осязанью
И к поклоненью язвам рук и ног.

181

Меня здесь нет. Я там, далёко,
Там, где-то в днях пережитых!
За далью их не видит око
И нет свидетелей живых.

Я там, весь там, за серой мглою!
Здесь нет меня; другим я стал,
Забыв, где был я сам собою,
Где быть собою перестал...

182

Я плыву на лодке. Парус
Режет мачтой небеса;
Лебединой белой грудью
Он под ветром налился.

Море тихо, волны кротки
И кругом — везде лазурь!
Не бывает в сердце горя,
Не бывает в небе бурь!..

Я плыву в сияньи солнца.
Чем не рыцарь Лоэнгрин?
Я совсем не стар, я молод,
И плыву я не один...

Ты со мною, жизнь былая!
Ты осталась молода
И красавицей, как прежде,
Снизошла ко мне сюда.

Вместе мы плывем с тобою,
Белый парус тянет нас;
Я припал к тебе безмолвный...
Светлый час, блаженный час!..

По плечам твоим высоким
Солнце блеск разлило свой,
И знакомые мне косы
Льнут к волнам своей волной.

Уст дыханье ароматно!
Грудь, как прежде, высока...
Снизойди к докучным ласкам
И к моленьям старика!

Что? Ты плачешь?!. Иль пугает
Острый блеск моих седин?
Юность! О, прости, голубка...
Я — не рыцарь Лоэнгрин!

183

Здесь все мое! — Высь небосклона,
И солнца лик, и глубь земли,
Призыв молитвенного звона,
И эти в море корабли;

Мои — все села над равниной,
Стога, возникшие окрест,
Река с болтливою стремниной
И всё былое этих мест...

Здесь для меня живут и ходят...
Мне — свежесть волн, мне — жар огня,
Туманы даже, те, что бродят, —
И те мои и для меня!

И в этом чудном обладанье,
Как инок, на исходе дней,
Пишу последнее сказанье,
Еще одно, других ясней!

Пускай живое песнопенье
В родной мне русский мир идет,
Где можно — даст успокоенье
И никогда, ни в чем не лжет.

184

Что тут писано, писал совсем не я, —
Оставляла за собою жизнь моя;

Это — куколки от бабочек былых,
След заметный превращений временных.

А души моей — что бабочки искать!
Хорошо теперь ей где-нибудь порхать,
Никогда ее, нигде не обрести,
Потому что в ней, беспутной, нет пути...

[АВТОРСКОЕ ОГЛАВЛЕНИЕ «ПЕСЕН ИЗ „УГОЛКА"»]

«УГОЛОК»

МОРЕ И СОСНЫ

ИЗ ПРИРОДЫ

ВРЕМЕНА ГОДА

ИЗ МИРА МЫСЛЕЙ

К БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ

ЛИРИЧЕСКИЕ

ПОЭЗИЯ

КАРТИНКИ

ПОРТРЕТЫ

ПОЭМЫ

ПРИЗРАК

Влад. Серг. Соловьеву

I

Еще двенадцатого года
Была близка святая быль,
Еще стучал в толпах народа
Едва сколоченный костыль,
Еще слагалися преданья,
Чтобы бессмертной правдой быть;
Никто не мог воспоминанья
От шума жизни отличить:
Еще звучали смыслом ясным
Всем, всем знакомые слова:
Бородино и бой под Красным,
Париж, и Лейпциг, и Москва;
Охотно шли плясать кадрили
И менуэты, и гавот,
Те, кто теперь давно почили,
Кому, в свой час, пришел черед.

Спустя три года по походе,
Скончался старый генерал;

Он был, когда-то, очень в моде,
И царский двор его ласкал.
В шляхетском корпусе воспитан,
Известный всем артиллерист,
Он образован был, начитан;
Как балагур и бонмотист,
Был быстр и ловок на репли́ки;
Самоуверен, честен, горд,
Он у Голицына, в их клике,
Был окрещен: «казачий лорд».

И над могилой генерала,
Свежа, прелестна, молода,
Мария, дочь его стояла,
У входа в лучшие года.
Едва отца похоронили —
Дед принял внучку; поселил
В своей усадьбе. Говорили,
Что он сурово поступил,
Что он увез ее некстати,
Ей быть затворницей — не след,
Что лучший цвет всей нашей знати —
Она; что этим гордый дед
Дразнил людей на склоне лет.

«Мария! Не люби Багрова, —
Дед часто внучке говорил, —
Он ферлаку́р, не держит слова,
Он авантюрой вечно жил.
Тебе в мужья он не годится,
Багров не добр и не умен,
И мне, поди — вот, часто мнится,
Что нас с тобой погубит он».
Но было поздно. Вся пылала
Мария пламенем любви!
Кому же жизнь не подсказала
В свой срок: «Любовь идет! Лови!..»

Там во дворце, где бой за боем,
В рядах картин изображен,
Мундир гвардейцев тех времен
В глаза бросается покроем.
С оборок грузных киверов
Султаны стержнями торчали
И плавно маковки качали
Вдоль трехшереножных рядов;
Срезая строй до половины,
Белели толстые лосины
Над верхним краем сапогов;
У офицеров в эполеты
Кистями бились этишкеты,
Качались шарфы при боках,
И узко стянутые тальи
Давали тон кор-де-батальи,
И на разводах, и в боях.
Все щеголяли, все франтили!
Когда войска в Париж входили,
Приказ особый отдан был:
Чтоб беспардонная команда
Нестроевых, денщичья банда
И прочий люд обозных сил —
В Париж входили только ночью;
Чтоб не видал Француз воочью
Всех этих чуек, зипунов,
Бород нечесаных, усов,
Чтоб не испортить впечатленья
Щеголеватого вступленья
Таких красавцев, как Багров...
Находчив, смел, самоуверен,
Своим успехам в свете верен,
Как бы годам не подчинен,
Как призрак — тленью не подвластен,
Всем чувствам, всем мечтам причастен,
Марии вспоминался он.

II

Зима... Усадьба... Ночь... Звонка
Льдам неподвластная река.
Между нависшими снегами,
Струясь во тьме под берегами,
Вдоль мощных пней, больших коряг,
Река стучит и бьет волнами;
Наполнен стонами овраг;
Объяты думой вековою,
Молчат курганы над рекою;
Их притупленные верхи,
Как бы в защиту от сохи,
Прикрылись снегом. Мрак густится,
И облик полночи давно
К Марии смотрится в окно;
Высь неба искрится, звездится, —
Три дня как оттепель, тепло.
Глядясь в оконное стекло,
К нему вплотную прилегая,
В сиянье ровном двух свечей,
Сирень прижалася, сверкая
Пушистым инеем ветвей...

Надолго о́бмерли сирени
В дыханье мертвом зимней мглы!
Воспоминанья так светлы:
Он был вот тут, стал на колени...
Он кисть сирени оторвал...
В цветочках — счастья поискал!
Нашел! И не одно, а много, —
Была лиловая сирень.
Его отъезд... Ее дорога...
Столица... Пляски каждый день;
И он везде, и он повсюду...
О, сколько клятв! Что, если — лжи.
Отъезд сюда... К добру, иль к худу?
В возке темно... Скрипят тяжи...

Опять деревня! Мрак, изгнанье!
Но он сказал: я буду к вам,
Для обручения и венчанья...
Ждет долго, счет потерян дням...
А между тем душа пылает,
Мутится мысль... Вот проступает,
Вполне не смея проступить,
Сомненье в сердце и вещает:
Он лжет — нельзя его любить!

Вдруг колокольчик... О, как ясно,
Как близко к сердцу прозвучал!
Что, если? Милый мой... Как страстно
Тебя ждала я... Ты серчал,
Быть может, и не торопился...
Но как ты кстати возвратился...
Лицо к окошку прислонив,
Мария смотрит сквозь сирени...
Вот у ворот; вот, своротив,
Близки к крыльцу, скользнули тени
От фонарей... О, ей ли ждать?
Скорее ринуться, бежать!..

Бежит, все двери распахнула!
Вот зал, прихожая, крыльцо;
Вот холодом сеней в лицо
Повеяло! Она взглянула:
Не он! «Извольте письмецо! —
Ей кто-то вымолвил, — без счета
У вас тут, барышня, волков!
Уж вот была бы нам охота,
Когда бы господин Багров!»
Взяла письмо. Чуть прикоснулась, —
Как будто руку обожгла;
Всех оглядела, повернулась
И, надорвав конверт, пошла
Назад, в прихожую, чрез зало,
До спальни; вон в окне сирень...

А сердце будто мертвым стало,
По телу дрожь, а в мыслях — тень.

Письмо Багрова было ясно:
«Я вот уж месяц, как женат.
Мне очень грустно, что напрасно
О нас повсюду говорят.
Болтают больше все старухи;
Но жалко, если до жены
Дойдут прикрашенные слухи:
Они и лживы, и темны,
У вас в усадьбе рождены.
Со мной расстались вы такими
Почти, как были до меня;
Салоны россказнями злыми
Полны; мы служим сказкой дня.
Прошу вас кончить поскорее,
Я говорю вам тем смелее,
Что сам давно молчать готов
О том, что было. Петр Багров».

Прочла... Вторично не читала.
В ней гордость голос подала,
Вся кровь ей к сердцу прилила!
Она — которая молчала...
Она — которая ждала...
Скорее к деду! Он ответит,
Он даст совет, он вразумит!
Идет... По зале пол скрипит...
Из кабинета свечка светит...
Да, да, там помощь: дед не спит!
В ермолке, в стеганом халате,
Он без движения сидит,
В подушках весь, в шелку и вате,
Весь в завершившемся былом.
Склонясь над длинным чубуком,
Блиставшим бисером, фигурой
Массивен старый бригадир.

Над ним, под стеклами, мундир
Повешен; кожей темно-бурой
Обиты кресло, стол; стена
Портретов и имен полна.
С месяцесловом на коленях
Старик, живая старина,
Готов быль ночь сидеть без сна.
Он взрос в дворцовых переменах,
И вне дворца он прозябал;
Блистала лысина большая:
Привычке старой изменяя,
Дед парика не надевал,
И характерные морщины
Еще с тех пор носил старик,
Когда в венок Екатерины
Чесма вплеталась и Рымни́к.

Уставши жить, дыша на ладан,
Дед внучку нежил и любил.
Приход Марии был негадан,
Был неожидан. Дед закрыл
Месяцеслов; не поднимая
Лица, взглянул он сквозь очки;
Печаль предчувствуя, не зная —
В чем дело, взял он из руки
Письмо... Прочел его в молчанье...
«Бесстыдники!» — дед прошептал...
Затем вдруг вытянулся, встал
И — на каком-то восклицанье
Всем телом грохнулся назад...
Хотел еще промолвить что-то...
Затем — предсмертная икота,
Померк очей открытых взгляд,
И, два-три вздоха, — и затем
Он безответен стал и нем...
И, без сознанья, без движенья,
Не пересиливши мгновенья,

Во тьме полуночных часов,
Склонилась внучка перед дедом,
Ходившим некогда к победам
В толпах Суворовских орлов.

III

Отцвел в свой срок подснежник белый
И одуванчик отошел,
И плод его пушистый, спелый
Свевался... Ландыш тоже цвел;
Его едва-едва успели
Заметить — как пришел конец
Благоуханью. Засинели
Тьмы васильков. Душа-певец
Ночей весенних, зорь горячих,
Вослед цветам не отлетал;
Еще он в парке рокотал;
Глядел, как в недрах вод стоячих
Прудов усадьбы поднимал
Кувшинчик почки; как тянулись
Оне на свет из темных вод;
Певец торопит их, зовет...
И почки слышат, распахнулись,
Цветами стали! Их краса
Увлажена, кропит роса,
Лежат, плывут на влаге зыбкой...
Как не признать им жизнь — улыбкой?
О, если б дать им голоса!
Цветы раскрытые взирают
На мир, на пламенную ночь...
Они пока еще не знают,
Что полдни сушат и сжигают,
Что вихрей им не превозмочь;
Они, в доверии надежды,
Пройдя сквозь холод, тьму и глубь,

Все шире раскрывают вежды
И просят песню: «Приголубь!»

Кто приголубит, приласкает
Марию? Вот опять весна!
Уж в третий раз ее она
По смерти деда вновь встречает.
В своей усадьбе родовой
Она хозяйкой молодой
Осталась: деда завещанье
Вручило внучке состоянье.
Безмолвна, сдержанна, мрачна,
В глухой тиши уединенья,
Склонялась временно она
На всевозможные решенья.
Убить! Кого? Себя убить?
Письмо напишет — рвет страницу...
Она к царю пойдет просить...
Нет, в монастырь, под власяницу.
Нет, будет ждать, годами ждать...
Нет, станет молча умирать...
Нет, мстить ему... Она богата,
Ей можно все!.. Душа объята
Сомненьями... Не превозмочь
Тоски... И что ей с красотою
Цветущею? Жить пустотою
Нельзя... О, если б в мрак и ночь
Уйти совсем, чтоб тишь забвенья
Объяла, чтобы навсегда
Почить, без страха пробужденья! —
Ни в чувстве страстного влеченья,
Ни в силу злобы, иль стыда!

Стыда... Она давно слыхала,
Что где-то подле обитала
Пророчица, что на дом к ней
Приходит множество людей,

Что дар великого ученья
Ей будто дан, что есть и поп
У них — старик-кузнец Евтроп;
Что по ночам у них — верченье,
Что храм молитвенный — овин,
Что прямо от Христа почин
У них всех служб и все священство,
Что свят завет старинных книг,
В стихах молебных свой язык,
Что вера их ведет к блаженству,
Приводит душу к совершенству,
Что, если к ней причастным быть,
То Бог дает грехи забыть;
Что помраченными умами
Берут блаженство люди сами,
И что, молитвенно вертясь,
Душой вступают с Богом в связь.

Что, если б к ним на испытанье?
Какой ценою — все равно!
Хотя б в безумное деянье,
Но только прочь из ожиданья!
Ведь вот еще не так давно
Ей что-то Дуня говорила,
Служанка... Также приходила
Пророчица, — звала взглянуть:
«Скучаешь, барышня! — сказала:
Прийди, у нас к спасенью путь!»
Ну, что же! Мало ль, что бывало!
Да, да, взглянуть! Во что б ни стало,
Забыться б только как-нибудь!
Пускай, случайностью влекомы,
Всех чувств, всех помыслов черты
Дадут глубокие изломы —
Безумье лучше пустоты!
Да, да, так нужно! Кто узнает?
Позвать пророчицу, попа!

Послать служанку! Нет, глупа:
Кругом по людям разболтает!
Самой пойти? Но стыд смущает...
Что стыд? И чей мне страшен суд?
Права, иль нет, что было — было,
В конце концов одно — могила;
Безумье — разве не приют?
Скорей... Сегодня! Нет — зимою...
О, Господи! Я не вольна!
Я стражду всей моей душою,
О, я совсем, совсем больна!
Как нежный водоросль, подхвачен
И кинут ветром на песок,
Трепещет, нежен и прозрачен,
И должен сгинуть в близкий срок, —
Так и Мария трепетала,
Вся смерти и беды полна:
Волна вблизи ее бежала —
Но далека была волна!

IV

Июль был знойный и сухой;
Вдруг — слух упорный, неизменный,
Что скоро Царь Благословенный
Проедет этой стороной!
И весть за вестью налетает
В деревню. Тут ли не простор
Вступать вестям друг с дружкой в спор?
Но всех глубоко удивляет,
Что едет Царь на Таганрог:
И город мал, и путь далек...
Что едет также и Царица
Дней через семь Царю вослед,
Что непригодна ей столица,
Придворный шум и этикет.

И мало ль, что еще бывало
Говорено; что занимало
Умы досужие людей —
Чем невозможней, тем милей!
Но, слухам вслед, вдруг жизнь мелькнула
В глуши дремотной, шевельнула
Сердца людские, и вошло
Смятенье в каждое село,
И скоро не было сомненья:
Дней за́ десять до сентября
Пришло властей распоряженье,
Что у Марии для Царя —
Ночлег; нужны приготовленья
К нему, что дорог счет минут,
И утвержден Царев маршрут.

Проснулась сонная дорога!
Везде в пути по деревням,
Чуть не у каждого порога,
Стоит хлеб-соль; а по дверям,
На окнах, по конькам избушек,
По изгородкам, вдоль клетушек
Все полотенца; по столам
Близ изб — иконы; непривычно,
На оба створа их дверей,
Открыты паперти церквей;
Пути обкопаны отлично
Канавками; обновлены
Мосты; поставлены перила,
Нет выбоин, а много было!
Столбы в пути, вдоль всей длины,
В три цвета вновь обведены;
Где были длинны перегоны,
Там, подле станций временных,
Средь непроглядных чащ лесных
И ямщики, и почтальоны;
Снует народ, горят костры;
Мундиры всех родов пестры;

Коней согнали табунами,
И все они под номерами;
Пегашек, серых, вороных
Не счесть! У новых сбруй ямских
Звенят бубенчики; порою,
Случайно дрогнув под дугою,
Вдруг колокольчик зазвенит;
От лент над гривами пестрит;
В пути расставлены пикеты:
Летит казак за казаком,
Они — живые эстафеты.
Верстах в пяти перед Царем
Фельдъегерь скачет; в мыле кони,
Он мчится — будто от погони:
И в церкви каждого села
Звонят во все колокола...

В усадьбе шум и суматоха;
Такого в ней переполоха
Не помнят. От начала дня
Повсюду стук и беготня;
Уж сколько раз зашли поповна
И попадья — взглянуть на дом:
Как будет сделан в нем прием?
Одна Мария хладнокровна,
По виду, правда, но свое
Исполнила. Она решила,
Чтобы Царя в дому ее
Былое время окружило!
Царь знал отца и деда знал...
Что безделушек сохранял
Старинный шкап и кладовая
С вещами старыми, опять
Явилось к свету, оживая,
Царя прошедшим окружать,
Глядеть с каминов, стен и полок!
Все чинно заняло места!
Кровать старинная, и та

Надела свой поблеклый полог;
Подушки выросли над ней
Под целым рядом вензелей;
И всюду, всюду проступали
Гирлянды свежие цветов,
И память мертвую годов
В живую зелень облачали...

V

Был вечер свеж, и ночь была
Тиха, безлунна, но светла.
Царь с Дибичем, а не с Волконским,
Как то бывало много лет,
Приехал; им Вилье вослед
Со свитою. За паром конским
Едва виднелся силуэт
Приезжих. Люди набегают
Отвсюду. В мыле четверня;
Дормез в пыли; порой звеня,
Бубенчики вдоль сбруй играют;
На козлах грузных и больших
Сидит Илья, тот неизменный
Лейб-кучер, важный и почтенный,
Что вдоль и вширь исколесил
Всю Русь, когда Царя возил.
Гораздо ниже, на сиденье,
Под ве́рхом, будто в углубленье,
С приподнятым воротником
Шинели, с Дибичем вдвоем
Сидел и Царь. Шинель спуская
С плеча, привстал; не торопясь
Сошел; к фуражке приложась,
Всех оглядел и, замечая
Хозяйку на крыльце, в дверях,
Державшую хлеб-соль в руках,
Пошел к крыльцу...

Вполне картинка —
Мария в блеске фонарей,
Казалась выше и стройней;
Скрывала плечи пелеринка;
Под перламутровым гребнём
Коса свивалася кольцом;
От тальи, схваченной высоко,
Сбегая книзу до земли,
Недвижно складки платья шли;
Глаза светилися глубоко
Навстречу близким фонарям.
Как бы привыкшею к Царям
Мария гордой и спокойной
Царю представилась. Тем дням
Обычай свойствен был, достойный
Упоминанья: руки дам,
Хозяек, гости целовали,
Когда они к ним в дом вступали;
Им Царь, сойдя, не пренебрег:
Он на обычаи был строг.

Царь показался ей усталым,
На много лет старее стал,
И по глазам глубоко впалым
Тревожный блеск перебегал.
Царь весь, как будто, опустился;
Фуражку он держал в руке;
На кирасирском сюртуке
Георгий крохотный светился.
Царю с утра сообщено,
Перед прибытием в усадьбу,
Зачем Мария так давно
Живет одна... Он знал про свадьбу
Багрова; он Багрова знал;
О нем он память сохранял
Не лестную. Он вспоминал
Отца своей хозяйки, лорда
Казачьего, — и, будто звук

Совсем далекого аккорда
Забытых дней, Царь вспомнил вдруг,
Что знал и деда, той порою,
Когда, почти еще дитёю,
В живом расцвете первых сил,
При бабушке с Лагарпом жил...
Объятый, против ожиданий,
Живым кольцом воспоминаний,
Царь незаметно просиял,
Входя с Марией в длинный зал.

Никто, согласно этикету,
Не шел — они вдвоем вошли!
От ламп, по чистому паркету
Дорожки света полегли,
И мерный ход часов старинных,
В углу стоявших, темных, длинных,
С обычной выдержкой стучал.
Царь, осмотревшись, шпагу снял,
Прошел спокойными шагами
По зале, у дивана сел;
Марии подле сесть велел...

Царь
Так это вы? Зачем не с нами?
Зачем вы здесь, в такой глуши?
Так мо́лоды, так хороши...

Мария
Я, Государь, совсем отстала...
От всех...

Царь
Со смерти генерала
Как много миновало лет?

Мария
Седьмой уж год идет.

Царь

А дед?
Лагарпа друг, он позже умер?

Мария
Прошло три года, Государь.

Царь
Под Богом все, у всех свой нумер,
И свой черед теперь, как встарь.
При бабушке Екатерине
Ваш дед был в бригадирском чине,
На всех куртагах и балах
Он часто виден был в рядах
Придворных. Я совсем не знаю,
Как он исчез? Подозреваю:
С Мамоновым он близок был...
Отец ваш, — помню, мне служил!
Под Дрезденом, сказать вам смею.
Не верил я моим глазам, —
Свою он вывел батарею
По невозможным крутизнам,
Под стать не коням, а козам...
Поздней, при Фершампенуаз, —
Об этом отдал я в приказ, —
Он, заскакав французам в тыл,
Картечью их резервы сбил...
Затем, не проходило бала
Без прибауток генерала;
Был — остроумие само;
Я помню несколько бонмо...
Вы слышали о них, конечно?

Мария
Да, Государь.

Царь

Я рад сердечно,

Что случай к дочери привел!
С ущербом вашему покою,
Я беспорядок произвел
У вас; но памятью живою
Отца и деда защищен,
Я, смею думать, что прощен?
Вы мне позволите немного
Оправиться? Трудна дорога;
Я постарел, устал в пути!
Ваш дом велик, — где мне, скажите...
Куда прикажете идти?
Но только к чаю приходите,
Чтоб вместе пить; поговорим,
Припомним и совет дадим...

Царь встал. Мария не вставала:
Она еще речей ждала...
Царь понял. Ласкова, светла,
В лице улыбка заиграла;
Он, руку дав, помог ей встать,
Дорогу в доме указать.

Под утро только задремала
Мария. Как глубоко спит!
Она всю ночь соображала.
Что Царь в дому ее гостит.
Царь! И какой еще? Милльоны
Сердец давно ли он увлек
В защиту веры и короны?
Пылал пожарами восток;
Стремился воинства поток;
Убитых церковь поминала.
Живые жались к знамена́м...
И этот Царь — он тут, он сам!
Беседу вел... Чай наливала...
Давно ли по столбцам газет
За ним следил весь Божий свет?
Рассказам места не хватало,

И царский облик виден был
Среди порывистого шквала
Событий — там, где Бог вершил...
И вот он тут, он почивает!
Ее деревни мирный сон
Царя собою обнимает!
Как ласков Царь! Как складно он
Рассказывал и как смеялся!
И сон к Марии надвигался,
Усталость дня свое взяла,
Она заснула и спала, —
Спала, объятая виденьем.
В котором путались в одно:
Приезд Царя, с его значеньем,
Овин с таинственным верченьем,
И что Царем говорено,
Пророчица и облик деда,
Евтроп, сражения, победа,
Звон, свет, большое торжество,
И в этом хаосе мельканья
Так необычно ярких снов,
Впервые, против ожиданья,
Отсутствовал один Багров...

Ночь миновала. Час отъезда...
Уже собрались близ подъезда
Толпы крестьянок и крестьян.
Пред их подвижною стеною
Старик с высокою клюкою, —
Галунный на плечах кафтан,
То сельский староста; учитель
Церковной школы — сочинитель
Стихов, представленных Царю;
Священник, он в епитрахили,
С крестом в руке. На месте были
Все власти... По календарю
Нет праздника, но над толпою
Нежданной радостью такою

И светлый праздник не горит!
В конюшне шум. Туда спешит
Сам губернатор; к водопою
Ведут коней, пора впрягать...
Вдруг слух; с отъездом обождать!
Что государево желанье
Свое продолжить пребыванье,
В усадьбе лишний день пробыть, —
Все отказать, все отменить...

VI

Проснулся царь часу в восьмом.
Был тих, вполне беззвучен дом.
Сквозь кружева и по узорам.
По краскам полога сквозил
Чудесный день. Царь отклонил
Немного полог этот; взором
Он стены комнаты обвел...
Ему казалось — он вошел
В дни юности! Так походила
Вся комната, все, что в ней было:
Убранство стен, шкапов, стола,
К убранству Царского Села
На той дворцовой половине,
Где в детстве, при Екатерине,
Как лучший перл дворца храним,
Он был так искренно любим.
Давно знакомые портреты
Чередовались: парики.
Камзолы, рясы, эполеты,
И кивера́, и клобуки!
И целый сонм людей похода,
Людей двенадцатого года,
Был тоже здесь, весь, весь сполна, —
Глядели со шкапов, с комода;

Живой казалася стена,
Лучами дня позлащена!

Привычку детства исполняя,
Царь встал, молитву сотворив;
Без посторонних быть желая,
Оделся сам, не позвонив.
Дом обстановкою старинной,
Благообразной, строгой, чинной,
Весь в памяти прошедших дней,
Как будто некий мавзолей,
Царя объял, его, живого,
Всей жизнью милого былого...
Царь был безмолвен и один.
Прошелся подле стен; взирали
Портреты, будто провожали
Очами: Зубовы, Репнин,
Самойлов, Панин, Головин.
Кутузов, Витгенштейн, Суворов,
Барклай, Мамонов, Кочубей...
Как много памятных людей!
Вон, будто уклонясь от взоров,
В углу, весь в скромности своей, —
Лагарп! Похож: с повязкой белой
На шее, в черном сюртуке,
С какой-то книжкою в руке...
Царь смотрит: подпись! Побурелой
Она виднелась под стеклом,
Но этот почерк так знаком
Царю; нагнулся Царь; читает:
«Малейшее из добрых дел
Все остальное извиняет!
Лагарп». Такое-то число,
Год, месяц, Царское Село!

Слова учителя звучали
Так ясно... Не глаза читали,

Коснулись слуха звуки слов, —
Так сильно было впечатленье!
Царь слышал будто шум шагов
Каких-то, — слышал дуновенье...
Казалось, кто-то шел вблизи,
Шел вдоль неведомой стези,
Над гладко блещущим паркетом,
И в комнате, зали́той светом,
Бессмертье веяло кругом
Своим безветренным крылом
И по Царю, и по портретам...

Царь огляделся — никого!
Да что же живо? Что мертво?
Прошел к окну. Твердь голубая,
В листве желтевшей проступая,
Сияла ярко. Отворив
Окно и голову склонив
К оконнице, Царь грудью полной
Вдыхал целебный воздух; волны
Здоровья, сил и тишины
Вливалися из глубины
Тенистой сада, и на них
В своих одеждах расписных,
Друг дружке путь перебивая,
Четыре бабочки внеслись,
Скользя в лучах, то вверх, то вниз,
Царя чуть-чуть не задевая...
Царь улыбнулся — отступил!
Глядит... Пора бы понемногу
И собираться в путь-дорогу;
Чудесный день к себе манил...
Но бабочки Царю сказали,
Что так нельзя! Что тут печали
В дому; что те печали вьют
В груди хозяйки свой приют.
Помочь бы ей! Что с нею сталось?..
Вся в скорбь ушла! И что сказалось

В лице? Узнать бы, проследить
Судьбы таинственную нить...

VII

Давно толкуют, рассуждая,
Что на закате бурных дней
Царь Александр, душой страдая.
Вошел в особый круг идей.
Поставленный среди крушений
Безмерно странных и больших,
Царь, бывший деятелем в них,
Познал тщету людских решений
И всю ничтожность сил людских.
Ему, как некогда пророкам,
Рожденным творческим востоком
Задолго до времен Христа,
Вся близость Божьего перста
Предстала, мысли опалила,
Пригнула долу и смирила...
Душа Царева, наготу
Свою познав, объята тьмою,
Над страшной бездною мирскою
Тревожно жалась ко кресту!
Тот, кто вещал с полей сражений
Решенья гордые судеб,
В глубокой тягости сомнений
Взглянул, как на насущный хлеб,
На незаметные деянья
Смиренья духа, покаянья,
Благотворений и добра...
И было принято с утра
Царем нежданное решенье —
Остаться. Дал он повеленье
Отъезд на сутки отложить, —
Хотел с Марией говорить.

К полудню туча набежала,
Но полдень тучу растопил.
За завтраком Царь заявил
Желанье, чтобы показала
Мария: где почиет дед?
Царь также высказал запрет,
Чтоб их в пути не провожали,
Что он с Мариею вдвоем
Пройдет к гробнице в Божий дом.
Из парка взяли путь полями
И, мимо мельниц, вдоль прудов
Прошли в чудесный лес; столбами
Ложился свет между стволов;
Где холмиком, где невеликой
Лощинкою дорога шла,
С краев созревшею брусникой
Обильно, густо поросла.
Попались дети с кузовками,
Они по ягоды пошли;
И дятлы близко и вдали,
Стучали по лесу носами.
Давно упорно Царь хранил
Молчанье; раньше говорил
Он очень весело и много...
Теперь неясная тревога
Его объяла. Сельский храм
Увидел Царь от понадлесья;
Он на большом холме стоял,
И блеск лазурный поднебесья
Его отвсюду окружал;
Колонны будто бы сквозили
Своей молочной белизной;
Мелькая, голуби кружили
Вкруг купола и с высоты
К нему спускались на кресты.

Близ алтаря, вплотную к храму,
Часовня малая стоит;

На двери грузный герб прибит,
Он вделан в бронзовую раму,
И стерегут его бока
Два золоченых гайдука.
Вошли. За дверью вниз ступени;
Чем ниже, тем суровей тени,
Свет дня сменяет свет лампад;
Не сразу различает взгляд,
Что видит. Там внизу, под полом,
Под тяжестью могучих плит,
В гробу заклепанном, тяжелом
Почтенный дед глубоко спит.

Заметен в склепе над стеною
Покойного большой портрет;
Написан в рост, во цвете лет,
Играет краской молодою
Лицо; он буркой распашною
Покрыт; чуть начал подрастать
Ус над губой; на рукоять
Блестящей сабли опираясь,
Покойный весело глядит...
Жизнь впереди, она манит...
Глядит он бодро, улыбаясь,
И в полумраке с высоты
Сам охраняет сон плиты
Своей надгробной... След мгновенья
Минувшего давным-давно,
Живет, попав на полотно,
Живет как будто для сравненья
Былого с нынешним! Налой,
Покрытый ценною парчой,
Виднеется. Ковер с цветами
Раскинут подле на полу;
Иконы древние к углу
Блистают ценными камнями.

Могиле поклонился Царь.

Царь
А кто художник?

Мария
Государь,
Портрет писал Антропов.

Царь
Знаю...
Вот перед ним, не при людя́х,
А здесь, у дедушки в гостях,
Я с вами говорить желаю.
Я искренно поговорю.
Как сердцеведцу, как Царю.
Мне можно... Прошлое я знаю,
Что с вами, как произошло...
Что ж делать: мощно в мире зло!
Но жизнь не может быть бездольем:
Упрямство будет своевольем;
Вам Бог велит простить, забыть,
Чтоб, сколько можно, снова жить!
Послушайте...

Царь говорил
Не громко, он взволнован был,
Он взгляд переводил порою
То на портрет, то на плиту.
Как будто в споре сам с собою
Ловил какую-то мечту,
Одолевал соображенья!
Хоть смутно было выраженье
Лица, но речь была звучна;
Заветною тропой она
Направилась, заговорила
О том, чем страстно дорожила
Душа: о связи двух миров,
Понятной не для всех умов, —

О связи, бытие которой
Является живой опорой
Бессмертию души; о том,
Что видят люди не умом,
А чувствами; о просветленьях,
Догадках, чаяньях, прозреньях,
О чем, так следует признать,
Царям не часто речь держать.
Мария трепетно внимала;
Ей эта речь, как вещий глас,
По склепу темному звучала
И прорицала — в добрый час...

Царь
Бог жизнь ведет совсем особо!
Для нас как будто не в связи
Его незримые стези.
По правде же не так! Из гроба,
Из плача, боли и скорбей
Идет, незрима для людей,
Но зрима Богу, лишь в прозренье
Молитвы видная едва,
В своем весеннем обновленье
Живая, свежая трава,
Дух в просветленье различает,
Как эта поросль проступает!
Сквозь ладан и могильный смрад
Исходит жизненный наряд;
Бывает, что и мрак порока
Ясней святой звезды востока
В своих последствиях! Порой
Блеск крыльев бабочки способен
В душе людской, путем мечты,
Создать деянье красоты
Необычайной! Бесподобен
Расчет Создателя — вести
Так, что путей не обрести...

Да вот и я, живущий в славе,
Ищу вериг, чтоб их носить...
И сам я по моей державе
Начну легендою ходить...

На полумысли оборвалось
Царево слово... Замолчал:
Как будто бы не то сказалось,
Что думалось, чего желал...
Царям вещать дано особо,
Речам их дан особый склад...
В чем дело? Для чего здесь оба
Они? Что нужно?

Царь

Очень рад...
Мне кажется, я здесь недаром
У вас, недаром говорю;
Быть может, Бог велел Царю,
Мне здесь, на пепелище старом,
Сыскать вас, словом отрезвить,
Связать оборванную нить
Печального существованья...
Неясны поводы деянья...
Но прислан я оповестить...
Здесь перед вами, притча в лицах...
Вглядитесь и найдитесь в ней...
В каких я не бывал столицах
Приветствован! Каких полей
Не пробуждал и не тревожил
Гром мне послушных батарей!
Я мир делил, я троны множил,
Я царства сокрушал, — и вот
Во мне к вам странник предстает:
Я наг душою изъязвленной,
Мой дух скитаньем утомлен,
Скорблю, порфирой отягченный!
Во мне — крушенье, в нем — закон!

Мы все — ничто, но Бог в нас силен!..
Что, если ваше горе взять —
Оно ли моему под стать?
Пример сравненьями обилен...
Но, верьте, все идет к добру!
Быть может, не теперь, но к сроку,
Во времени, все станет в строку...
И может быть когда умру,
И радостной врагам кончиной
Явлюсь последнею причиной
Последствий важных, и когда
Сквозь ликованья, страх и стоны,
В Москве возьмут мои короны,
Чтоб хоронить меня — тогда, —
Тогда вы вспомните... тревогу
В вас этот час забьет, и в нем
Я ярким путевым огнем
Зажгусь и покажу дорогу!
Смерть духа вашего поправ
Моею смертью — буду прав...
Вы отрезвитесь понемногу...
Простить, забыть вам Бог велит,
Не я, а дед так говорит...
Вы приезжайте к нам в столицу;
Бог даст вернусь и я, а там —
Я буду сватом вашим сам...
Вы примете Императрицу
Здесь у себя дней через шесть!
Когда б здоровье ей обресть.
А мне покой... Вы ей скажите...
Нет, лучше объясню письмом,
А вы его передадите...
Вернуться б только мне добром...
Чтоб трех свечей не зажигали,
Покойника не предвещали,
Не призывали смерти в дом...

Как мрамор склепа, побледнело
Лицо Царево, — облеклось
Сияньем, будто унеслось,
В глазах Марии вдаль, светлело
Оттуда молча... Царь и дед,
Плита, лампады, склеп, портрет,
В искринках слез затрепетали,
Зашевелились, замелькали...
В своих движеньях не властна,
Мария на колени пала,
Себя осилить не могла
И полной грудью зарыдала...

VIII

И Царь скончался в Таганроге...
Уже два месяца в дороге
Печальный поезд. Вдоль степей,
Меняя ко́ней и людей,
Стуча тяжелой колесницей,
До марта вплоть от декабря,
Везут усопшего Царя.
Илья Байков и тут возницей,
Не хочет места уступить:
Он тридцать лет привык возить
Царя... Везет! Везде попутно
Выходят панихиды петь;
На гробе клапан, чтоб смотреть:
В порядке ль тело. Время смутно,
Чего-то ждут ежеминутно.
В пути расставлены войска;
Ночлеги в селах; что река
Людская, всюду по дороге
В глухом сомнении, в тревоге,
Толпы стремятся на поклон.
Зима строга, сер небосклон,

Везде испуганные лица,
Путь так далек, и наяву
Как сон проходит колесница...
Прошла и Тулу, и Москву.
Эскорту, шедшему за прахом,
Чтобы на все готовым быть,
Приказ дан ружья зарядить.
Нет счета россказням и страхам,
И ополчается сама
Глубоко мрачная зима,
И сыплет белыми снегами
По тем безвестным деревням,
Где гробу отдых по ночам,
Где блещет церковка огнями,
И, в тихой дряхлости кренясь,
От гроба царского светясь,
В глухую тьму глядит очами.
Прошли Валдай; по тем местам,
Где Царь недавно ехал сам,
Затем в столицу проводили;
Гроб в двух соборах простоял,
День похорон оповестили,
И срочный день тот наступал.

За сутки хочет быть Мария...
Почтовый путь в конец избит,
По нем едва ль не вся Россия
Проехала. Возок скрипит.
Который день она встречает
Зарю в возке? Глаз не сомкнет,
Все думает, соображает
И подвигается вперед...
Все ближе к цели! В лад качаний
Возка, ряды воспоминаний
Бегут... Но в них — переворот:
Багров скромнее предстает,
Чем прежде, что-то стушевало
Его; опущено над ним

Полусквозное покрывало...
Он робок стал и недвижим...
С ним, верно, встретиться придется?
Ну, что же, отчего не так?
Узнаю: счастлив ли их брак?
Без содроганья сердце бьется
При этой мысли; как страшна
Была недавно, как скромна
Теперь... Но Царь! Какая доля!
Как прав он был, чтобы сказать:
«Нас Бог ведет — не наша воля...
Что, если ваше горе взять —
Оно ли моему под стать?»

Застава. Ночь. Приезд огромный —
Возки, кибитки, сани в ряд,
Попавши в очередь, стоят.
И брань, и разговор нескромный;
Идет прописка: кто, зачем?
Мороз крепчает между тем.
С большой платформы караула
Сверкают и штыки, и дула;
Безжалостно своих коней
Жандармы шпорят и ломают;
Тех из приезжих, кто важней,
Скорее прочих пропускают,
Два слова скажут, оглядят,
И возвращают вид назад.
Пошел! Не ждать же повторений!
Мария так истомлена
Бессонницей, борьбой сомнений,
Что не заметила она,
Как, вслед другим, провезена,
И тению ворот огромной,
В глухом молчаньи ночи темной,
Как пастью, вдруг поглощена...

IX

Был третий час. Орудий рева
Не слышно. Смолк военный гром.
Уж тело предано Царево
Земле; пустеет Божий дом —
Собор; еще одной гробницей
Стал драгоценней. Вереницей
За императорской семьей
Во след безмолвною толпой,
Нарушить говором не смея
Собора скорбной тишины,
Уходят высшие чины
Палаты, воинства. Чернея
Толпятся женщины к дверям.
Нет счета лентам и звездам.
Почти на всех значок похода —
Медаль двенадцатого года;
Не редки Кульмские кресты.
Спускаясь с дальной высоты,
От тьмой подернутого свода,
Бросая книзу полутень,
Над катафалком опустелым,
Горя своим подбоем белым,
Висит глазетовая сень,
Нет больше близ нее движенья;
Дым, чуть заметный след кажденья,
Над местом тем, где гроб стоял,
В листве высоких пальм слоится
И, опускаясь, серебрится;
Горят алмазы и металл
Всех императорских регалий,
Царевых звезд, крестов, медалей;
И ряд усатых часовых
Безмолвно высится близ них.
Еще горят огни тревожно
С паникадил, со стен, столбов;

Пол обнажен, и видеть можно
Цветы, слетевшие с венков.

А близ придела бокового —
Шум, шорох, не слыхать ни слова;
Толпятся люди и снуют;
Одна у тех людей забота:
Идет печальная работа,
И близок к завершенью труд —
Царю последний дать приют.
Над гробом свод заложен; плиты
Надвинуты. И между них
Струи цемента в щели влиты.
И крепок должен быть и тих
Приют Царя. Пусть почивает!
Пусть тот же воздух окружает,
В котором жил; пусть скроет склеп
В тех очертаньях, в том мундире,
В котором Царь был виден в мире
И отошел во тьму судеб!

Совсем подобна изваянью,
Окутанному черной тканью,
Безмолвна и как смерть бледна,
Стоит Мария близ окна.
Одолеваемый тенями,
Алмазный шифр с ее плеча
Играет мелкими огнями;
В руке погасшая свеча.
Воспоминания роятся.
Теснясь в живой круговорот.
Тревожна мысль, она гнетет
Мучительно... Все суетятся
Вокруг, недвижен лишь собор...
Склонив к могиле влажный взор
Она людей не замечает,
Она былое вспоминает,

Нет, два былых: то, что давно
Прошло, и рядом с ним другое,
Совсем недавнее былое...
Вот и оно схоронено!

Скорей бы прочь, да, прочь от света!
Зачем послушалась совета!
И тот совет, что дан ей был,
К чему призвал? Зачем будил?..
Знакомых лиц кругом так много!
Воскресли будто... Как пестры!
Глядят лукаво так, так строго!
Не откровенны, не добры!
Как близко было усыпленье!
Полгода, год еще, а там
Свое пришлось бы взять годам...
Как часто в тихом размышленье
Поутру, вставши ото сна,
Теплом молитв отрезвлена,
Взглянувши в зеркало, искала
Мария — нет ли седины?
Ужели жить опять, сначала,
Переживать вторично сны?
И что ж совет? Слова пустые,
Случайные — хоть дорогие!
Жизнь не в словах... Но отчего
Такая правда в предсказанье?!.
Тут не слова одни — деянье!
Какой же силою она
Сюда, в собор, привлечена?
Царь говорил ей: «Я дорогу
Вам покажу... Я буду прав,
Смерть духа вашего поправ
Моею смертью... Я тревогу
В вас подниму, — зажгусь огнем...»
Тревога — тут! Весь Божий дом
В огне... Свершилось погребенье...
Но это все — не разрешенье?

Что изменилось, чтоб начать
Вторично жить? Куда девать
Былое? В чем тут отпущенье!
Зачем советы Царь давал?
К чему будил? Куда позвал?

Совсем окончена работа:
Лежат венки, надет покров...

Из-за столба выходит кто-то...
Знакомый, будто бы... Багров?!
Багров... Встречаются мгновенья,
Когда увидеть и познать —
Одно! Медлительность мышленья
Таким мгновеньям не под стать;
Единый взгляд в решенье властен.
Вопрос с ответом слиты в нем,
В теченье мыслей безучастен
Сам человек, он ни при чем!
Багров стоял с Марией рядом
И поклониться был готов,
Но обменялся только взглядом...
И ясно стало ей без слов,
Что больше нет у ней былого,
Что нет и прежнего Багрова,
И что она сама не та,
И что любовь — пережитá!

Как часто над людской душою,
Склонясь, как ива над водою,
Раскинув сень своих ветвей,
Заметен призрак прежних дней!..
Казалось бы, что вслед былому
Пора исчезнуть и ему,
И что живет он по-пустому,
Не нужен, лжив и чужд всему;
Что все, — да, все, — переменилось,
Другая жизнь кипит вокруг;

Исчез людей знакомых круг,
Иное к жизни народилось...
Но призрак, — что ни день ясней!
Он давит грудь, он жить мешает;
Он правду жизни заслоняет,
И в безответности своей
Сбивает мысль с ее путей!
Когда бы гробы говорили,
Когда бы мертвых опросить:
Не призраки ли их сразили
И повелели опочить, —
Как много было б объяснений,
Совсем, совсем иных, чем те,
Что дали люди разных мнений
Смертям, стоявшим вне сомнений,
По их наружной простоте...

Марии счастье улыбнулось,
И призрак свеялся в ничто;
В ней сердце к жизни шевельнулось —
Могло бы быть совсем не то!
Веленья случая могучи;
Что мы в последний час борьбы?
Свободны в дальнем небе тучи —
Но разве тучи не рабы?
Година мрачная печалей
Была судьбой завершена;
Как знать: к чему пробуждена
Мария? Что с ней будет далее?
И будет ли указан путь
К чему-нибудь, зачем-нибудь?
Не очертив чертой зарницы,
Не раздробив на звуки гул, —
Но случай двери распахнул
Ее безвременной гробницы —
И в глубь живых еще очей
Проникнул свет дневных лучей...

И если почка в часть цветенья
Навстречу раннему лучу
Вскрывает в некое мгновенье
Свою цветную епанчу;
И если теплою весною
Реки ледя́ная броня
Вдруг раздробляется волною,
Чтоб плыть, сверкая и звеня, —
В Марии быстрое мгновенье
Явило к жизни возрожденье,
И подле сени гробовой
Ударил ключ воды живой!

ЕРЕСЕАРХ

В. Л. Величке

I

Могучих кленов сень густая,
Что ты хранишь в прозрачной мгле?
В тебе, от корня прорастая,
Юнеет поросль по весне;
За много лет могучим слоем,
Глухим охвачены покоем,
Лежат опавшие листы;
И над глубокой тишиною,
Безмолвно вызваны луною,
Снуют виденья и мечты...
Никто, никто сказать не может,
Что тут за рухлядь под землей
Вода, просачиваясь, гложет
Своей хрустальною струей?
Никто не может знать: какое
Лежит свидетельство живое
В остатках стен, в осколках плит.
И ни в одной из ветхих хроник

Ни летописец, ни каноник
Об этом месте не гласит...
Все, все прошло невозвратимо
Куда-то прочь, куда-то мимо...
Погасла месть! Добро и зло
Все, все в забвенье перешло...
Былые дни былых стремлений —
Все скрылись в области видений,
Все, молча, свеялись в ничто!
Все дремлют под покровом темным
На столько, что звучит нескромным
Вопрос о том: зачем и кто?!
Жизнь пышет новыми страстями
На пепелище прежних дней,
Как встарь обманывает снами
И населяет мир теней...

II

Во время о́но, диво края,
В подвалы золото ссыпая,
Цвел ранней мудростью отцов,
Старинный вольный город Псков!
Чужды оброка и печали,
Господ не знали псковичи,
И про себя одних держали
Кошель в руке и щи в печи.
Еще московские дружины
Не приходили в их равнины;
С своей соседкой молодой,
Чуть подраставшею Москвой,
Как равный с равным Псков ссылался;
Он князю в ноги не бросался
В поклоне робкого посла;
Довольный прибылью обильной,
Он сам сводил свои дела
С Ганзой, Варшавою и Вильной.

Да!.. Если б кто тогда сказал,
Что будет время — вече Пскова
Падет, не вымолвивши слова, —
Народ бы сказку осмеял!
А если б кто сказал в народе,
Что — будет день — во все концы
По Пскову царские стрельцы
Начнут таскаться на свободе,
И что боярское дитя,
Едва подросший ус крутя,
Купцу расколет стол дубовый
На спрос уплаты за товар, —
Пророк — он проклял бы свой дар
Под гнев народа, гнев суровый...
А если б кто сказать посмел,
Что будут дни бесславных дел,
Когда, проснувшись спозаранок
И пьяной вольностью горя,
Начнут опричники царя
Насильно холить псковитянок,
Под детский крик, под женский стон,
Кольчугой грудь им нагнетая,
Рукою дерзкой обнажая
Красоты девушек и жен, —
Того пророка к покаянью
Народ бы в улицах погнал,
Безумным ревом встретил, бранью,
И градом шапок закидал!

III

Одно, да старое наследство
Давно не мило псковичам:
Ливонских рыцарей соседство
Дает работу их плечам!
Уж много бритых их баронов
И крепких рыцарских голов,

Во славу веча и законов,
Пересажал на копья Псков!
А все их сила не слабеет,
От новых выходцев густеет,
Поля и села жжет огнем,
Валит и ломит напролом...
Вблизи от Пскова, за границей.
Совсем не так, как Псков, богат,
Стоит, покрытый черепицей,
Старинный Юрьев, Пскову брат.
По воле князя Ярослава
Наш Юрьев был на свет рожден;
Но близость рыцарей лукава:
Он взят и в Дерпт перекрещен.
Он Богу русскому не верен,
Он позабыл родной язык,
Он, словно рыцарь, лицемерен
И лгать без совести привык.
Глядит он — темен, как темница,
По узким улицам мощен;
С ворот гранитных, точно лица,
Глядят гербы со всех сторон;
Над зеленеющими рвами,
Гремя железными цепями,
С утра — спускаются мосты;
Вдоль узкой улицы порою
Проедет рыцарь на коне:
Блестящий шлем, перо густое,
Герб на груди, герб на спине.
Немного в городе движенья;
Гудит орган в часы моленья;
Наружность храмов их мрачна;
Молясь, перебирают четки;
Там даже птица не вольна:
Боится темного окна,
Его зазубренной решетки,
Боится грохота подков
И ржавой музыки мостов...

И там три года изнывала,
Слезами очи погашала,
В плену двух деток родила
Красавица, из Пскова родом,
Ирина... Немцы шли походом
На Псков... Отбили их... Взяла
Не их... Коню окровавляя
Бока, от русских убегая
С Ириной поперек седла,
Барон Оскар, к концу сраженья,
Ее, безмолвную, тащил,
Привез... и сыну, в день рожденья,
Со сворой гончих подарил!

IV

Два Шрекенбада, два Оскара,
Два двойника, отец и сын,
Сердиты — как огонь пожара,
Грозны как бури средь равнин...
Веленья папы — в деле веры,
В житейской распре — острый меч,
Для них символ суда и меры
Одна — решающая речь.
Примеры были: с ними дрались,
Да так на месте и остались
И в склепы к предкам снесены
На искупление вины.
Хотя и носят Шрекенбады
Крест на груди, крест на мече,
А в праздник даже на плече,
Но в этом слабым нет ограды;
А черный слух про старика
Гласит, что будто бы, когда-то,
Его проклятая рука
Упала на голову брата!..
Они богаты, спору нет:

Ничей так не хорош обед
Под звуки музыки и хоров;
Нигде таких душистых вин
Не льет серебряный кувшин
В часы веселых разговоров;
Никто процентами займов
Не душит стольких должников;
И если самый старший чин,
Магистр, кого-нибудь боится —
Ему страшны отец и сын!
Он не упустит прислужиться,
Им предпочтенье отдает,
Зато в нем месть давно таится.
Он не торопится и ждет.

V

Веселье в замке Шрекенбадов!
Кругом стола большого в ряд,
Пируя, рыцари сидят!
Пестрит в глазах от их нарядов...
Оскару сына Бог послал,
И сыну месяц миновал!
Хоть сын побочный, хоть ублюдок,
А все попьянствовать резон!
Давно на пиршестве рассудок
Вином и песнями смущен...
Ирина в шитом сарафане,
Желанья барского раба,
Едва с постели встав, слаба,
С вином сверкающим в стакане,
Гостей обходит, с ними пьет
И гостю всякому, склоняясь,
Поклон до пояса кладет!
Вино, по кубкам испаряясь,

Давно осилило гостей...
Ирина взгляды поражает,
Хвалы и клики вызывает
Высокой прелестью своей.
Ей вслед шушукали, глазели,
И выхваляли, кто как мог,
Совсем седые менестрели
И очень юный доктор Кнок.

VI

Оскар Ириною доволен...
Когда он пьет — он духом болен,
Безумьем страждет мозг его!..
«Да ты пониже!.. Ты... того!..
Ты не скупися на поклоны,
Чтоб знали господа бароны,
Что дрянь ты... больше ничего...»
Кричит Оскар; привставши с места,
Он тяжко грохнулся, садясь...
«Вы... Псков... ни что другое... мразь...
А ты... ты конюху невеста...
Прости... обидеть не хочу...
Ей-богу — ну... люблю... ей-богу!..
А если брошу... на дорогу
Дам денег... чорт мне по плечу!..
Подайте сына!»... Вносят сына.
«Пускай от каждого кувшина —
Так мне придумалось — она
Льет на него стакан вина.
Его здоровье!..» Кубок ценный
В руке Оскара заблестел,
И клик заздравный прогремел:
«Живи, живи, новорожденный!..»

VII

Один, веселье нарушая,
Зажавши губы, худ и сед,
Очами темными сверкая,
Сидел в раздумье старый дед.
Тая давнишнюю кручину,
Он занят думою одной:
Зачем он сыну дал Ирину,
А не оставил за собой?
Старик и прежде, в юны годы,
Мечтать без толку не умел!
Он был особенной породы:
На все отваживаться смел...
Когда ж он в старости мечтает, —
Едва погнув над глазом бровь,
Мечта проходит в плоть и кровь...
Он без причин не посягает.
А он давно уж замечал,
Как быстрый след его похвал
Румянил краской торопливой
Щеку Ирины молчаливой...
Как ей по сердцу с ним побыть...
Чем чорт не вздумает шутить?!
Вот и теперь, к концу обеда,
Ирина залу обошла,
И, подойдя к сиденью деда,
Заздравный кубок подняла...
Но только бодрость изменила:
Она свой кубок опустила
И зашаталась... Увидал
Старик... и быстро поддержал.
— «Где доктор Кнок? Где он, проклятый?
Сюда его!..» Явился Кнок...
Ирину поддержать помог...
Старик Оскар, мечтой объятый,
Оставив пьянствовать гостей,
Пошел тихонько вслед за ней...

«Ты, доктор, мне, смотри за нею!
Попустишь что — сломаю шею...
Ты мне Ирину сохрани —
Хоть чорта к делу примани!..»

VIII

А сын к Ирине привязался...
Когда он трезв — он с нею тих!..

На землю вечер опускался...
Он к ней пришел...

Оскар *(входя в опочивальню к Ирине)*
В мечтах своих
По-прежнему грустна Ирина...
Ну, слушай: от Оскара-сына
Тебе сюрпризик! Разговор
С попом каким-то... К нам попался...
Ваш русский поп! Все мелет вздор!
Он с Кноком доктором тягался,
Забавно было слушать их:
Два дурня, оба из больших!
Один — пренабожный католик,
Тот — православный... Чудаки!
Смеялись мы с отцом до колик.
Посмейся ты... Тебе с руки!

Ирина
С попом смеяться мне?

Оскар
Так что же?
Он настоящий поп — по роже,
По говору и по скуфье!
Ведь мы по-русски маракуем,

Когда условья вам диктуем,
Подносим их на острие
Меча! Не дуйся! Поп прелестный —
Из странствующих в поднебесной...
Все хочет жечь еретика!
Иосиф, некий, — с языка
Не сходит, — и Геннадий тоже
Ему всех пастырей дороже!
Он пробирался стороной,
Ко Пскову, чащею лесной;
Его, как зверя, мы ловили,
В чаще собаками травили!

Ирина
Какой же поп, однако, он?

Оскар
Толкует — рукоположен
Нечесаным архиереем!
Не знаю: мазан ли елеем,
Но маслом пахнет...

Ирина
Позови!
Пускай придет сюда.

Оскар
Ну, то-то!
Ты позабавься, не тужи...
А чуть понравится — скажи:
Я изловлю попов без счета
И целой стаей приведу
Тебе в угоду! Хочешь?

Ирина
Жду!

IX

Инок *(войдя в опочивальню Ирины по выходе Оскара)*
Благословен наш Бог Создатель,
Великих милостей податель,
Да будет мир Его с тобой!

Ирина
Кто ты?

Инок
Я из страны родной...
Был в Киеве на поклоненье
И шел, свершив обет, домой...
Да очутился в заточенье
И прислан вот...

Ирина
Ты кто ж такой?
Из беглых?

Инок
Я?!

Ирина
Мне так сказали...

Инок
В бегах от плоти своея,
От мудрствований, от печали,
А не от церкви... Инок я!
Иду от Волоцкой святыни
До тех далеких островов,
Где на хребтах морской пустыни,
Господь, наш Бог, поверх валов,
Вдали от ереси и срама,
Воздвиг обитель Валаама.

Я принял иноческий сан
По православному завету!
Скитаюсь, страхом обуян...
Светильники Господню свету —
Мы высшей волей зажжены,
Горим!.. В молитве днем и ночью,
По неземному полномочью,
Мы молим за своих людей,
Чтоб отвратил Господь все беды,
Что нам готовят немцы, шведы,
Поляк, татарин и еврей!
Чтоб не зачелся грех князей!
Благодаря их старой спеси,
Повсюду ересь гложет веси...
Быть может там, в стране озер,
Слабей родной земли позор!
Не в светской власти, а в духовной,
Хранится наш завет верховный
О единенье бытия...
Мы молимся, по миру ходим,
Мы паству к пастырю приводим, —
И вот кто мы, и вот кто я!
И я узнал, что ты в плененье,
И видеть рад на тот конец,
Что если нужно что...

Ирина

Отец!
Приятно мне твое явленье!
Я здесь в семье еретиков,
Окружена дыханьем злобы...

Инок
Лев будет острием зубов
Терзать их скверные утробы!
И ты, счастливая жена,
Быть может, Богом избрана
Стоять пятой на гнусном змие?

Ирина

Нет! Я в борьбе изнемогла...
О! Если бы я знать могла!..
Но, может быть, ты, как другие,
Подослан?

Инок

Богом послан я!
(Раскрывает грудь.)
Гляди! Ты видишь: грудь моя...
Тут честных древ изображенье
На теле я ношу давно!
То — череп! Он гласит о тленье...
А кость — крест-накрест! Прижжено
Изображение святыни
В те дни, когда я молод был,
Проплыл моря, прошел пустыни
И гроб Господень посетил!
Не лгу!

Ирина

Не лжешь! Тебе я верю!
Скажи: права ли буду я,
Когда, не человеку — зверю,
Под лаской месть свою тая,
В ответ за зло, за все насилья,
За стыд, который я ношу,
Я подшибу, как птице, крылья
И, приласкавши, задушу...
Простится ль мне?

Инок

В ответ готово
Тебе евангельское слово!
Когда из храма изгонял
Господь, где нужно бичевал!
Апокалипсису мы верим,
Что бой Христа с великим зверем

Уже давным-давно идет!
Зверь только образы меняет,
Снует в людях и проступает
Там, где никто его не ждет!
Мы — со Христом! вся Русь объята,
Кольцом врагов окружена,
Со всеми ими — Сатана!
Он всюду! Наше место свято!
(Крестится.)

Ирина
Так, значит, буду я вольна?!

Инок
Виновен зверь за нрав звериный,
И их грехи на детях их!
Да не спасется ни единый
От нещадивших малых сих!
Иосиф, волоцкий учитель,
Велел мечом их посещи́,
Богатства хитить и в пещи
Их сожигать! Что тать-грабитель, —
То и они, еретики!
Да погибают от руки,
От мора, казней, потопленья...
Проклятой ереси движенья
Отсюда двинулись полки...

Ирина
Спасибо! Легче мне отныне;
Но как, скажи мне, помирить:
Ведь нам Христос велел любить?
Прибавь ты разума Ирине.

Инок
Иосиф Волоцкий учил
В своем посланье к Митрофану,

Что: кто казнен — тот искупил
Хоть часть вины! Что нет изъяну,
И совести не возмутит
И тот, кто дерзостных казнит!
Геннадий наш новогородский
О церкви тоже так радел!
Когда московский князь велел
Жидовствующих казни плотской
Подвергнуть, — этих грешных тьму
Прислали в Новгород к нему.
Еретиков тех посадили
На ко́ней, задом наперед!
Святитель выгнал их в народ!
Бересту шлемами сложили,
Гребни связали из мочал!
Таскали их! Народ плевал!
Затем, на детях преисподней
Бересту жгли на головах...
И в радость был великий страх,
И в пользу истине Господней!

Ирина *(после раздумья)*
Прийми мой грех и отпусти!
И, ежели не жить Ирине,
Меня, отец, в святой пустыне
Ты в поминанья занести
Не позабудь!

Инок
Не позабуду!
Мужайся и казни Иуду!

Ирина
Когда у вас, в стране родной,
Под гнетом стужи ледяной,
Цветок, до времени, завянет;
Когда, мелькнувши полосой,
Звезда в глухую бездну канет;

Когда ночного ветра стон,
С кладбища быстро налетая,
Оконцо кельи потрясая,
Встревожит твой спокойный сон —
Тут буду я, вся быль моя,
Вся повесть злого бытия!
Когда во храм, под древний свод
Жених с невестою придет;
Когда у блещущей купели
Раздастся свежий, детский крик,
Или, приблизясь к колыбели,
Над внуком склонится старик —
Тут буду с вами я опять
Тем, что, загубленной судьбиной,
Из радостей тех ни единой
Не довелось мне испытать...
Благослови, простись с Ириной!
(Инок благословляет ее и уходит.)

X

Доктор *(встречая Ирину в отдельной галерее замка)*
Меня звала ты — я пришел!

Ирина
Ты помоги в тоске безбрежной!

Доктор
Старик-барон заботой нежной
К тебе — меня в конец извел!

Ирина
Вот третий день то в жар, то в холод
Меня бросает...

Доктор

Вижу я!
Побереги себя!

Ирина

Ты молод!
Не знаешь: в чем болезнь моя...

Доктор

Предчувствую...

Ирина

Себе на горе
Тогда! Нет, ты не должен знать:
Тебе не время умирать!

Доктор

Ты в тяжком, безысходном споре
Сама с собою день и ночь...
И, видя это, не помочь!
Почуять все твои кручины,
Обиды видеть и молчать,
Твое молчанье постигать,
И не сорвать с тебя личины...

Ирина

Постой! Ты взвесил ли слова
Свои? И крепко ль голова
К плечам пристала? И давно ли
Такие дерзкие мечты?

Доктор

Нас единит судьба неволи —
Люблю тебя!

Ирина *(после раздумья)*

Как любишь ты?

Доктор
Отдать себя, совсем забыться,
С тобой мученье потерпеть, —
Мне смерть такая счастьем мнится!..

Ирина
Но кто же ты, чтоб думать сметь
О мне?..

Доктор
Есть грезы золотые,
Где погибают, осветясь,
Все, все различия земные,
Где хороша любая связь...
Что в них — бедняк? Что в них — чужая?
Ничто — безумье... Вздор — запрет...
Мир в этом мире нараждая,
Одна любовь в них... трепет... свет...
Гляди: я даже в созерцанье
Тебя — уже преображен...
О, дай мне право на страданье!

Ирина
Изволь! Ты можешь быть прощен!

Доктор
Тобой?

Ирина
Да, может быть, и мною...
Но, знай, ты шутишь головою!

Доктор
Она твоя.

Ирина
Дай зелья мне!
В далекой спальне, в тишине,

Откинув полог, при лампаде,
Оскару в сонное питье
Волью... А много ль силы в яде?

Доктор
Он в сутки сделает свое...
Но как избегнуть подозренья?!

Ирина
Так слушай! Вот мое решенье:
Я обещаю быть твоей,
Когда свободной буду снова...
Увидим вместе стены Пскова,
И милых, мне родных людей.
Мужья свободных псковитянок
У нас, кто б ни были они,
По праву — граждане земли!
Дай зелье! Утром спозаранок,
Когда отраву примет он,
Ты будешь мною извещен:
Скажусь больной. Чтоб были кони,
Как ночь придет, у тайника!
На утро надо ждать погони;
По счастью, ночь не коротка,
Узнай тем временем дорогу...

Доктор
А долго ль ждать? Велик ли срок?

Ирина
Коль случай выйдет на подмогу,
Недолго...

Доктор *(давая яд)*
Вот твой пузырек...

XI

Хорош при замке старый сад!
За ним давно никто не ходит;
Весенний дождь цветы разводит,
Меняет лето их наряд.
Зато, разросся сад на воле
У долгих лет в чести и холе.
Его дорожки заросли,
По ним пройти согнувшись надо,
Трава сплелась поверх земли;
В нем, в самый полдень, тень, прохлада,
И в двадцати шагах кругом
Не видно человека днем.
А замок ветхими зубцами
Над ним, как некий страж, стоит;
На нем, проточены годами,
Замшились мрамор и гранит.
Угрюмый сад кругом обводят
Изгибы мощные стены
В сажень с аршином ширины;
По ней, порой, гуляя, ходят;
А за стеной глубокий ров
По дну уставлен остриями;
Гранит его крутых боков
Оделся плесенью и мхами;
В саду приставлены к стене
Железной лестницы ступени.
На небе полдень. Круты тени,
И окна искрятся в огне.
Ирина вдоль стены гуляет...
Здесь мыкает она печаль,
Здесь глаз далёко обегает
Равнин дымящуюся даль...
Старик барон сюда придет...
Недолго ждать: вот полдень бьет!

XII

Старый барон *(подходя к Ирине)*
Что ты, голубка молодая,
Гуляешь бледная такая?

Ирина
Меня вот этот ров манит...
Что, если человек слетит?

Старый барон
Да! Если здесь свалиться — баста!..
А разве так ты мыслишь часто?

Ирина
Случается...

Старый барон
                    Ну, а скажи,
Да только в тайне не держи,
Какая главная причина,
Что бродит подле рва Ирина?..

Ирина
Нет! Кроме рва, здесь даль манит!
Люблю смотреть, как осень сходит
И лес, и ниву золотит...

Старый барон
Да, осень — старость! Грустный вид...

Ирина
Нет! В очертаньях молчаливых,
Она сродней душе больной,
Чем гнев и милость сил строптивых
Весны и страсти молодой!
Тому, кто горем не подкошен,
Быть может, молодость милей...

Старый барон
Ирина!

Ирина
Да! Был жребий брошен,
И я могла бы быть твоей.

Старый барон
Ирина!..

Ирина
Видишь ли, как смело
С тобой, барон, я говорю!
Открыто смерти в лик смотрю!..
Жить, как живу — мне надоело,
В святой святых оскорблена,
Я жажду мстить, я — месть одна!
Что ты не молод — что мне в этом?
Мне умереть здесь суждено...
С отцом мне будет холодно́,
Но с сыном — гадко... Жду с ответом?

Старый барон
Когда поверю — что потом?

Ирина
Мы будем жить с тобой вдвоем...
Его ушлешь ты без возврата...

Старый барон
Куда?

Ирина
Куда услал ты брата...
Не хочешь? Так предай меня!

Старый барон
Я дам ответ к закату дня...

XIII

День миновал. Жара стояла
Большая, был ужасен зной!
Гроза промчалась стороной,
Зажгла леса, вся даль пылала.

Старый барон
(в своей оружейной играет с сыном в кости)
Мой сын! В соседстве лес горит;
Играть устали мы с тобою;
Пройдемся нашею стеною,
Там, со стены, весь лес открыт.

Оскар
Нет, мне теперь не до пожара!
Постой, еще хоть три удара:
Очки пойдут у нас вдвойне,
На квит, все, что ты должен мне,
В придачу свору гончих ставлю —
Ты жеребца поставь, старик...

Старый барон
Смотри, Оскар! Удар велик.

Оскар
Велик, да сразу все поправлю!
Упали кости. Взял их — сын;
Загреб червонцы он рукою.

Оскар
Тебе ль, старик, играть со мною!
Ведь счастье бегает седин.
Твой жеребец — он взял статями,
А ты, отец, и дряхл, и худ...
Тебя затопчет он ногами,
Узнают люди — осмеют!

XIV

Насмешка заживо схватила...
Старик, одумавшись, смолчал;
Слегка улыбка рот скривила,
И глаз под бровью засверкал.
Пошли по лестнице железной;
Идут тихонько по стене.
Бросая блеск по ночи звездной,
Пожар клокочет в стороне.
Грозой промчавшеюся сбиты,
Над ним столпились облака,
И греют круглые бока.
Зловещим заревом покрыты
Сияют крыши по домам;
Звонят по городу тревогу
И, встав местами, понемногу
Все резче крики, шум и гам.
Барон, за сыном пробираясь,
Идет задумчив и угрюм...
Чу! Слабый крик, какой-то шум!
И, за рогатины цепляясь,
Скользя по темным остриям,
Как будто тело проскакало
И грохнулось, когда упало!
Старик, нагнувшись надо рвом,
Дослушал... Нечего бояться!
Но так он бледен был лицом,
Чуть начал с лестницы спускаться,
Что света красного поток
Осилить бледности не мог...

XV

Светлеет ночь. К началу дня
По замку стук и беготня.

При свете факелов смоленых
Толпой прислужники идут
И на носилках обагренных
Безмолвно мертвого несут.
Его лицо осталось цело,
Но голова раздроблена,
Одежда, в клочья порвана,
Не всюду покрывает тело.
Какой судьбой он спать не лег?
И как так поздно увидали?
И как ночные стражи спали?
И как он оступиться мог? —
Вот содержанье разговоров
На все лады, по всем углам
Догадок, выдумок и вздоров
И лжи, и правды, пополам,
Но как же объявить барону?
И кто посмеет разбудить
Наперекор его закону?
И как Ирину известить?
Пошли, однако же, сказали...
Старик поспешно встал от сна;
Встревожен... Взбита седина...
И, встретив тело теплым словом,
Не отшатнуться он не мог.
И он велел покрыть покровом
От головы его до ног.
Вошла Ирина... Подле села,
Сама покров с лица сняла
И долго так в лице глядела...
Прочесть старалась—не могла!

XVI

На третий день, день похорон,
В собор стеклись со всех сторон

Народ и рыцари толпами.
Между желтевшими свечами
Стоит свинцовый гроб в гербах;
На крытых бархатом местах
Сидит магистр со старшинами.
От всех отдельно впереди,
Стуча рукою по груди,
Старик-барон сидит с Ириной...
Орган без умолку гудит,
Барон с глубокою кручиной
Ирине тихо говорит:

Старый барон
Исполнил я твое желанье,
И к Богу кровь течет рекой...
Не перед ним, перед тобой
Меня терзает ожиданье.
Зачем молчишь ты до сих пор?
Скажи — и будешь мне невеста!
На свете сильным много места,
Ничто счастливым не укор...

Орган гудит и завывает
И в лад словам своим, порой,
Барон тяжелою рукой
По крепкой груди ударяет.

Старый барон
Уж вот две ночи и два дня,
Как ты не смотришь на меня!
Какую мысль твой ум ласкает?
Чем он болеет? Что скрывает?
Барон и благодетель твой —
Я плакать рад перед тобой!..

Орган гудит! Тяжелым хором
За ним вослед поет народ;

В движенье судорожном, скором,
Барон рукой по груди бьет...

Старый барон
Тебя к любви я не неволил...
Я сердца жалостью не холил!
Я брата своего убил,
Я сына своего сгубил...
Ты научила, ты желала
И на тебе моя вина!
Возьму тебя, во что б ни стало...

Ирина
Возьми! Но я отравлена́...
(Старый барон вскакивает с места и пронзает Ирину мечом.)

XVII

Один из скитов на Валааме. Теплая, летняя ночь. Поодаль от входа в скит несколько братьев, с зажженными свечами в руках, разговаривают вполголоса.

1-й инок
Отходит, ничего не слышно боле.
Преставился, быть может, старец?

2-й инок
Нет!
Такого старца Бог к Себе не примет
Без некого явленья! Быть явленью...

3-й инок
Да, ветхий де́ньми старец! Постник строгий
И много испытал.

1-й инок

Да, говорили,
Что прежде он, в гонениях на ересь,
Сам стал ересеархом! Звал казнить!
Что при Геннадии новогородском
Он жег еретиков в железных клетках.

2-й инок

О, Господи!

1-й инок

Потом у Белозерских,
У Нила Сорского в науке по́был,
И снова странствовал, и к нам пришел,
И схиму принял!
(Из скита выходит настоятель, останавливается на пороге и делает инокам знак рукою подойти.)

Настоятель

(обращаясь в сторону к невидимому схимнику)
Брате Иринарх!
Пришли с тобой проститься! Что им скажешь?
(Братья подходят к дверям кельи; из скита раздается довольно сильный голос отходящего.)

Голос схимника Иринарха

Разбил скрижали Моисей — то правда...
Когда ж Израиля хотел сгубить
Господь за поклонение тельцу —
То Моисей стал против Божьей воли...
«Егда погубишь их, сгуби меня!» —
Сказал. И Бог народ свой не сгубил!
Любовью Моисей смягчил гнев Божий.
Илья пророк, о Господе радея,
Казнил четыреста жрецов Ваала,
Но каявшихся принял к покаянью:
Из них же вышел нам пророк Авдей!
То ветхий был закон... В союзе новом

Господь нам повелел не осуждать!
Что грех судить довлеет только Богу...
(Голос замолкает.)

Настоятель
Замолк! молитесь братия! быть может
Преставился?

Голос схимника Иринарха
Припомните: Спаситель
От грешницы убийственную руку
Жидов отвел... А Симона Волхва
Апостол Петр разбил своей молитвой!
Апостол Павел душу полагает,
Чтоб братья соблазненная спаслась,
Но не сказал, чтоб их огонь пожег,
Или земля пожрала! Петр, опять же,
У Господа спросил: скажи, Учитель,
Кто согрешит седмижды в день — прощу ль?
Господь сказал ему: не до седмижды,
Но седмерицей семьдесят — прости!
И аще брата согрешивша убивает, —
В том ветхий возвращает он закон,
Его же, по Христе, Бог ненавидит...
(После некоторого молчания.)
Ох, братия! Откроюсь в покаянье...
Преклоньте же колена и молитесь
Да дух мой, отрешась, избегнет беса!
(Настоятель и иноки становятся на колена.)
Великие на мне грехи! Я думал
Гнать ересь и в гонениях своих
Сам в злую ересь впал. Гоненья — ересь!
Бог тайной вел меня! И тайну эту
Прозрел я!.. Думал до того обманно!
Когда собралась братья вкруг меня,
Смутил меня лукавый, будто этим
Господь мою мне правду подтверждает,
Число учеников моих умножив!

Господь умножил этим только страсти...
Когда б тогда мне умереть — геенна
Была бы мне!.. Иначе Бог судил!
Узрел я то, чему учил в деяньях!
Стал видеть плод того, что я посеял!
Я ужаснулся крови!.. Я познал,
Что крови несть конца, чуть есть начало...
Бес стал мне видим ясно — я бежал!
Тут был край бездны, тут же и спасенье:
Перст Божий вел в Заволжье... Тишиною
Тишайшею меня тогда объяло
В обителях лесных!.. У белозерских
Я каялся... И все меня на север
Тянуло будто... Думал я в Соловки...
Господь решил кончать на Валааме...
(После роздыха.)
Тут я постиг в себе великий свет!..
Внутри себя Творца я ощутил...
В молитве я носился существом...
Не чувствовал я тела, несся в горних,
В общении любви Господней! В радость
Я просветлялся благодатью слёз...
И я познал тогда могущество прощенья!
Любовь не устает, подобно мести, братья,
И несть любви конца — бо есть сама конец!
Мой час приспел! Узреть все то, что чаял...
Спокоен я! Молитесь за меня!
Не наказуйте, братья! Будьте добры...
Прийми ты от меня, брат настоятель,
Мое последнее в сей жизни слово:
Вы в поминаньях ваших, с Иринархом,
Провозглашайте также и Ирину...
Мне и светло! И плачется легко...
(Следует продолжительное молчание. Настоятель входит в скит и чрез несколько времени возвращается.)

Настоятель
Преставился!..

XVIII

Сложилась Русь. Давно забыты
Дела давно минувших дней...
Лишь беспокойные пииты
Тревожат мирный сон костей!
Сплотилась Русь не только вами,
Чьи дорогие имена
Передает народ устами
И сохраняют письмена.
Нет! Нерушима та основа
Безличных, скромных, мелких сил,
Весь сонм которых опочил
И в безымянности былого,
И в безызвестности могил!
Нет замков рыцарских! Скопился
На месте их бессвязный хлам...
Но молится, как и молился,
На острых скалах Валаам!
Сентябрь! Монахи, поминая,
Перекликают имена...
Ирина, кажется, слышна!..
Но неизвестно, кто такая,
Когда и кем занесена?..

II.
ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВХОДИВШИЕ В ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЛИ ПОСМЕРТНЫЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ 1859–1902 гг.

* * *

Ночь. Звучат, звенят бокалы,
Льются звуки арф и флейт;
В честь барона пьют вассалы
И бесчинствует гелейт.

Что наш Генрих, юный графчик,
Отчего он молчалив,
Паж, снеси ему в подарок
От барона пару слив.

— Я барону благодарен,
Для других забыл себя...
Паж, снеси ему перчатку,
Скажешь: граф прислал тебя.

И свой стул отодвигая,
Граф встает из-за стола,
И выходит в двери сада,
А в саду туман и мгла.

И с высокого балкона,
Тенью легкою скользя,
Сходит в сад жена барона:
В замке шумно, спать нельзя.

И в глубокой тиши сада
Ясно слышно: вдаль аллей —
Влево ходит баронесса,
Вправо граф навстречу ей.

Ближе сходятся, столкнулись,
Слышен теплый разговор,
Шелест платья баронессы
Слился с звоном графских шпор.

Дальше, дальше, тише, тише,
Их не слышно, сад молчит...
Звезды тухнут, ночь густеет,
И черна, черна висит.

В замке пир! Сияют залы,
Льются звуки арф и флейт,
В честь барона пьют вассалы
И бесчинствует гелейт.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ КАНТАТА ПО СЛУЧАЮ ПРАЗДНОВАНИЯ СТОЛЕТИЯ ОСНОВАНИЯ ПАВЛОВСКОГО ИНСТИТУТА

Благословен приют родной
В его святыне вековой!
Замолчали вихри бранные
И спокойна и светла
Русь края обетованные,
Богом данные взяла
И дала своим странам
Русский меч и русский храм.

Были дни, и из народа взято
Войско шло по голосу царей.
Наши дети и отцы когда-то
Не боялись тысячи смертей.

И хранят бессчетные курганы
Нам родной, погибший в битвах прах.
И сияют лучезарно раны.
Есть им счет на Божьих небесах.

Но остались сиротинки
Дети павших, что былинки,
Что былинки на степи,
Им пришлось бы мыкать горе
В вечных нуждах с жизнью в споре
Умирай или терпи.
Но блеснула мысль царицы:
Царь по манию десницы
Прав был, в бой послав отцов,
Мне от Господа призванье
Дать им кров и пропитанье
Семьям сирот их птенцов.

Царь повелел! воздвиглись эти сени,
И дорог нам призревший нас приют,
Спокойно спят отцов убитых тени
Они теперь не ропщут, не снуют.

Замолчали вихри бранные
И спокойна и светла
Русь края обетованные,
Богом данные взяла
И дала своим странам
Русский меч и русский храм.
Благословен приют родной
В его святыне вековой!

ГИМН ПУШКИНУ

Зазвучали наши хо́ры,
Оглашая как один
И окраинные горы,
И пространства всех равнин...
Но откуда мощь такая
В этих звонах торжества?
Знать, столетье доживая,
Блещут Пушкина слова.
Блещут тем из года в годы,
Мощно сердце шевеля,
Что они — цветок природы,
Венчик русского стебля.
Он цветет без увяданья,
Не теряя лепестков.
Оттого-то ликованья
И сердец и голосов!
Оттого так звучно хо́ры
Оглашают, как один,
И окраинные горы,
И пространства всех равнин...
    Нашему Пушкину слава!
    Нашему Пушкину слава!

КАНТАТА А. С. ПУШКИНУ

Хор
Уж ты пой, певец, великий наш певец,
Мы плетем тебе невянущий венец,
Мы взросли, растем под песнею твоей,
Наш родимый сладкозвучный соловей.

1-й голос
По полям, лесам звучишь ты, речь родная,
Вдоль по речкам льешься, по степям безбрежным,

Льешься, отклики повсюду пробуждая
То могучим громом, то напевом нежным.

2-й голос
Ох, и был у нас великий запевало!
На Святых Горах он мирно почивает,
Видит сон, как будто времечко настало
И могила — не могила! Воскресает!

Трио
Уж вы, гусельки, излюблены былиной,
Что вы, гусельки, так долго залежались?
Слышь, поет он! Что за голос соловьиный!
Услыхали гусли, всюду отозвались.

Хор
Уж ты пой, певец, великий наш певец!
Мы плетем тебе невянущий венец,
Мы взросли, растем под песнею твоей,
Наш родимый, сладкозвучный соловей!

ПАМЯТИ М. А. ЗАГУЛЯЕВА

Мой старый друг, мой рыцарь запоздалый
В наш век промесс и незаконных рент,
Век удивительный, во многом одичалый,
По чувствам, по уму, по крови — декадент —
Ты, старый сверстник мой, дитя шестидесятых
Зиждительных годов, по сердцу нам родных,
Ты раз лишь отступил от правил в жизни взятых
И умер не́жданно, друзей не повести́х!
Жаль! Я бы шел за скорбной колесницей,
Взглянув в последний раз на милые черты...
Ты, помню я, любил кататься за границей,
И вот, товарищ, за границей ты!
Ты был упрям, и мыслью не шатался,
Ты весь свой век стоял особняком,

Внимал толпе, но с нею не братался,
И если кланялся — не стукал в землю лбом,
Твоя душа была всегда, всегда готова
Ответить на призыв всех честных голосов,
И колокольный звон в струях живого слова
Ты не подкрашивал бряцаньем бубенцов!
О! ты был горд! так горд правами чести,
Что, глядя на тебя, но мненье затая,
Я помню много раз, — скажу теперь без лести, —
Твоею гордостью, тобой гордился я!
Есть люди! думаешь... они — лучи с востока,
Блеснут в свой срок и час их недалек...
Ты был одним из них, мой рыцарь без упрека,
Баярд — внушительный от головы до ног!

* * *

Я иду куда-то вдаль.
Звучат напевы мне родные;
Один из них замолкнет — жаль!
Зато вдали звучат другие.

И я иду обворожен;
Куда иду — мне непонятно;
Звучат ручьи, есть небосклон.
И так светло, так ароматно!

Напевов — больше тут и там!
Спешу к хорошему, к родному:
К любви, блаженству, к ласке, к дому...
И — вот пришел к родным местам...

ХОР Н. В. ГОГОЛЮ
По случаю 50-летия со дня его смерти
1852–1902

1

Русских сказок мало ль, много ль!
Есть одна: в ней свет и ширь!
Это та, как жил-был Гоголь,
Из Украйны богатырь.

Вдосталь есть у нас в народе
Добрых шуток без конца;
По душе нам по природе
Правда меткого словца!

Что смешного есть подметить,
Спесь пригнуть и гордость сбить —
Значит по сердцу ответить,
Русским людям угодить.

2

Мастер был на это Гоголь.
Шел в беспутье, вдоль пути!
Русских сказок мало ль, много ль,
А подобной не найти.

В ней и солнце и морозы,
И величье властных дум,
И неведомые слезы
Сквозь веселый смех и шум.

Вот за что наш Гоголь славен!
Он велик как наш простор!

Он один, и кто с ним равен?
Честь ему! ему наш хор!

Нашему Гоголю слава!
Нашему Гоголю слава!
Нашему Гоголю слава!
Слава!

БЕЗЫМЯННЫЙ

Едет боярин на статном коне;
Едет под вечер великою степью,
Думу продумать в ее тишине
И поклониться ее благолепью!
Красен пылающий ярко закат:
Над котловинами встали туманы!
Гладь бесконечна; синея стоят
Древних могильников знаки — курганы!
В доме боярском пошли нелады:
Сердцу сдается, — не ладно с женою:
Хмурен боярин; с густой бороды
Капают слезы, одна за другою...
В доме голубчик-сынок не велик!
Чем бы не жизнь ей? — всем хата богата!
Нет еще, правда, особых улик...
И уж любил он родимого брата!..
Часто они остаются вдвоем;
Брат если дома, — жена веселеет,
Песни поются ей лучше при нем...
Взглянет, вздохнет и, как смерть, побледнеет;
Что между них, — никому невдомек,
Нет и причин, чтоб молва зашипела, —
Только боярину виден росток
Злого, дрянного, позорного дела!
Степь молчалива, и путь в ней широк;
Конь, озираясь, проходит рысцою;
Вдруг... над курганом вдали огонек, —

Вспыхнул и умер, охваченный мглою!
Может, людская душа поднялась
Вспуганной птичкой на шум верхового,
И, устремляясь к полету, зажглась
Старой печалью, злосчастьем былого!
Вот и боярин: в тоске изойдет...
Страшное горе, — уж хоть бы не это!
Ихнего ль рода не знает народ?
Мало ли песен о нем перепето?
Род не по грамоте взрос, — по себе;
В спорах бояр за места препирался;
В смутах удельных, в татарской борьбе,
В думных и ратных советах сказался!
Грозный упорных людей изводил:
Много в синодик имен их попало;
Род не по грамоте — с Рюрика жил!
Славного рода почти что не стало...

Чуется дело срамное в роду!
Светлое имя пойдет на потеху!..
Вскинулся конь! Иль почуял узду?
Дернули повод не к делу, не к спеху?
Конь по кургану идет, осерчал:
Фыркает, ржет, головою мотает;
Вот и вершина! — как вкопанный стал,
Голову свесил: идти ль? размышляет...
Всадник с коня наклонился, глядит...
«Жив человек, или мертвый ты будешь?» —
Наземь боярин сошел; говорит:
«Эй! кто таков? иль тебя не разбудишь?» —
«В смертный мой час ты пожаловал, брат! —
Голос знакомый с земли отвечает, —
Правда, люблю!.. без вины виноват...
Каюсь... туманится... жизнь погасает...
Брат?.. ты поверь... нет за нами вины...
Чтобы не быть ей, — я кончил с собою...
Так... или нет... честь родной старины?
Смерть... отпусти... Помолись надо мною!..»

Конь неподвижен вблизи седока,
Голову ну́рит, стучит удилами...
Ой! ты, — родимая степь, широка!
Много в тебе хоронилось с годами!
Степь, услыхавши признанье, молчит!
В песню не много проходит избранных!
Мало ль, кто, лучший из славных, забыт?..
Много таких на Руси... безымянных!

ЭПИГРАММЫ И ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Мы потащим снова бредень
И наловим дребедень...
Все же скажем, ночь не день,
Но никак не скажем: не́день!

* * *

Когда на царский двор с туманной головой,
Чревата бреднями, являлась часто Криднер, —
Не Николаевскою звали, а Грязно́й
Ту улицу, где днесь Случевский есть и Фидлер.

* * *

Хотелось бы мне эпитафии
Такой, чтобы с силой ратафии
Она горячила людей,
Затем, что в могиле лежание,
Изведавши существование,
Ей-богу, всего веселей!

* * *

Моя эпитафия в шелесте утра,
В созданьях живого его перламутра,
В молчании ночи и пении птицы
И в ярком споло́хе лиловой зарницы,
В рыданьи глубоком и в мысли младой...
Не шутка, подумаешь, вот я какой!

ГОСТЯМ

Я опоздаю нынче, гости!
Судьба со мной играет в кости;
Мне выкинуть пришлось 0/0;
И я от очень сильной боли,
В моей хозяйски-глупой роли
Кричу не «ут», а «фас» бемоль!

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

И снова Гейнце — столп у Комарова,
А Комаров для Гейнце — вертоград:
Да погибает девственное слово,
Да воцарится дерзкий плагиат!
И хорошо, что Гейнце догадался —
Он Ермаком свой новый труд прозвал:
Когда Ермак в Сибири пробирался,
Он тоже все, что можно, прибирал!

* * *

Он говорит, что ты дурак;
Ты отвечай, что он умен!

Признай скорей, что это так, —
И спор ваш будет заключен...

Здесь всякий дари́т только то, чем владеет,
Чего одоряемый им не имеет.

БИРЖА

На бирже коек нет,
    Ланцетов нет и пил,
И ни один хирург
    На биржу не ходил;
Но крови вволю там:
    Она, хоть не видна,
Но чуется душой
    И помыслу ясна.
На бирже так светло,
    При входе рысаки...
А там, у мутных вод
    Оранжевой реки

Сопит британский лев,
    Свои полки ведет —
И пламенем палит
    И женщин на смерть бьет!
Лев, кончив подвиг свой,
    Конечно, будет прав
Бить тех, кто не помог,
    С ближайшего начав.
На бирже так светло,
    И стонов не слыхать...
Какие рысаки!
    Какая благодать!
При чем же на войне
    И Чемберлен и Родс?
И биржа тут при чем?
    Вот-с!

* * *

В армяке, с открытым воротом,
В думу входит дядя Влас —
Просит... а Лелянов: «голоса»,
Говорит, «лишаю вас!».

* * *

Одиннадцать часов!
Ни лиц, ни голосов!
Знать, взятые измором,
Молчат поэты хором...

* * *

В свой срок Бао́дин не изре́к ли,
Чтобы детей почаще се́кли;
Вас мало се́кли, Аполлоний,
Во избежанье какофоний!
И вы на все лады упрямы;
Упрямства в вас не ноты — гаммы.
Когда в вас ветры забушуют
И музыкальный стих срифмуют
И вы откроете свой рот —
Сам Вий придет и скажет: «Вот!»

* * *

Я не могу не падать ниц
Перед значеньем единиц.
Все в мире шквал или волна —
Завершена она одна.
Счастливей в жизни всех других
Тот, кто постиг значенье их.

В них счастье, счастье без границ...
Лови побольше единиц.

* * *

Раз задумал некий атом:
Станем Геростратом!
Станем хоть на час Калиф — мы
Умертвим все рифмы!
Рифмы смерти не желают
И свистят, и лают
И от боли, от уколов
Жаждут протоколов!
Протоколы те составят
В окружной направят
В зале «pas perdus» порыщут
Адвоката свищут
Андреевского, конечно...
        Будет рад сердечно!

ПОЭМА
И ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНА

ОН И ОНА
Реальные фантазии

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Как вы пестры, былые годы!
Ты, сонм умчавшихся веков, —
И в проявлениях природы,
И в красках чувства и умов!
Какая спутанность стремлений
И неоглядность их причин!
Темнеет изверг, блещет гений
При свете солнца — иль лучин!
Какая смесь бытописаний
Чудесных дней и непогод,
Архитектур и одеяний,
И безобразий, и красот...
Но нет таких страниц былого,
И не рождалась та страна,
Где б не звучали вечно ново,
Поверх всего: Он и Она!

В тепле едва возникших взморий,
Вдоль края первых ледников,
В живом деленьи инфузорий,
В тычинках, в пестиках цветков,
И в воркованьи голубицы,
И в яркой трели соловья —
Звучат начальные страницы
Их рокового бытия!
Поздней, без них нет сочетаний,
Нет смысла в жизни на земле,
Как нет границы для мечтаний,
Нет искр в погаснувшей золе!
И только в гибели творенья,
В последний час последних дней,
Судьба погибнуть без значенья,
Пропасть — Ему и сгинуть — Ей!..

II

Из блестящих струй потока
Поднимается осока,
        И река дает изгиб;
Птицы трепетно летают,
В воду крылья окунают,
        И блистают плавни рыб...
О, томленье ожиданья!
Ждет Он! Острого вниманья
        Не осилить, не унять...
Все Он видел, все заметил...
Чу! как будто кто ответил?
        Долго ль ждать и только ждать?
Ведь вчера, еще недавно,
Так нежданно — своенравно
        Появилась вдруг Она —
И чрез несколько мгновений
Чашу жгучих наслаждений
        С Нею выпил Он до дна!

И теперь, как одержимый,
Страстью свежею палимый,
        Ожидает Он опять!
От вчерашнего заката
Вкруг трава еще примята,
        Не успела за ночь встать!
Тот же куст листвы сквозящей,
Тот же шум реки гудящей,
        Те же вкруг него цветы,
Та же на́ сердце истома.
Мысль к одной лишь Ей влекома,
        То же все... но где же Ты?

III

Мгновенье... и Она ласкает!
Откуда! вдруг!.. мутится взгляд!
Лицо счастливца обвивает
Уст полувскрытых аромат,
И сладко жмет кольцо объятий...
Роскошный стан... волна кудрей...
И поцелуи без изъятий
Для плеч, для груди, для очей...
Опять, опять не нужно слова...
Глаза ее полуглядят...
Чаруй, чаруй! душа готова
В твоих лобзаньях выпить яд!
Ты мне струя прохладной влаги
Среди пылающих степей...
Полны фантазий и отваги
Безумья страстности твоей!
Все нипочем! моя Астарта —
Что нам весь мир, что козни зла?
На все поставленная карта
На этот раз опять взяла...

IV

Кто Ты? Царица ли Востока,
Или Гетера из Афин,
Иль падший ангел, дщерь порока,
Или одна из Мелюзин?
Быть может, Ты совсем иная?
Тигрица грозных баррикад,
Живой фарфор — цветок Китая,
Или из племени Наяд?
Не всё ль равно? В груди высокой
Всё обаянье красоты,
Уста горят, взгляд с поволокой
И тонки, розовы персты;
И страсти жгучие порывы
Все, все — Ему лишь одному...

Кто Он? Черты его красивы,
И песнь любви под стать Ему...
Кто Он? Скиталец ли, искавший
Для тирских женщин янтаря;
Монах ли, в полночи бежавший
Из скучных стен монастыря?
Быть может, рыцарь Аскалона,
Иль гость ночного шабаша́,
Иль отщепенец вне закона,
Иль, просто, добрая душа?
Не все ль равно? Силен и ярок,
Случайной встречи мощный жрец,
Воспринял Он судьбы подарок
И отдался судьбе в конец...

V

Они — в развалине. Какая красота!
Здесь смерть творит, здесь зиждет разрушенье!

Здесь злого времени холодные уста
Для новой жизни пробуждают тленье.
Здесь чьи-то замыслы давно сокрушены,
Затем чтоб новый мир возник и проявился,
И шелковые мхи прилежно взращены,
Чтоб мягче солнца луч в подушки их ложился.
Здесь властно и давно возникла тишина,
Избравши уголок счастливого покоя...
Мечтая, Он сидит. А рядом с ним Она
Склонилась над плечом так близко, близко сто́я...
Охваченный мечтой, Он духом отдыхал,
Свой взгляд задумчивый куда-то устремляя,
И веянья мечты, как сотни опахал,
Его баюкали, щадя и усыпляя!
«Что ж Ты молчишь? Не близко разве Я?»
Он слышит над собой... И, страстно припадая,
Вся льнет Она к нему, как к камням льнет змея,
Из холода теней на свет переползая...
И снова, снова страсть безумная кипит...
Что жизнь, что прошлое, что бред, что преступленье...
Кругом развалины! и смерть из них глядит,
Как бы приветствуя восторги исступленья.

VI

Вне времени и вне пространств,
Тиранством выше всех тиранств
На ночи долгие и дни
До срока связаны Они.
Как, где, зачем? Не все ль равно!
Одеты ль в шелк, иль в полотно?
Живут ли в шуме городов,
Иль в замке, полном тайников,
Иль мчатся, раздразнив коней,
В песках пылающих степей,
Иль в полнолунье, в лад струе,
Плывут качаясь на ладье,

В былые дни, иль в наши дни?..
Что ни скажи, как ни взгляни,
В лачуге ль, в мраморе дворца —
Все тот же цвет дают сердца...
Жизнь — оболочка, пелена,
Бессмертны в них — Он и Она!

VII

Уж который день кропит с небес дождем.
«Ляжем спать, Мой милый, и под дождь заснем, —
Говорит Она, к груди Его припав,
Говорит Ему, — Мой милый, Ты не прав!
Если хочешь, Мы умчимся далеко!
Будет весело, как прежде, и легко!
Только год один, один лишь год прошел,
Ты, желанный друг Мой, как цветок отцвел.
Уж Моя ль не та, что прежде, красота,
Грудь спокойней стала, холодней уста?
Ты взгляни, смотри — Я дивно хороша,
Ты души все просишь — телом Я душа!
Я порочна, Я преступна для Тебя,
Я люблю Тебя и Я умру любя,
Все Мои желанья, всю Мою красу
Я к ногам Твоим, как скудный дар, несу...»
Зазвучал за поцелуем поцелуй,
Будто много ли́лось серебристых струй,
И ответил Он на женственный призыв,
В пробужденной страсти грозен и красив...

VIII

Спустилась ночь. Темнеют горы.
Из-за скалистого гребня,
Над ним, свой бледный лик склоня,
Луна глядит на косогоры.

С полей струится аромат,
Тиха вечерняя прохлада;
От тихо дремлющего стада
Вдали бубенчики звенят.
Стволы густого леса гулки,
Нетопыри вокруг снуют...
Он и Она с ночной прогулки
Домой, усталые, идут.

Она
Что ж Ты молчишь? Молчишь так странно?

Он
О чем с Тобой мне говорить?
Ты так задумчива, туманна!

Она
Иль — не умею я любить?

Он
Любовь без мысли — бездыханна.

Она
Зачем Мне мысль? Вся мысль Моя
В том, что Ты мой, а Я — Твоя,
И разве в том не все?

Он
Нет! мало!
Чуть страсть исполнила свое —
И тело нам блаженство да́ло
Иное нужно бытие...

Она
Устал Ты, вижу Я, с прогулки...
Мы путь до дома сократим,
Пройдем сторонкой, в переулки,
А, если хочешь, посидим?

В ответ Он крепко сжал Ей руку,
Ускорил шаг, улыбку скрыл,
И подступавшую разлуку
В Своем пожатьи ощутил.

IX

Льются песни! шумны пляски!
Веселится молодежь!
Сбиты ленты и повязки, —
Тех, что пляшут, не уймешь!
И пришел на сельский праздник,
Ближних замков властелин,
Старый баловень-проказник
По прозванью — Паладин.
Он пред женщинами млеет;
Не страшась жены своей,
Любит их. В числе гостей
С ним и Он... Она — болеет
И на праздник не пошла,
То говорит, холодеет.
Врач при Ней! занемогла...
Позабыв Свою больную,
Он что солнце просиял!
Паладиншу молодую
Всей душой облюбовал!
Старый муж не помешает,
Сам он падок до красы;
Если чаша вкруг гуляет —
Любит смачивать усы!
Ну их, женины успехи,
Мыслит старый Паладин, —
Пусть позорят злые смехи
Серебро моих седин!..
Этих мыслей Паладина
Он не ведал и не знал!

Страсти быстрого почина
Наслажденье Он впивал;
Сердца пылкое стремленье,
Похожденья новизна...
И возможно ль тут сравненье:
Паладинша и Она!
В этой — ум, живое слово!
Этих женщин не сравнить.
Не ошибся Он! Готова,
Говорит она — любить!
И под шум веселых плясок
О любви их речь идет...
На счастливцев много красок
Солнце, спать идя, кладет.
Ночь сошла для вдохновений,
Все огни свои зажгла
И потоки уверений
Новой страсти приняла...

X

Дома болезнь — а Ему что за дело...
        Дома тоска и печаль!..
Бедное сердце Ее наболело;
        Вчуже покинутой жаль...
Вышел четвертый черед новолунью —
        Дома его не найти...
Мыслит Она: не позвать ли колдунью
        Горе свое отвести?
Юноша-врач что ни день посещает,
        Скромен, недурен собой;
Дольше, чем нужно, руки не снимает,
        Сердца исследуя бой!
Врач! исцелись и беги увлеченья
        Силой вещей роковой;
Ты удлиняешь часы посещенья,
        Близишься сердцем к больной!

«Сердцу молчать, все молчать непригоже, —
Вздумал Ей врач прошептать, —
Ваших страданий священное ложе
Дайте мне храмом признать!
Если когда, о! позвольте мне верить,
Нужен Вам верный слуга —
Я — Ваш слуга... к Вам любви не измерить,
Ею мне жизнь дорога!
Вам моя юность! завет изрекая —
Не обману никогда...» —
Слышит ответ он: «Ведь Я не живая,
Падшая с неба звезда!
Что вам во Мне? Как люблю, как любила,
Этого вам не понять...
Силы мне дайте! Страшна мне могила:
Думаю — матерью стать...
Вам никогда, никакою ценою
Душу мою не купить...
Нет, проходите, — пройдя стороною,
Можете счастливым быть...»

XI

Ночь летняя, душистая
Идет своим путем,
И неба синь лучистая
Раскинулась шатром.
Вернувшись со свидания
И страстью утомлен,
Как будто в знак внимания,
К больной заходит Он.
Она молчит, измучена;
Что Ей такой приход?
Грусть дней последних скучена...
Ведь Он совсем не тот:
Во след виденья яркого
И мысли огневой,

Покровы ложа жаркого
        Вдруг сбросивши долой,
Встает Она! пришедшего —
        Привлекши, обняла...
Вся в прелести прошедшего,
        Помята, но светла...
«Постой! постой! сегодня Я
        Так нездоров, устал;
Боль сердца прошлогодняя
        Томит — Он ей сказал. —
«Ты только ищешь случая?
        Но страсть Тебе вредна!»
Вся трепетная, жгучая
        Ответ дает Она:
«Узнай, что не ко времени
        Дитя я зачала,
Дитя дурного племени...
        Ты лгал, — Я не лгала!»

XII

Куда-то вдаль на месяц целый
С женой уехал Паладин;
Позвал их брат осиротелый,
По смерти жениной. Один,
Без милой женщины тоскуя,
И дни, и ночи, одинок,
Он любит, сиротство́ врачуя,
Ходить в ущелье, где поток
Так часто звонкою волною
Их поцелуи заглушал;
Ходить в ту рощу под горою,
Где соловей близ них трещал;
Ходить везде, где с ней бывали...
Но только нет ее при Нем!
И Он в беспомощной печали
Объят каким-то забытьем!

И только изредка, порою,
Случайно вспомнив, рад тому,
Что с Тою, с прежнею, с другою
Любезный врач — в Его дому.
А вот и та скала седая,
Что может обликом пугать!
Здесь, с Паладиншею гуляя,
Не удалось им побывать.
С каким-то чувством омерзенья,
Как бы боясь враждебных сил,
К скале, во мрак уединенья,
Она не шла — как ни просил.
«Здесь брат убит был», — говорила
И злое место обходила.
Печален этот угол был...
Звезд в небе искрилось так много,
Что незнакомая дорога
Была, как в ясный день, видна;
Путь — на подъем; проход все у́же,
Быльем порос по сторонам...
Вдруг — голоса! но почему же
Не раздаваться голосам?
Их сколько? Два! и между ними,
Ему ли голос не признать,
Она, та, что теперь с родными
Вдали, чтоб брата утешать!
Она, она! тут нет сомненья...
Как бесконечно весел смех...
Он — стал как мертвый, без движенья,
Весь слух... могуч и зол, как грех!

XIII

Из-за темных ветвей
Смех все ярче, смелей,
        И звучат поцелуи порою!
Жгут как клейма слова!

Здесь всего — шага два...
        Задушил бы его под собою...

П а л а д и н ш а
Он поверил легко!
Я теперь далеко,
        Схоронить небывалого брата...

Н е и з в е с т н ы й
Мы, мужчины, смешны
В этом вам не равны,
        Ваша мысль ухищреньем богата!

П а л а д и н ш а
Он не крепок умом:
Бросил женщину, дом...
        Да и ты, милый мой, сделал то же!

Н е и з в е с т н ы й
Ты мне жизнь, ты мне свет,
Без тебя счастья нет —
        Всей семьи моей ты мне дороже!

Слышал Он... В сердце — ад!
Поцелуи звучат...
        Замолкают как будто, не слышно...
Неизвестный злодей!
Горе страсти твоей,
        Воспылавшей так ярко, так пышно!
Как средь южных лесов
Со отененных суков,
        Видя жертвы, стремятся пантеры
И бросаются вниз,
Если жертвы нашлись,
        И скачков их рассчитаны меры —
Так же бросился Он,
Он, оружья лишен,
        Словно чуя Себя бестелесным,

Мерит силу Свою
В рукопашном бою,
        В дикой схватке с врагом неизвестным!
Слышал в крике ее
Будто имя Свое,
        И почувствовал руки стальные...
Нож ударил в плечо...
Больно так, горячо...
        Очи видел Он яркие, злые...

И за этим вослед ничего не видал,
Только смутно почувствовал, как Он упал,
        Как вокруг Него все зеленело,
Все погасло... Поспешно те оба ушли...
Вдоль потоптанной в яростной схватке земли
        Почивало недвижное тело!

XIV

Кипучих радостей поток
Бежит по сердцу не глубок;
Людского сердца глубины
Для долгой грусти созданы!
Не на поверхности души
Растут — но в тайниках, в тиши,
И все алхимики земли
В свои составы не ввели,
В одно питье, в единый сплав,
Стольких снадобий и отрав,
Как те причины — из каких
Встают решенья дел людских...
Добро и зло, и мрак и свет,
Минуты счастья, годы бед,
Месть, гордость, зависть, клевета,
Сомненье, хитрость, плач, мечта,
Свой голос, голоса других,
И шепот дум заповедны́х,

Все это вместе, заодно,
Влекут к деянью... решено!
Ты будешь сделан, страшный шаг!
Ты сам себе, безумец, враг!
И человек, что в час ночной
Безумец движимый луной!
Мы ближе к крови, зауряд,
Чем думают и говорят.
Как Он беспомощный лежал,
Как долго кровью истекал;
Как черный ворон, прилетев,
В листву густую подле сев,
Высматривал; как найден Он
Детьми и как домой снесен;
Как долго Он затем болел,
Безумствовал, жить не хотел;
Какой уход имел в дому;
Какою нежностью к Нему
Она, болевшая, влеклась!
Так, между ветками, виясь
Спокойный теплый ветерок
Спешит согреть любой листок,
Ласкает, сказки говорит...
Но шума нет, листва молчит!
Не этот нужен ветер ей,
Чтоб пробудить игру ветвей...
Он размышлял еще в бреду:
«Здесь Мне не место! прочь пойду;
Что будет — вижу Я насквозь!
Но Ты-то сгинь, исчезни, брось —
Докучная! возьми скорей
Наилучшего из всех врачей...
Темно... не вижу Я ни зги!
В глазах какие-то круги...
Удар ножа! Какая боль!..
Глаза — два угля! Что?! Король?!
Я в складках мантии его
Вас задушу! Пускай мертво́

Все будет... пусть растет трава
Где сердце было, голова...
Вот поле смерти! ряд борозд...
Над ними ливень ярких звезд
Прошел, и звезды из земли
Пошли! Цветут! И Мы цвели...
Вдруг — ветер! звезды погасил,
Сорвал цветы, их всех скосил...
Два сердца — у Меня в груди
О! пожалей и не буди...»

XV

Если б тонущему в море,
        Уходящему на дно
С темной зеленью во взоре
        Было выплыть суждено;
Если б вдруг пришло спасенье!
        Ухватиться, снова жить,
Ощутить опять движенье
        Силу воли ощутить...
Так и с Ним... Из клокотанья
        Мыслей верх одна взяла:
Вера в силу, в мощь скитанья!..
        Быть без крова, без угла,
Без надежд и без упреков
        Скучной совести своей,
Вне заветов, вне уроков
        Завершенных в жизни дней,
Все порвать без сожаленья,
        Сбросить все! не признавать
Ничего! быть вне сомненья,
        Отрешиться и искать...
Бросил Он Свое былое,
        В этой мысли обретя
Отпущенье временное;
        Бросил Он свое дитя;

Бросил Он Ее, больную,
Подле юного врача;
Бросил также ту, другую...
Рану тяжкую плеча
Залечив и удаляясь
Ночью, людям невдогад,
Шел, той мыслью утешаясь,
Что влюбленный врач богат,
Ласков с Нею, благороден,
Счастье их не далеко...
Но зато и Он свободен,
Мир широк, в душе легко!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

XVI

Гудела дальняя война.
Зажглась какая-то страна
Огнем страстей,
И рядом с ней в стране другой
Вспылали страсти, рвались в бой
Навстречу ей.
В обеих правды не сыскать!
Умели обе умирать,
И их вожди,
Чтоб войску быть не без вождей,
В час битвы, двигая людей,
Шли позади.
Все верили в свой идеал,
Что их на битву Бог послал,
Что так должно́...
И много подвигов живых,
Людьми свершенных в битвах злых,
Схоронено!

Кому-то ставились на счет
Не сотни — тысячи сирот,
        И много вдов...
Людских молитв живой поток
Воспособлял, насколько мог,
        Смертям бойцов.
Вослед иззубренным клинкам
И обагренным лезвиям,
        Как маки в ржи,
Блистали в опытных руках
На перевязках, на кошмах,
        Опять ножи...
Плоды копейки трудовой
Всех сбережений — шли водой
        На решето;
И к небу поднимался стон
И день и ночь, со всех сторон...
        К чему? за что?
Быв чужд обеим наравне,
Пристал к одной Он стороне.
        Безумно смел,
Людских Он жизней не щадил,
Дружины грозные водил
        По грудам тел!
Всегда ужасен был и нем
Пришлец неведомый никем
        Чужой земли!
Росли о Нем не по часам
Сказанья — близки к чудесам
        И в жизнь пошли.
И Он, безумный, доказал,
Что никогда не умирал
        Тот Минотавр,
Что пожирал людей! Ему
Хваленья в жертвенном дыму,
        И мир, и лавр...

И побеждала сторона...
Стихала страшная война,
        Был близок мир;
Склонились во главе рабов
Носители пяти венцов,
        Пяти порфир!
К триумфам шумным вслед войне
Готовились по всей стране;
        Час наступал...
Всю ночь девицы той земли
Гирлянды и венки плели...
        Вдруг — Он пропал...
И загорелась вновь война,
Вновь кровью облилась страна,
        Вновь вопль и крик;
Венцы, поверженные в прах,
Явились вновь на головах
        Своих владык...
А Он, причина новых бед?
Ему анафему вослед
        Изрек народ.
И клир духовный возвестил,
Чтоб проклинаем беглый был
        Из года в год!
Чтоб навсегда, для всех времен
Проклятый, Он, был заклеймен
        Как бы чумной!
Чтоб в язвах стыд свой обнажал
И чтобы сна не обретал
        И под землей...
По счастью, заклинанья те
Остались чужды красоте
        Судеб земли:
Цветы, как прежде, аромат
Струили, и пылал закат,
        И тучи шли...

XVII

И снова — даль! и мчится время...
Еще один проходит год!
Он видел то и это племя,
Струи тех или этих вод...
И вот, пришел Он на завод.
Завод! свой мир, своя природа.
Гудит могучий маховик,
Он здравый смысл, он — ум завода,
Ведет «всяк сущий в нем язык».
Здесь по чугунным ходят плитам,
Их в сотню лет не истоптать;
Здесь царство то́кам и магнитам,
Здесь никому, нигде не спать.
Гудят железные колеса,
Стучат, свистят валы машин;
Вода — бегущая из плеса —
Питает несколько турбин;
Здесь режут сталь; она огнями
Потоки красных искр струит,
И, потрясаем молотами,
Звучит разбуженный гранит;
Здесь, дни и ночи, в блеске алом
С расчетом нескольких минут,
Ковши с растопленным металлом
Высо́ко в воздухе плывут...
На склоне день. Тиха природа.
Рабочий, Он, идет гулять;
И с ним попутчица с завода —
Сама идет — не нужно звать!
Говорит Ему: «Ну, ладно!
Сядем здесь, пока светло!
В жаркий день со мной прохладно,
А в холодный день — тепло...
Отчего Ты так печален,
Так угрюм и зол на вид...
Лучших нет опочивален

Этой, что к себе мани́т!
Лес, ковер травы, свобода...
Не доносится сюда
Грохот с нашего завода!
Тут чиста в реке вода,
Струйки труб не проходили;
Дыма нет на синеве
Неба; не глотаешь пыли,
Нет и копоти в листве!
Завтра нет у нас работы
И к заводу вход закрыт!
Выпьем! Глянь: вино блестит!
Послезавтра вновь по сменам,
Будем спины наши гнуть,
Прислоняться к голым стенам,
Если нужно отдохнуть.
Я была в свой срок богата...
Мой отец преступен был!
Он убил родного брата,
Сжег завод, меня... сгубил!
Выпей с девушкой продажной!
Злы глаза Твои! Черты
Хмуры, горды, с думой важной...
Полководец, что ли, Ты?»

Он
Был таким.

Девушка
                    У нас здесь проще!
Слушай Ты, чему, как быть:
Послезавтра, в этой роще
В ночь хозяина убить!
Он с заводского собранья
Возвращаться будет тут.

Он
Кто решил? Чьи приказанья?

Девушка
Много денег повезут...
Ты у нас стрелок отличный,
Ты прослыл у нас стрелком!
Жребий выпал Твой; привычный
В этих случаях прием.

Он
Мне? Убить!

Девушка
                    Перерешенье
Невозможно!

                    По свистку,
Тем словам на подкрепленье
Вышли трое. На боку
Шапки их; в глазах веселье,
Разудалое житье!
Видно, лакомое зелье
С ними сделало свое...

Девушка
Что ж? Идешь?

Он
                    Пожалуй... Только
Я просил бы вас сказать:
Денег надобно вам сколько,
Чтобы Мне не убивать?

Девушка
Ха, ха, ха! Их столько надо,
Чтобы нам завод купить!

Он
Ладно! Знаю место клада
И могу его добыть!

Девушка
Шутишь ты?

Он
Нет! В полночь ровно
Деньги будут тут лежать.

Девушка
Поклянись!..

Он
Беспрекословно!

Девушка
Но, смотри, не выдавать!
Не потерпим мы доноса;
Нас, виновных, не найдешь
Для судейского допроса,
Ну, а Ты, поверь, умрешь!

XVIII

Искрился запад и быстро погас;
Деньги лежали в назначенный час.
Сделана сделка и куплен завод.
Начал хозяйничать черный народ;
Вскинулись пламенем страсти людей;
Много родилось в них новых страстей;
Месяц один не успел миновать,
Начали люди людей угнетать...
Ходят машины, гудит маховик;
Злобствует смазчик, сердит истопник,
Слабый слабеет, а сильный силен,
Тот слабоумен, а этот — умен;
Люди конторы и люди пера
Ближе к хозяйству и к счету добра.

Злоба и зависть, притворство и лень
Быстро плодятся вокруг, что ни день.
Скоро убийства, отравы пошли:
Тут изувечили, там извели...
Блудному сыну богатство не впрок!
Кто-то товарные склады поджог.
Страшная ночь на завод снизошла:
Весь погорел без остатка, дотла!
Прочные крыши пожар обвалил,
Связи железные стен обнажил;
Сдвинул обвалом стены паровик
С прочных гранитных устоев поник;
Согнуты стержни машин до земли...
Пó миру люди завода пошли;
Все опустело... Остались кругом
Черные шлаки, с золой и песком...
Мертвые горы! Людское жилье
Будто сдавили! На них и былье
Жалкого семени корня не даст...
Птица не сядет! Безжизненный пласт!
Все разрастался он и́з года в год...
Признак, что жил тут богатый завод!
Время придет, изнуренной земле
Также погибнуть, в песках и в золе...
Как это сталось: пожар и погром,
Как это сгинуло все нипочем,
Как затерялся невидимо Он,
Тот, кем в ночи капитал принесен —
Некому вспомнить и некому знать!
Стали бы люди Его проклинать,
Стали б приискивать, как извести —
Если б могли Его только найти...
Нет, не найдут! Он незрим, невесом
Шествует в горе-злочастьи своем,
Всюду, всегда — никогда и нигде —
Буйная струйка в текучей воде!

XIX

Нет! Не отродье сатанинское,
Не яд чумной —
Но пожеланье исполинское
В груди людской —
Вот горе в чем! Грудь — место малое!
Где места взять?
Бежать в нелепость, в небывалое —
Себя бежать...
Не помешать весенним таяньям
Льды сокрушить,
Не возбранить душевным чаяньям
Ум помутить...
И Он стремился в неизвестное;
В Его путях
Давало знать себя чудесное.
В густых сетях
Своих же дум, Он счел свободою
Покорность снам,
Игру, терпимую природою
Тут или там...
Он обошел пути далекие,
Простор степей;
Он видел идолы стоокие —
И без очей;
Он видел храмы, возникавшие —
Как свет зари;
И храмы мертвые, упавшие
В прах алтари;
Он совершал труды отшельника
В мольбе, в постах,
Питался диким медом пчельника
В глухих тайгах;
То в этом, то в другом обличии,
Живой Протей,
Казнился Он в своем величии,
Как Прометей.

XX

И вот святилище науки;
Коллегия умов... звезда!
Едва доходят к ней сюда
Обычной жизни треск и звуки.
Под голоса профессоров
На свет рождаются записки;
Юрист, лингвист и теософ
Равно к сосцам науки близки.
Бессчетных мудростей концы,
Науки лысые отцы
Сплетают в хитрые узоры.
Им недра раскрывают горы;
Им обнажился океан;
Для них амебы, зооспоры,
И каждый атом, что титан,
Весь ясно виден, весь понятен;
Природы голос им так внятен,
Так важен их научный чин,
Что мысль их все одолевает
И скромно недоумевает,
Теряя дерзостный почин,
Лишь над «причиною причин»...
Тут в сферах важных умозрений,
И удивительных прозрений,
Людского духа тайники
Открыты, как ладонь руки;
Профессорам все тайны ясны,
Их толкованья велегласны
И мерить душу на вершки!
И только изредка, порою,
Качая мудрой головою,
Профессор к слову, как-нибудь,
Промолвит с кафедры высокой,
Что сам он в мудрости стоокой
Не одолел лишь «сутей суть».

Здесь, с окончанием ученья,
Толпами люди в жизнь идут,
С собой уверенность несут,
Что им с руки все назначенья,
И размножают жизни их
Степную флору душ людских...

XXI

Не то, не то! Скорей в дорогу...
Мертва науки тишина!
Помочь наука не властна́!
Скорей в борьбу, в огонь, в тревогу!
Пусть жизни бурная волна
Крушит... пускай в конец ломает;
Жизнь — ад! в ней вечно цербер лает!
В свою утробу уходя,
Глазами жгучими глядя,
Он из нее рычит — проклятый...
Но все же: с ним бороться — цель!
Не хватит сил — поможет хмель!
Кто счастлив? Пьяница завзятый:
Особый взгляд, особый ум...
И Он быть пьяным покушался
И на попойках напивался.
Носил Он кличку «толстосум»;
Стал богом барышень кофейных,
Любимцем жен профессоров.

XXII

В тех странах умных и затейных
Обычай старый был таков,
Что к представителям народа,
В обычный срок, к началу года,

К тем, кто страною управлял, —
Сторожевого депутата,
Такого, в ком ума палата —
И храм науки посылал.
И Он, соперников не зная,
Единогласно избран был;
Так нужно, так синклит решил,
Ему судьбы страны вверяя.
Меж представителей страны
Сильней других две стороны:
Везде, всегда, во всех церквах
Молиться о людских грехах;
Смеяться истинам наук,
И воскресить колчан и лук
Взамен картечниц и торпед;
Подслушать, что сказал сосед;
Гнать ненавистную печать,
В кликушах видеть благодать,
Признать, что можно честно лгать
И что, порой, себя продать
Заслуга, данный Богом крест!
Что, в деле мысли, быть без мест
Достоинство; что обмануть
С тем, чтоб вести на верный путь
Необходимо иногда;
Что грех с расчетом — не беда,
Что жажда воли — глупый пуф,
И что Молчалин и Тартюф
Найлучшие из образцов
Желанных, как они, борцов...
Одной из сильных двух сторон.
Другая, их исконный враг,
Совсем другой имела стяг!
Все осмеять! Не дорожить
Тем, что привыкли люди чтить;
Чем жизнь сильна — все сокрушать,
Признать ничем отца и мать;

Вступив со всем прошедшим в спор,
Идти с улыбкой на позор,
И, если надобно, в пути
Себя на жертву принести;
Все освященное — проклясть;
Забрав путем насилья власть,
Всех, кто чужой, уничтожать;
Срыть храмы, отравить печать;
Набрать в конец из словарей
Слова: «имущество», «процент»,
Все роды и все виды «рент»!
На крови множества людей
Поставить фетишизм идей,
И взять себе за образец,
Чем Торквемада был и Рец —
Вот катехизис, вот закон
Другой из сильных двух сторон.

XXIII

На подушках бархатных и мягких,
В чудном зале, с множеством колонн,
Восседают сотни депутатов,
И на свет рождается закон.
Тут и Он. Сосредоточен, сдержан,
Молчалив, не хочет говорить,
Но следит с вниманием глубоким
Важных прений пурпурную нить.
Нить, порою, вовсе исчезает
В шуме свалки всяких голосов;
Разобраться трудно, невозможно...
Прозвонило несколько звонков!
Не унять! Идут на приступ страсти!
Заменяют речи — кулаки,
Раздаются звонкие удары,
Рвутся бороды на мелкие клочки!

Наконец, пошло голосованье...
Он, священным ужасом объят,
Ясно видит и Себе не верит,
Что в решеньи заодно стоят
Те враги исконные и злые,
У которых капли сходства нет,
Для того, чтоб в корне уничтожить
Тех, кто к ним не ходит на совет...
Заодно и вера, и безверье!
Заодно и мысль, и благодать!..
Неподвижны и молчат колонны;
Нет Сампсона их поколебать!
В глубине души своей обижен
Он молчит, Себя не сознает,
И под свист и треск голосованья,
Своего решенья не дает...
Сокрушенно, трепетно, постыдно,
Пробираясь молча, стороной,
Он уходит, ощутив впервые
Безысходность юдоли земной!

XXIV

Куда ж теперь? Где новый путь?
Куда взглянуть, где отдохнуть?
В каких громах, в какой тиши,
Чем успокоить глубь души?
Быть может, там, во тьме ночной,
Где собрался людей отстой,
Где, тайный обретя приют,
Подонки общества живут?
Там, где отверженность видна,
Бессовестно обнажена
В своих деяньях; где разврат
С потерей сил, молчит — богат
Болезнями, в виду могил;
Где вырожденья всяких сил

Видны; где каторжник найдет
Друзей, пропащий свой народ;
Где дети, старцы, молодежь
На всякий случай прячут нож;
Где иногда, убийству вслед,
Богат обильем яств обед
И потешает пьяный сброд
Хор ведьм бездетных и сирот;
Где есть любезность, и порой
Пахучей теплою водой
Отводных труб мануфактур
Полощут тряпки... балагур —
Ночлежник бабе за мытье
Объятье грубое свое
Раскроет и к груди прижмет
И тут же, тотчас, на смерть бьет...
Где, так порою говорят,
И в гнили искры чувств горят
И не теряют до конца
Подобья Божьего лица.

XXV

Зима. Вертеп. Под мостовой
В подвале — гул. Отогреваясь
Соседней теплою стеной,
Лежат ночлежники. Порой,
Сквозь сон, с похмелья огрызаясь,
Рычат... глубокий, тяжкий храп
Разносится. Ночник в тревоге
Коптит — и трепетен, и слаб...
Затылки, туловища, ноги,
Лохмотья... Сумрачен ночник;
Он к виду этому привык
И, честно споря с темнотою,
Упрямец по подвалу шлет
Румянца бледного налет.

А Он? Объятый полутьмою,
Не спит и видит пред собою
Бок о бок женские черты;
И смутный облик шевельнулся,
Открыл глаза... Он отшатнулся!

Девушка
Стрелок любезный! Это Ты?
У нас! Ты — покупщик завода!
Давно ли, кажется, три года,
Как Ты исчез, красавец мой,
Здорово! Ты мне не чужой...

Он
Да, не чужой! А где же парни,
Те волки лютые овчарни,
Твои друзья?..

Девушка
Чорт знает где! —
Когда живут, так по нужде.
А Ты?

Он
Мое иное дело...
Не выгорело, хоть горело...

Девушка
Попался? В чем? Видать, что так!
За что же? Говори, чудак!
Чего скрывать! Здесь не скрывают!
Вот хоть бы я! Все это знают,
Чем промышляем, чем живем!
Я извожу детей живьем...

Он
Детей!

Девушка

Попалась я недавно!
Пощады нет нам от судей!
Достойны всех похвал, ей-ей!
Казнят попавшихся исправно...
Бежать пришлось... А Ты как жил?

Он

Я — хуже! Я дитя родное
Свое, Свое дитя убил...
Я — мать убил... Я все живое
В проклятом сердце сокрушил,
Я — хуже всех, кто здесь под сводом
В лохмотьях с холода дрожат!
Я был красавцем — стал уродом!
В груди ношу Я целый ад...
Я задушить тебя способен...
Я зверь, хоть человек на вид...

Девушка

Го, го! Ты не на шутку злобен?
Смотри: разбудишь тех, кто спит!

Он

Что мне до всех! Я задыхаюсь...
Не удержусь Я от греха!..

Девушка

Меня убьешь Ты? Ха, ха, ха!

Услышали. Подвал проснулся.
Тяжелый воздух всколыхнулся,
И с ночника упал нагар,
И свет сильней, чем прежде, хлынул
И стены будто бы раздвинул
Вдоль затрещавших всюду нар.
Какие лица обступили,
С какою бранью голосили,

Он еле-еле различал!
Вокруг Него глаза сверкали,
Отвсюду люди напирали,
Он перед ними отступал...
— «Вон, вон Его...»

Он очутился
За вхóдной дверью! Отрезвился
И слышит: «Чтоб Он проклят был,
Отродье! Дьявол! Дверь открыли,
В тепло мороза напустили —
Кукушка! Знать, гнезда не вил!»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

XXVI

Природа-мать! во дни печали
На грудь твою, сквозь тьму и шум,
Как много люди возлагали
Своих глубоко-тяжких дум!
Ты нас непрошено рождаешь,
Ты нам так много обещаешь
И в должный час приемлешь ты,
Как наши первые желанья,
Так и последние мечты!
К тебе, алкая утешенья,
Стремится скорбный дух людской —
Он ищет удовлетворенья, —
Находит изредка покой!
Покой... Но это — много, много!
Трудна тяжелая дорога;
И хоть минуту отдохнуть —
Ведь это все же что-нибудь...

XXVII

Лодку уставив в кусты, Он дремал;
Близко к осоке лицо Его; нежной прохладой
Стебли полны; на щеке Он ее ощущал,
Словно ласкаемый доброю милой наядой.
Скромно затеплился луч первой, яркой звезды...
Грезы забытые... прежние жизни улыбки...
Он сквозь дремоту глядит, как по лону воды,
Спать собираясь и мошку ловя, скачут рыбки...
В грезе ли скачут они, сквозь нее золотясь?
Греза ли явью становится — не различает...
Полная смесь представлений! Чудесная связь!
Нет, не осока Его, — но другой кто ласкает...
Тихая, кроткая, нежная прежняя — ты!..
Только туманятся чем-то черты дорогие!
О, успокойтесь и дайте словить вас, черты...
Грезы безумные, ткани мечты золотые...
Ты постарела, конечно, не молод и Я!
Всем обладать, все иметь для себя — невозможно!
Вот что осока ласкает теперь и струя
Ластится, это — Мое, это вовсе не ложно!
Это — Мое! знать минута приходит Моя!
Счастье минуты сознать — в этом сила большая.
Есть еще время: в кольцо не сомкнулась змея,
Вечной эмблемою жизни свой хвост пожирая...

XXVIII

Высоко́ над океаном,
        Увенчав обрыв,
В одеяньи златотканом,
        Пышен и красив,
Виден город многолюдный;
        Спорить он готов
С блеском влаги изумрудной,
        Блеском изразцов.

Башни высятся, что стрелы,
        Стены, что карниз,
И бегут, легки и смелы,
        Сходни к морю вниз.
А в волнах, вдоль синей влаги,
        Путники зыбей —
Корабли; бессчетны флаги
        Всех земных морей.
Не вдали от стен — кладбище
        В мраморных стенах;
И на нем пышней и чище,
        Чем в жилых домах.
Тут последняя обитель;
        Непробудны сны;
Небо — синеокий зритель
        Мертвой тишины.
Тут ирония большая
        Из могил глядит:
Бедный, скромно истлевая,
        Без гробницы спит,
Но раскинулся богатый,
        Мрамором крича:
Белый, синий, красноватый, —
        Яркая парча!

XXIX

Полночи теплое веянье,
        Тихий полет светляков,
Жизни беззвучное реянье
        В области плит и гробов...
Месяц глядит в полной ясности,
        Темная зелень блестит,
И по глубокой безгласности,
        Кажется, свет говорит.
Всюду, кругом изваяния.
        В этот полуночный час

Светлы на них одеяния,
Темны все впадины глаз.
Между гробниц Он скитается.
Видит Он: в дивной красе,
Женщины лик поднимается,
Выше и ярче, чем все.
В небо взирает светящийся;
К звездам глаза обратил;
А на руках у молящейся
Тихо младенец почил!
К надписи! Надпись в исправности.
Имя... нет, нет, не Она!
Год не пригодный по давности...
Вздрогнуло сердце... до дна
Сжалось, забилось мучительно,
И не тотча́с отлегло...
Ночь хороша удивительно...
Тихо здесь так, так светло!
В светлые ночи вскрываются
Легче, чем в темень цветы...
Чем не цветок Он? Являются
Мысли его сквозь мечты:
«Где ты теперь, Моя бедная?
Край твой отсюда далек...
Простоволосая, бледная,
Помню, с покровом у ног
Ты упрекнула... забывчива
Так, как теперь! Что с Тобой?
Исчезновенье бесследное...
Грубость, жестокость Моя...
Ты где, дитя Мое бедное?
Нужен ли вам теперь Я?»
Кладбище слышало явственно
Этот немой разговор.
Грустный, измученный нравственно,
Сам Он изрек приговор.
Он не признал по безвременью,
Как при сияньи луны,

В кудри Его, скрытый теменью,
	Глянул снежок седины!
Он не признал, что беседовал
	С Нею, как будто с живой,
И, против воли, последовал
	Странствуя дальше — домой!
Силой влеком подневольною,
	Путь Он по звездам держал...
Шел Он дорогой окольною,
	Прямо ли шел, Сам не знал.

XXX

Осиливши бурю большую,
	Лишась половины снастей
И их раскидавши на память
	По темной путине зыбей,
Корабль крутобокий приходит
	К стоянке в залив небольшой
И быстро Его приближает
	К забытой стране, но родной!
Корабль, он отправиться должен
	И якорь тяжелый отдаст.
Сбегаются сельские люди,
	Приход корабля к ним не част.
Отсюда домой недалеко;
	Вон горы вдали, что в дыму;
Он встретит знакомых старинных...
	Они удивятся ему.
Наутро сойдет Он на берег:
	Теперь так свежо, так темно.
И ветер порывистый крепнет,
	И сердце в груди стеснено.
Темнеет. Заря погасает;
	И ближнее дремлет село;
И только у старого замка
	В решетчатых окнах светло.

Погасли и те. У заката
Нет больше пылающих лент...
Надвинулись, ходят виденья
Забытых, старинных легенд...
Несутся знакомые звуки,
Ничем не рождаемый звон —
И, воздухом детства обвеян,
Заснуть порывается Он.

XXXI

Напрасно! Нет! Задумчивый
Сидит Он над кормой.
Рябеет даль далекая
Крепчающей волной.
Бегут в Нем мысли темные,
Одна другой вослед...
Как будто бы в предчувствии
Каких-то близких бед.
Она!.. Жива ли, бедная?..
А с ней Ее дитя,
Рожденное до времени?..
Быть может, обретя
Покой, хотя и призрачный,
Мне, призраку, верна —
Страдает и колеблется,
Все ждет Меня Она?
А может быть, давно уже
Забывши обо Мне,
Сошлась с другим и счастлива,
И счастлива вполне?
И пьет он чашей полною
Восторг с тех самых уст...
Да... помню... зелень смятая...
Цветы... сквозящий куст...
Кольцо объятий знойное...
И с поволокой взгляд,

Огня страстей фантазии...
        И кудрей аромат...
Ему, ему единому
        Весь женственный расцвет!
Беглец им вспоминается...
        Ему пощады нет!
Обманщик Он бессмысленный,
        Гуляка всех морей,
Печальное ничтожество...
        Мельчайший из людей...

XXXII

Какой тут сон! Мрачна природа!
Луна! Не в силу ей светить!
Ее тревожит непогода
И хочет в тучах погасить.
Едва кой-где в волнах проглянет
И гребни их озолотит,
Но тотчас лик ее затянет,
Далеко свет перебежит,
И там, где блеск был — тьма лежит.
Порой Он ясно различает
Домой бегущие ладьи;
Их словно трепет обуяет,
Спешат... а волны и струи,
И пена их — все, все рыдают,
О чем-то, им вослед, вздыхают!
У всех и каждой — голоса!
В просветах туч как бы теряют
Свою недвижность небеса.
Вдруг вихрь! Со всех сторон подуло,
Нависла тьма... а вот и шквал!
Корабль на якоре качнуло,
Корабль, сердясь, затрепетал.
А что ж ладьи? Не все, казалось,
Дошли до пристаней своих,

Еще их несколько осталось,
Одна, вблизи, крупней других!
Да, вот она! На парус белый
Луна послала луч несмелый,
И ясно, ясно видит Он:
Открылся киль, в корму хлестнуло,
И все, что было в ней — тонуло,
И из нее, со всех сторон,
Как точки черные, как тени
Поплыли люди по волнам...
Уж лучше б не светить лучам
Луны! Пусть в гробовые сени
В потемках люди отойдут!
Но свет небесный тут как тут,
Прорвавши тьму нежданно сильно,
Всех, кто тонул — посеребрил,
Так хорошо, любвеобильно,
Как будто рад был, что светил!
И близкий берег фонарями
Блеснул, и замок, пробудясь,
Своими яркими огнями
Вступил со всеми ими в связь.
Блаженный миг! Небес даянье!
Восторг души! Смертельный спорт!
Сорвав и сбросив одеянье,
Он быстро кинулся за борт!
Влеком неведомою силой,
Во имя горя Своего,
Во имя грез, во имя милой,
Во имя Бог знает чего —
В порыве дерзком и высоком,
Вне чувств, вне воли, вне ума,
Он плыл... Опять густая тьма
Нависла... и с раскрытым оком
Ни зги не видно... полон сил,
Весь вне Себя, весь — напряженье,
Одна мечта, одно стремленье,
Он вдруг нежданно ощутил

Кого-то на волне кипучей,
Схватил рукой своей могучей,
И вскинув на́ спину к Себе,
С пучиной яростной в борьбе,
Прозрев корабль, к нему стремился...
Его метало вверх и вниз,
Но Он за что-то ухватился...
Цепь... И пловец на ней повис!
Ночью с берега видали, —
Видел кто не потонул, —
Как в разгаре бури кто-то
С корабля во тьму прыгнул.
Как схватил пловец кого-то,
Как он бился, как приплыл,
Как к нему шторм-трап спустили,
Как он кверху поднят был.
А затем — что дальше было —
Не видали: тьму зыбей,
Ночи тьму не осветило
Все старанье фонарей.

XXXIII

Занималась заря, зажигалась лучом,
И осталась прошедшая ночь ни при чем,
Если только кому-нибудь счесть не дано, —
Сколько ею улыбок на свет рождено,
Сколько трупов! До утра кипела волна,
И не знали по плоскому берегу сна,
И погибшие жертвы, одну за другой,
Приносили, смолкая, волна за волной.
Люди думали тех и других откачать —
Но лежала на них тяжкой смерти печать,
И готовить пришлось много новых гробов
Для сестер, для мужей, для детей и отцов.
И когда рассвело, снизошла тишина —
Над песками, в кустарной чаще́,

С корабля увидали фигуру: черна,
Вся в широком, тяжелом плаще.
Знали люди в деревне, что кто-то спасен!..
Но корабль был в ночи темнотой окружен.
Кто? Не знали! Кричали от ближних кустов —
Встречу ветру совсем не слыхать голосов;
Надо ждать и терпеть! И фигура ждала,
Ждали люди из замка, народ из села;
Ветер стих, и от берега лодка идет
И фигура в плаще к кораблю пристает.

XXXIV

В Его каюте, в блеске солнца
Лежит дитя. Оно мертво́.
Воло́с обсохнувшие пряди
Пристали к личику его;
Лицо не может озариться
Огнем сомкнувшихся зениц,
И на щеках зеленоватых
Недвижна тень густых ресниц.
А Он? Сидит вблизи объятый
Печалью странной и тупой...
«К чему спасал Я? И нужна ли
Была вся мощь борьбы с волной?
Зачем извлек Я из пучины
Дитя? Чтоб в землю опустить?
Кто посмеялся так жестоко?
Кто захотел так пошутить?
Сюда придут, дитя отыщут...
Его спаситель — это я!
Какая дикая бесцельность
И безграничность бытия!..»
Вдруг говор у дверей каюты...
Зовут по имени! Стучат!
Он встал и отодвинул двери...
Не взгляд один, нет, полувзгляд...

Врач перед Ним! Он отшатнулся!
Он не признать его не мог!
Узнал и врач... Стоял недвижим,
Стоял как вкопанный! Порог
Их разделял... Но сколько, сколько
Лежало между ними дней!
Свои у каждого, иные,
С избытком полные скорбей!
Нежданно встретились две жизни
В последних выводах своих,
Во всеоружии былого,
В различьи дум заповедных.
В случайном их прикосновеньи,
Судьба, карая иль шутя,
Вдруг положила перед ними
Навек уснувшее дитя!
На труп ребенка посмотрели...
Сон смерти ясен и глубок!
Смерть так священна...

Он

Неужели?
Мой сын!!.

Врач

Он мертв! Какой урок!
Сын ожидал Вас с колыбели.

Он

А мать его?

Врач

Как свет небес чиста,
Как мысль души нерукотворна,
Судьбе безвыходной покорна —
Она от мира отошла,
И мысль о Вас с собой взяла...

XXXV

Хороши вы, темные дубровы,
Хороши под старость долгих дней!
Вы всегда принять в себя готовы
Жить уставших и больных людей!
Отошли все те, кого мы знали,
Миновал всем, всем надеждам срок,
Ждать? Чего же? Мы так долго ждали!
Упрекать? Кого? За что упрек?
Не один десяток лет проходит,
Жизнь любая, трепетно шурша,
Словно сфинкс полночный колобродит,
Ищет: есть ли у цветов душа?
Нет души! Есть в старости прозренье —
Мнится, слышишь в говоре дубов:
«Эта жизнь не жизнь, а привиденье!
Нет в ней детства — нет и стариков».
Все, да, все куда-то вдаль стремится!
Бег на приз команды корабля!
Он идет, а состязанье мнится,
Только мнится, страсти шевеля!..

XXXVI

Испытав все то, что испыталось,
Постарев, Он мощно усмирен...
От Нее письмо Ему осталось.
И его порой читает Он.

ПИСЬМО

Пишу к тебе, совсем не зная,
Мое письмо прочтешь ли ты?
Жилицей ада или рая
Я буду... или сном мечты
Какой-то! Женщиною жившей
В свой срок?.. Мне ведать не дано,

Но сгинуть, верь, не суждено
Любви как я тебя любившей...
Пусть тела нет, пусть духа нет,
Но есть любовь! Она объемлет
Весь мир, который только дремлет,
Но сквозь любовь пробьется в свет.
Смотри: хоть нет меня — а все же
С тобой теперь я говорю!
С тобою я делила ложе
Любви и я сквозь смерть творю!
Мой милый! Неисповедимы
Любви сокрытые пути!
Свои ей Иерусалимы,
Свои Голгофы и кресты!
Свои туманные общенья,
Своя особая струя
Терпимости и всепрощенья!
И правда у любви — своя!
Я так люблю, я так страдаю...
Страданьем сила мне дана,
Из гроба я тебя прощаю
И я тебе и в нем — жена!
К тебе, избранник мой суровый,
Ручьем журчавшим я текла
И, чище влаги родниковой,
В пески глубокие ушла...
Я не умна, я это знаю,
Но, в чувствах мысли обретя,
Живу с тобой и завещаю
Твое бесценное дитя...
Я не умна! Мне долг мой во́здан!
Но не пойму никак сама,
Как убедилась я, что создан
Наш мир не только для ума?
Нет неподвижнее законов
Предвечных чувств! Как не признать
Бессмертья радостей и стонов?
Все минет — им не миновать!

Поверь в бессмертье чувств, мой милый!
Я для него себя гублю;
И не связать меня могилой, —
Я тем бессмертна, что люблю...

XXXVII

Нет на земле конца стремлений
К тому, что где-то есть весна;
В них все зачатки совершений
Судеб двух сил — Он и Она.
Как и всегда, вдоль рек и взморий,
В степях, у края ледников,
В живом деленьи инфузорий,
В тычинках, в пестиках цветков
Чуть слышны первые намеки
Любви, объемлющей весь мир!
В сердцах людей они глубо́ки,
В них пышут огненные строки,
И шумен злых страстей турнир!
Антрактов нет, нет интермедий!
Обманна в жизни тишина,
И капля вод полна трагедий
И неизбежности полна...

«Уголок», Усть-Нарова
Лето 1899

ПОВЕРЖЕННЫЙ ПУШКИН
Драматическая сцена далекого будущего

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кошнёв-отец — комендант Москвы.
Кошнёв-сын — ополченец.
Старый моряк — боцман.
Терёха — плотник.
Ванька — каменщик.
Няня.
Молодая женщина.
Человек неизвестной народности.
Саешник.
Патрульный.
Венгерцы.
Баба Василиса.
Старый гонец.
Ратные люди, рабочие, толпа, бабы, монахи, дети.

Действие происходит в неопределенном будущем; Москва полна следов только что завершенной в ней великой битвы. Страстной бульвар; деревья его стары и густы. Видные за площадью и по Тверской дома — высокие, русской архитектуры, подобно Страстному монастырю — обгорели; вдали заметны зарева. Посреди сцены, подле разрушенного пьедестала, повергнутый на землю памятник Пушкина — совершенно целый. Несмотря на ночное время, заметно большое движение; кой-где на работах поблескивают фонарики; ночь летняя, облачная. По временам снуют ратные люди — русские и другие славяне, а также прохожие. Тереха и Ванька, с товарищами, за работою по водружению памятника. Подле — во́рот и кран; несколько рабочих. Старый моряк-боцман, георгиевский кавалер, сидит на разбитом лафете.

Тереха
Подай стамеску, Ванька! Эко диво!
Работать ночью! Коли б не привычка —

Рука сама идет, хоть глаз не видит.
Царь, может, будет въезд держать?
Поторопиться надо!

Ванька

Что-то Питер?
Счастливо ль отсиделся? Злая битва,
Должно, была там, на море и суше?
А взяли ль наши?!

Тереха

Матушка-Москва
Вся погорела! Ишь, работы будет!
А монументы велено поднять.
Царя-Освободителя под сенью
Шатровою — того не обрести...
Оттуда натиск шел, и бомбы
Взрывали гору! Что курган могильный,
Стоящий над глубоко скрытым прахом,
Является священный нам шатер!
На Красной площади — того не сбили,
А только боком как-то повернули.
Царь-колокол совсем разбит в куски,
А этот вот и весь на землю свален.

Ванька
Ну, и была тут свалка! Жутко стало
Всей нашинской дружине! Я тут был!
У знамени с Алешкою стояли...
Алешку помните? Гранат ручных
От них на нас посыпалось без счету.
И батареи их с шаров воздушных
Палили тоже. Наши же шары
За это время над Ходынским полем,
Что туча с тучей, с ихними сошлись...
Отсель видали...

Т е р е х а

Да, и день был ясный, —
Ни облачка на небе...

Г о л о с а

Как же, помним!

Т е р е х а

Одно — глазеть тогда не приходилось:
Знай, раненых носили. И, должно быть,
Немцы́ под этот самый монумент,
Под землю, значит, про́воды пустили...
Вдруг закачался, словно как привстал,
И грохнулся на землю, застонавши!

В а н ь к а

Я помню: мне за Пушкина стихи
Досталось в школе! У него есть строчка:
«И долго буду тем народу я любезен...»
Напутал я, да и не то, чтоб важно —
«Я» — вместо «тем», «тем» — вместо «я» сказал.

Т е р е х а

И что ж?

В а н ь к а

Ругнули!

Т е р е х а

Только-то? Немного!
Стихов хороших — не перевирай!

В а н ь к а

И вспоминался мне тот самый стих
Здесь, именно, в пылу горячей схватки!
Вот с этих двух сторон, а с правой больше,
На наших напирали. Только, видим,
Из-за монастыря дружина чехов

Им в бок ударила... Они смешались...
Тут подоспели и донские сотни...
Поляки, сербы, ихняя пехота...

Голоса

Да, ловко, братцы!

Тереха

Что ни говори,
Тут тоже будто чудо совершилось,
Как в оны дни с поéздом царским было,
При Миротворце, при царе великом!
Как это вышло так, что сразу
По всей Москве, ну, в сорока местах,
Да вдруг повсюду наши одолели?..

Старый моряк

Так это было в Порт-Артуре тоже!
Лет сто прошло, как мы сидели в нем.
Пришли тогда к нам флоты англичан
И немцев, и японцев... Окружили,
И, если б не подводные сигарки...

Голоса

Сигарки?

Старый моряк

Да, подводные игрушки!
Один лишь может сесть, а на цепи
С собою тащит мину с динамитом,
Да под чужой корабль и подплывет!
Поедут сто, а девяносто сгибнут
Наверняка, зато остатних десять
На воздух пустят тысячи людей.
У них такие тоже были мины,
Да только наши не боялись смерти,
И в воду лезли; ну а те не так!
И только этим мы и взяли — чудо!

Тереха
А ты езжал?

Старый моряк
Четыре броненосца
На совести моей! Бывали в деле!
Китай тогда в союзе с нами был!
Они все берега его забрали —
С тех пор он с нами накрепко стоял!
(В глубине сцены проносят невидные зрителю гробы. Работа останавливается. Снимают шапки и крестятся.)
Опять покойники?

Тереха
Наш комендант
Распорядился, слышь, чтоб из больниц,
Умрет кто если — по ночам носили.

Ванька
А для чего?

Голоса
Зачем?

Тереха
Так незаметней!
Все плач да плач, да стоны! Их довольно!

Старый моряк
И впрямь — зачем?

Тереха
Покой им будет вечный!
(От людей, сопровождавших гробы, отделяется молодая, красивая женщина, садится в стороне. Навстречу ей — саешник с сайками на лотке.)

Саешник *(к женщине)*
Сестрица! Свежее печение! Возьми-ка!
(Женщина отмахивается; саешник обходит рабочих.)
Эй, молодцы! С последнего подвоза —
Не залежалая, как было-то, мука!
(Многие покупают сайки.)

Ванька *(саешнику)*
Давай сюда! А этой ты не знаешь —
Той женщины, что с краюшка сидит?

Саешник
Как нам не знать? Кого если хоронят,
Она туда; знать, муж ее убит!
Признать желает... Ищет...

Тереха
Полоумна?

Саешник
Пожалуй, так. Все ходит да молчит.
(Проходит к другим. Старый моряк приближается к женщине и садится подле. Является кучка громко разговаривающих людей и между них человек неизвестной народности.)

Голоса
Ох, плохо, братцы! Вести к нам дурные
Идут!

Другие голоса
Откуда? Что?

Голоса
Да вот что, слушай...

Неизвестный
Да, да! Готовьтесь к злому худу, братья!

Мир предлагали вам, — взять не хотели
И умных голосов не слушались в свой час.
Ну, вот и радуйтесь! На севере погром,
Погибло все...
(Толпа окружает человека неизвестной народности.)

Голос

Откуда ты-то знаешь?

Неизвестный

Чуть погодя узнаете и вы!
Вам говорили: милые, смиритесь!
Уступочек не сделали! Ну, кайтесь!

Голоса

Да что он врет!

Другой голос

Откуда он, вещун?

Третий голос

Таким, как он, в Москву-реку дорога...

Молодая женщина

(быстро подойдя к человеку неизвестной народности)
Постой, постой! Не ты ли, в час ночной —
Тому назад теперь уже два года —
К нам приходил и полк повел в засаду,
Сказав, что нас свои зовут прийти?

Неизвестный

Что ты, что ты?

Молодая женщина

Что́ я, и что со мною?!
А помнишь ли, как мой убитый муж, —
Тебя ему под стражу поручили, —
Тебя своею шашкой полоснул?

Глядите, ро́дные, на шее есть рубец!
(Толпа бросается на неизвестного и готовится осматривать его шею. Входят Кошневы, отец и сын, и с ними стража.)

Отец
Что тут за шум?
(к неизвестному)
Ты кто такой!

Неизвестный *(бросаясь к коменданту)*
Спасите!

Голос
Предатель он, изменник, бей его! —

Отец
Не сметь!
(стражникам)
Под караул его возьмите,
И отвести на Комендантский двор!

Голоса
Да как? Да что? Мы сами с ним разделку
Здесь учиним...

Отец
Не учините вы,
А сделаете то, что прикажу я сделать!
(Толпа мало-помалу расходится. Рабочие принимаются за работу.)

Тереха *(в сторону к рабочим)*
Да, нехристей порядком наплодилось...
И сколько их, неведомо откуда,
Кургузой челяди в мундирах всяких?!
И по сегодня по подвалам ловят
Изменников...

Ванька *(указывая на Кошневых)*
А молодцы Кошневы.
Старик теперь с полгода комендант,
А сын его — вояка знаменитый:
Ведь это он у Иверских держал...

Тереха
Рука подвязана.

Ванька
И может, значит,
Кошнев, коли захочет пошутить,
Тебе башку отрезать, иль повесить,
Такая, значит, власть ему дана.

Тереха
Где долото? Подай опять стамеску.
(К ним подходят Кошневы.)

Отец
Бог помочь, братцы. Спóрится ль работа?

Тереха
Работаем.

Отец
Не слышно ли чего
Из Питера? Народ порою знает
Скорей, чем мы.

Тереха
Да вот вечор слыхали,
Что битва там была и... наши взяли...

Сын
Да если б так...

Тереха

Господни чудеса
Воочию гуляют! Грузы эти,
(показывает на памятник)
Как этот, вот, летят на землю пухом;
Поставлен был, кажись, что очень прочно...

Сын *(подходит к памятнику)*
И цел остался! Не разбился! Диво!
(Слышен шум. Патруль ведет двух пойманных венгерцев.)

Ванька
Лупи его, проклятого, сильней...

Отец
Чего вы? Стойте! Говори, откуда?

Патрульный
В подвале под Гостиными рядами
Нашли, и вот бумаги есть при нем.
(Подает.)

Отец *(читает)*
Приказ шесть дней тому назад! Венгерцы?..

Ванька
Венгерец — это значит, тот же турок
Позвольте, господа, заштукатурить:
В ступеньку обратить его...

Отец *(патрульному)*
Ведите
На Комендантский двор. Бумаги сдать,
А по пути не бить! Смотри, ответишь!

Ванька
Ну, а коверкать можно, господин?

Отец *(строго взглядывает на Ваньку; тот принимается за работу)*
Ступайте же. Я скоро буду сам.
(Патруль уходит. Сын садится на землю и облокачивается на статую.)
Да, много, много лет тому назад
На этом месте предки ликовали!
И обнажились головы толпы.
И Достоевский слово говорил,
Когда из лепты, собранной повсюду,
Был памятник окончен в данный срок!
С него проворно белый холст спустили.
И он явился им в чертах знакомых,
Задумчивый, безмолвный и блестящий...
Теперь от времени позеленел он,
Зацвел весной всегдашней, вечно юной...
(К сыну.)
Но не задумывайся так упорно...
Совет врача ты помнишь ли?

Сын

Да! Помню...

Отец

Мы к царскому приезду порешили,
А он в Москве, пожалуй, скоро будет,
Что можно — сделать! По соборам
Кремлевским вновь поставлены гробницы
Царей и их опять парчой покрыли,
Как будто враг их вовсе не сдвигал!
И памятники мы поднимем снова,
Пусть, мол, увидит царь...

Сын

Оно, конечно,
Как будто что-то всюду оживает!

Отец
Ты погляди, как быстро жизнь проснулась?
Смотри, как много подле нас движенья?
Москва не спит! Бессонница в Москве!
Все ждут вестей, а сообщений мало!
В десятках мест горит теперь война,
А мы почти что ничего не знаем:
Все про́воды обрезаны, молчат,
И страшно за далекий север. Слухи
Тревожные являются отвсюду!
Пожары, слезы, трупы, кровь, страданья...

Сын
Вот и моя рука еще горит...
И любо мне к металлу прикоснуться:
Он холоден... приятно...
(Прикасается и быстро встает.)

Отец
Что с тобою!

Сын
Куда ни прикоснешься, всюду кровь!
Подумаешь, в неделю не просохла!
Ее опять размыл вечерний дождь!
И чья она — своя, или чужая?!
И Пушкин думал ли, что будет день...
(Из-за туч выходит луна.)
И кто бы ждал, что это все случится?..
Обычным ходом шла повсюду жизнь.
Сзывались к срокам разные конгрессы,
Послы сидели на своих местах;
Шли рауты и пели итальянцы;
Во Франции менялись кабинеты;
А летом, на водах, кишмя кишели
Богатые наряды модных дам...
Скрипели перья в наших министерствах,
Выкладывали сметы счетоводы,

С трудом обычным поле засевалось,
Являлись урожаи, недороды...
И вдруг, вот в этот заурядный строй
Ужасным выходцем из дней минувших
Проникла к нам трехлетняя война!
Не разобраться, в чем ее начало?
Последней ей причины не найти!
Случилось то, чего и не хотели:
Осилили теченья высших сил,
Совсем не тех, что знали дипломаты!
И где плоды той светозарной мысли
Святого оклика Державного Вождя,
Что с высоты отцовского престола
На общий мир народы призывал?
Погром пошел по всем землям славянским:
От Праги, к Кракову и от Варшавы
Вплоть до Невы, до Волги, до Днепра!

Отец
Нет дальше, дальше... Флоты всех морей
Горят огнем...

Сын
Решения на суше,
Не на морях — и именно у нас!
Мы шли к тому от самого начала!
Как в племени Давида быть Христу
Решил Господь — нам было назначенье
Стать очагом последнего огня...
(Некоторые рабочие уходят; другие, Тереха и Ванька, ложатся спать. Кошневы садятся на обломки пьедестала.)

Отец
Порешены великие вопросы,
И жребий пал, так Бог велел, на нас...
Судьба славян совсем своеобразна.
Все их былое — медленный отпор.

Они всегда являлись мягкотелы,
Как бы беспомощны. Одна Москва,
Собравши землю, обросла бронею,
Пыталась много раз помочь собратьям...
Бывала помощь от других, но редко:
То битва Белогорская, то гнезда
Угрюмой Черногории порою
Знать о себе давали... а теперь —
Мы нашим предкам руку протянули...
Мы страстотерпцы ныне, как всегда!
И церковь наша, кроткая от века,
Рукою отческой всегда на мир вела...
Ты мне скажи: кто в матушке России,
Кто из людей великих не страдал?

Сын
Преемственность страданий, это — мило!

Отец
Да, да! Преемственность!.. Она от века,
Как Божий дух, носилась над Россией
Невоплотившимся библейским словом!
Она имелась на́ сердце народа,
В писаниях почтенных летописца,
В словах проповеде́й и в бранных кликах,
В мучениях святого Михаила,
В разбойничьей отваге Ермака,
И в битве Бородинской, и на Шипке,
И в Ломоносова ученом кабинете!..
Ясней чем где имелась здесь, конечно,
Когда была Москва еще деревней —
В беседе Калиты с митрополитом
Петром... А Ра́донежский чудотворец?..
Преемственность в Суворове виднелась,
В Кутузове, и множестве других!
Один всегда был лозунг у людей:
Россия без царя — грудь без дыханья,
И должен царь служить стране своей!

Все в это верили, все ощущали —
Но этот, вот, что тут теперь лежит
И, вновь воздвигнут, будет возвышаться —
Он был начальным лепетом, был первым
Разумным словом малого ребенка,
Когда впервые, но с сознаньем ясным,
Вдруг назовет он мать или отца!

Сын
Но посмотри, взгляни: в его чертах
Как много грусти! Тягота большая
Лежит на нем? Возможно ль, чтобы те,
Кого судьба поставит так высóко,
Грустили так беспомощно?!

Отец
Мой милый!
В предвиденье глубоком, несказáнном,
Он видел то, что ныне видим мы.
При нем оно завязывалось в почки
По осени, готовилось к зиме!
И надвигалась исподволь гроза!..
И погасали явленные силы...
И прав был Пушкин, ежели грустил!
Ты видишь сам, какой большой ценою
Мы искупили прежние ошибки:
Несвоевременную, иногда, отвагу
И робость, проступавшую всегда!
Теперь мы отстояли право жизни,
Быть дома у себя!..

Сын
Святое право!

Отец
Но мы могли бы кровью изойти...
Когда бы нам да не знамена наши!
Да, тут, у этих погорелых храмов,

У этих памятников мощным людям,
Поляки с чехами и мы, как братья,
Повсюду дружно бились за одно...
А в чем причина? Благовестный случай!
Когда бы Австрия еще существовала,
Германия не выросла бы втрое,
Поляки с чехами, как это было,
Особняком стояли б в службе пап!
Возможность верной смерти им внушила
То, что когда-то лучшие из них,
Давным-давно, в свой срок провозглашали!
В одиннадцатом веке и в минувшем...
И к слову молвить: Станислав святой, —
По имени его у нас известна лента, —
В борьбе с папизмом смерть свою обрел!
«Католики без папы» — вот тот лозунг,
То основанье братства между нами,
Которое призвало в дружный бой!
Не вы́носить двух молний той же туче —
Царю и папе вместе — места нет!
Отныне нас сливает воедино
Кровь, нами про́литая братски за одно!
Единый дух — одна большая сила,
Чужда ксендзам, подвластным буллам Рима,
Дала отпор последний, навсегда...
Сверкает уголь наших деревень,
Полнеба над Европой освещая,
Святой огонь спалил нам всё дотла!
Не даром же от древности седой,
И от времен богатырей, в лампадах,
Он у святых икон не погасал!

(Издали слышится песня проходящего мимо певца.)

Соловьи-то наши замолчали,
Не воркуют горлинки с печали,
Льется, льется, что великая река,
По родимой по сторонушке тоска...

Уж вы, волны, волны, не крушите,
Колыбельки деток пощадите, —
Утекай, змея-река, до дальних стран,
Да не к людям, а в глубокий океан.

Заворкуйте, горлинки, скорее,
Защелка́й, соловушко, громчее...
Иль глаза у нас на мокрых на местах?
Выходи, заря, сушить росу в очах...

(Заря занимается. Старик Кошнев глядит в лицо Пушкину.)

Какие в песне грустные слова!
Но, мнится мне, что хмурые черты
В сияньи тихом розового света,
Как будто, песню слушая, светлеют...
Утешена тоскующая тень.
И не пройдет и месяца, услышим
Мы не одно лишь пенье панихид,
К которому так долго привыкали, —
Услышим песен свадебных разгул
И прославленье памяти былого!

Сын *(быстро вставая с места)*
О, свадебные песни! Разве так!
Да разве свадьбы празднуют на свете?
И разве мир не лагерь, не сраженье,
И не больница, и не царство мертвых?!
И спасена страна? И мы не трупы?
Три года битв! Томленье! Неизвестность!
Все нервы напряглись, все мысли сбиты,
Способность есть поверить в привиденья —
Увидеть их... Смотри, отец, смотри!
(От проходящих, во все время действия, на заднем плане людей отделяется старушка-няня с платком на голове и, плача, подходит к статуе Пушкина, ярко освещаемая луною.)

Отец
Ну, вижу, вижу!

Сын
Пушкинская няня!
И плачет, горько плачет... Почему?
(Хочет подойти к ней, но остановлен поднявшимся с места отцом.)

Отец
Я сам поговорю! Ты не сумеешь!
(к старушке)
О чем, скажи, старушка-няня, плачешь?
Что на́ сердце?

Няня
Да как же, ро́дный мой!
Убиты два моих птенца родные,
Один другого краше и милей...
Как были детками, я их водила
Сюда! Играли, тешились парнишки
И так и звали: «к дедушке пойдем!»

Отец
Как звали их?

Няня
Их Пушкиными звали,
Вот, как и этого...

Сын
А как же, молви,
По батюшке?..

Няня
Петровичами были...

Сын
Петровичи! Товарищи мои!
Убиты оба? Где? Когда? Давно ли?

Няня
Пять дней назад письмо о том пришло.

Отец
Где, где?

Няня
Не ведаю! Чудно́е место?

Отец
Почтенный род, от Грозного, и раньше —
Родной земле на службе именит!

Няня
И вот, не сплю — гуляю темной ночью...
И слез не хватит плакать мне...

Сын
Судьба!
Давно ль друзьями в школе мы сидели...

Отец
Ну, няня! Видишь ли, Господня воля!
Им лучше там... А ты за них молись.

Няня
Иду к заутрене, родимый, к монастырской.

Отец
Ступай, ступай, хорошая моя...
(Няня уходит к монастырю.)

Сын *(после раздумья)*
Все смерть да смерть! Вернувшемуся счастью

Не верю я? Не рано ль ликованье?
И не обидно ли убитым будет
Под не осевшею еще землей?
Не стыдно ль будет свадебною песней
Тревожить их едва нача́тый сон?
И разве не зовут они живущих
На страшное отмщенье?

Отец

                                        О, мой сын!
В судьба́х великих родины твоей
Нигде я не читаю слова: мщенье!
Давали мы врагам отпор, не больше!
Измена прошлому — измена правде!
Теперь за дело! За восстановленье!
Откроем церкви наши для молитвы,
Пусть возникает снова наша внешность
Такою, как была! А вместе с тем
И этот памятник; ведь Пушкин был
Одним из тех далеко видных стягов,
Которым вслед полки на бой идут,
Сбегаются на случай неудачи!
Мы разбрелись бы, если б не знамена!
Вот оттого-то надо их поднять...
Плечом мирским! Но, что это за шум?
(Слышен быстро приближающийся шум. Тереха, Ванька и другие просыпаются. Блестящая заря.)

Сын
Великий шум!.. В такую рань проснулись?
Толпы валят со всех сторон, кругом!
(Приходят дети, женщины, монахи, славянские ратники. Толкотня.)

Отец
Сюда бегут. Должно́, нас увидали...
Гонец какой-то... Радостные клики!..
(В толпе засматривают в глубину сцены.)

Многие
С гонцом беда!

Другие
Гонец-то, братцы, баба!..

Голоса
Упала лошадь! Выбилась из сил...

Тереха
А баба на ногах!

Ванька
Идут сюда толпою!
(Входит баба Василиса, с нею толпа народа; она отдает Кошневу депешу.)

Баба Василиса
Победа наша... Флоты их погибли...
И Петербург спасен, как и Москва.

Тереха
Ишь! Бабу посылают, — вот так диво!

Ванька
Иль нет мужчин? Иль перебиты все?

Баба Василиса
Завидно что ли юбке? Нарядитесь!

Многие
Ишь, храбрая какая!..

Баба Василиса
Не замай!

Многие *(пока Кошневы читают депешу)*
Ну, говори скорее.

Баба Василиса

Дайте время!
Да не толкай, ребята... Придушили...
Несу с собою вести я из Клина...
От Петербурга вплоть до самой Твери
Нет проводов; нет и к Москве от Клина...
И вот, депеша к нам счастливая пришла
Где по ракетной почте, где гонцами...
Пять дней назад, у самой Красной Горки
И далее за Нарвою, шел бой...
Пошли они от Ревеля по взморью,
И морем на Кронштадт, войска и флоты!
Три дня сраженье шло! Мы одолели:
Полгвардии легло и с ними младший
Сын государев и ему родные
Четыре князя царской крови пали.
Флот англичан и немцев опоздал,
Забрать бежавших не успел — погибли!

Старый моряк

А самый флот! Неужто уцелел?

Баба Василиса

Нет! Только малость от него осталось.

Старый моряк

Сигарошники, значит!

Баба Василиса

Да, они!
Из всех речонок в море выползали —
Что водные жучки — и одолели!

Старый моряк

Вот это я всегда и говорил!

Ванька

Вот это дело, братцы!

Тереха

Эй, ребята!
Что уши-то развесили — к победе?
Что, если б нам собща фигуру эту
Заре навстречу, вот сейчас, поставить!
Что ей лежать-то, бедной, на земле?
Он песни пел любезные народу, —
Пусть встретит он зарю в победный день!

Ванька
Что ж! Можно! Вправду!

Голоса

Да, конечно, можно!

Тереха
Эй, православные!

Ванька

Да цоколь не готов!

Тереха
Зачем на цоколь, тут и сил не хватит.
А наземь можно. Отчего — не так?

Ванька
Вот, если б вольтовы столбы имелись,
Да пр́оводы, так мы бы это живо!
Да только все поломаны в делах,
Купить нельзя!

Тереха

Чем в́орот не машина?
Дружней, ребята, али ожидать!
(Подвязывают веревки и начинают медленно воздвигать фигуру подле цоколя. Раздается звон к заутрене.)

Отец
Заутреня, как бы на Светлый праздник!
Трезвон колоколов, в народе радость...
И мертвый, поднимаемый к живым.
Мои сын! Мой сын! Господь благовествует!
(Яркое солнечное освещение. Заревая пушка. Прибывают новые толпы. Усиленные крики. Виднеются в большом числе представители славянских войск и народностей.)

Многие
Гонец, еще гонец! Откуда?

Гонец *(на коне — останавливается за невозможностью ехать)*
Осторожней!
Коня спихнете! Что вы? Дайте сле́зу...
Где комендант?

Многие
Сюда, сюда! Вот он!
Скорей, скорей, о чем?

Гонец *(подходя к Кошневу)*
Вот приказанье!
(При общем молчании старик Кошнев, по прочтении депеши, поднимается на цоколь памятника Пушкину и говорит народу.)

Отец
Счастливый день! Две радостные вести!
Царь-государь, едва стяжав победу,
Благоволит в Москву свою прибыть,
Об избиенных с нами помолиться
И погорелую столицу воскресить!
(Общее ликование народа. Сильный колокольный звон. Памятник водружен.)
Еще одно к вам праздничное слово:
К подножью Пушкина тропа не зарастет,

И вечно юно будет, вечно ново,
Что поднял ты своим плечом народ!
И вечно будет Пушкин нам любезен
Тем, что к добру он чувства пробуждал,
Что прелестью стиха он был полезен
И милость к падшим призывал,
Что он прозрел конец в старинном споре,
Что, смертный, он, бессмертие предрек
Ручьям славянским, слитым в русском море,
Покрывшем весь сплотившийся восток!..

(Новые клики радости. Колокольный звон. Клики: «Ура! Живио! Слава!» Далекая пушечная пальба. Общая хоровая песня.)

Раздавайтесь, звоны звучные!
Раззвонись, колокола!
Годы злые, годы скучные
Преисподняя взяла!
Возликуйте, православные!
Сгинул — свеялся изъян,
Все мы братья, братья равные
Многих отраслей славян!

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО

ИЗ ИОГАННА-ХРИСТОФА ГОТТШЕДА

ЯЗЫЧЕСКИЙ МИР

Рим и Афины искусствами в древности были богаты,
Только — жаль, в их мастерах и философах
не было проку.
О! что за ложь обитала повсюду в их храмах
прекрасных!
Лжи той пугалась Паллада и сам ветхий де́ньми
Юпитер
К ней омерзенье питал. Так лгите ж, жрецы!
Ваши жертвы,
Дым алтарей ваших — вздор, если сами вы
сердцем порочны.
Сами себя исцелите, очистите сердце и мысли.
Богу вы служите, или себе? Нечиста́ ваша совесть!
Совесть очистить вам надо, мудрость почтить
изученьем,
Надо вам страсти свои воздержать и похоть умерить!
Только тогда путь другим вы указывать будете
вправе —
Как им воздержными, кроткими, честными
надо остаться;

Только тогда вас высокая мудрость
и честность отделит
Правдой и тонкостью мысли от сонмища
варваров диких.

ИЗ ЛЮДВИГА ТИКА

СОЗЕРЦАНИЕ

В час, когда окраской яркой
Запад к вечеру горит,
Или утром — зорькой жаркой —
Хор вспорхнувших птиц звучит:

О, тогда и я кидаю
Песнь веселья в яркий свет!
Звучно эхо пробуждаю —
Шлю Предвечному привет!

Шлю привет Ему с ручьями!
Чую радость без конца!
Сердце греется лучами
В созерцании Творца.

В море — звуки, в небе — звуки!
Неужели ж нам одним
В этот час молчать от скуки
Перед Господом живым?

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО

ИЗ УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

СОНЕТЫ

XIV

Не по звездам небес дано мне жизнь читать;
А все же думается мне: я астроло́г.
Не то, чтоб горе мог иль радость предсказать,
Чтобы предвидеть мор, погоду, голод мог!
Мне не под силу знать и быстрый ход минут, —
Дождем или грозой их мощный рок снабдит,
Властитель, будет ли он счастлив там иль тут —
О том небесный свод мне мало говорит!
Я черпал мысль мою лишь из твоих очей:
По звездам тех очей я мысленно читал,
Что верность и краса в твоих детей пройдут,
Лишь от тебя пройдут; в тебе я их сыскал...
А ежели не так, то, правды не тая,
Красе и верности смерть предвещаю я!

XXXI

Твоя прияла грудь все мертвые сердца;
Их в жизни этой нет, я мертвыми их мнил;
И у тебя в груди любви их нет конца,
В ней все мои друзья, которых схоронил.
Надгробных пролил я близ мертвых много слез,
Перед гробами их как дань любви живой!
Благоговейно им, умершим, в дань принес;
Они теперь в тебе, они живут с тобой.
И смотришь ты теперь могилою живой,
На ней и блеск, и свет скончавшихся друзей,
Я передал их всех душе твоей одной,
Что многим я давал, то отдал только ей.
Их лики милые в себе объединя,
Имеешь также ты своим — всего меня!

XXXII

Когда в блаженный час от жизни отойду,
И ты переживешь меня и невзначай
Прочтешь мои стихи, что в рифму я кладу,
Ты неумелости стиха не замечай!
С годами уровень людских умов растет;
Писанья лучшие в законный срок придут!
Но ты люби мой стих; ведь в нем любовь живет,
Любовью, мнится мне, меня не превзойдут!
И в благосклонности к нему скажи скорей,
Что если б я, твой друг, я был еще в живых
И дожил до иных, намного лучших дней —
То стал бы я писать не хуже всех других.
Когда б не умер я, твой друг, я лучше б стал —
Они стихом берут, а я любовью взял.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Трагедия в 5 действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Леонт — король Сицилии.
Мамилий — его сын.
Камилл, Антигон, Клеомен, Дион — его придворные.
Сицилийский дворянин.
Рожеро — богатый сицилианец.
Наставник Мамилия.
Служащие при суде.
Поликсен — король Богемии.
Флоризель — его сын.
Архидам — богемский вельможа.
Моряк.
Тюремщик.
Старый пастух, мнимый отец Пердиты.
Шут — его сын.
Автолик — бродяга.
Время — являющееся в виде хора.
Гермиона — королева, жена Леонта.
Пердита — дочь Леонта и Гермионы.
Эмилия — приближенная Гермионы.
Паулина — жена Антигона.
Две дамы — приближенные Гермионы.
Мопса, Дорка — пасту́шки.
Вельможи, придворные, служители, работник, дамы, танцующие сатиры, пастухи, пастушки, стража.

Действие происходит в Сицилии и Богемии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА I

Сицилия. Одна из прихожих дворца Леонта. Входят Камилл *и* Архидам.

Архидам. Если вам, Камилл, придется когда-нибудь посетить Богемию, по какому бы то ни было случаю, схожему с тем, который приводит сюда меня, вы увидите, как велика разница между нашею Богемиею и вашею Сицилиею.

Камилл. Я думаю, что будущим летом король Сицилии отдаст Богемии тот визит, на который, приехав сюда, ваш повелитель имеет полное право рассчитывать.

Архидам. Если мы не можем блеснуть роскошью нашего приема, то постараемся, по крайней мере, быть радушными, потому что...

Камилл. Прошу вас...

Архидам. Нет, нет, правда — и я говорю вам это с полною откровенностью и знанием дела — мы не можем блеснуть тем же великолепием... и такою же... я не знаю, как бы это выразить? Мы поднесем вам усыпляющие напитки, чтобы вы не чувствовали, оставаясь вполне бодрыми, не могли различить недостатков приема; и если вы не похвалите нас, то, по крайней мере, не будете бранить.

Камилл. Вы отплачиваете слишком дорогою ценою за то, что подносится вам от всего сердца.

Архидам. Поверьте мне, я говорю по личному убеждению, и только то, что подсказывает мне моя честь.

Камилл. Король Сицилии никогда не сможет выразить всей своей дружбы к королю Богемии с излишком. С детства взрастали они вместе, и их взаимность пустила такие глубокие корни, что от них должны пойти отпрыски. С тех пор как годы возмужалости и королевские обязанности разлучили их, дружба их постоян-

но проявлялась подарками, письмами, рядом посольств; будучи разлучены, они, казалось, остаются все-таки вместе и как бы пожимают друг другу руку через пропасть, и обнимаются от крайних стран, враждебных один другому, ветров. Да сохранит Господь их дружбу.

Архидам. Мне кажется, что никакой злобе мира не изменить ее. Какое прелестное дитя ваш принц Мамилий! Ваш подрастающий властитель обещает так много, как только можно себе представить.

Камилл. Совершенно разделяю ваши надежды: принц — прелестное дитя; в нем есть способность молодить устаревшие сердца подданных; те, что ходили на костылях в день его рождения, желают жить для того, чтобы видеть его возмужалость.

Архидам. А разве, без этой надежды, были бы они не прочь умереть?

Камилл. Без сомнения, если бы не было других причин, привязывающих их к жизни.

Архидам. Не будь у короля сына, эти костыльники желали бы жить до рождения такового.

(Уходят.)

СЦЕНА II

Роскошный зал во дворце.
Входят Леонт, Поликсен, Гермиона, Мамилий *и придворные.*

Поликсен
Уж девять раз начальный рог луны
Пастух мог видеть в небе с той поры,
Как я покинул трон, и столько ж дней
Пройдет — но не успею я вполне
Всю благодарность выразить мою
За ваш прием; и как одна из цифр
Растет в значеньи, изменяя место,

Пускай мое последнее «спасибо»
Займет такое место вслед другим.

Леонт
Оставь благодарить, еще успеешь.

Поликсен
Но это будет завтра. Страшно мне
Подумать, что, в отсутствие мое,
Какое-либо зло в дому случилось.
Боюсь, чтоб ветер там не налетел
И чтоб мое предчувствие не лгало.
Затем, по правде, вас я утомил.

Леонт
На столько крепок я, чтоб не заметить
Усталости.

Поликсен
А все мне в путь пора!

Леонт
Побудь еще неделю.

Поликсен
Нет, на завтра!

Леонт
Ну, полнедели, а затем ступай.

Поликсен
Прошу тебя — не принуждай меня.
Нет в мире голоса, чтоб мог влиять,
Как твой, мне на сердце, и я б остался,
Когда бы в том была нужда какая:
Мои дела зовут меня домой.
Не пользуйся любовью, как бичом:
Гостить мне здесь еще — тебе быть в тягость

И в беспокойство; чтоб от них избавить,
Мой друг и брат, я говорю: прощай!

Леонт
А королева? что ж она молчит?
Проси его!

Гермиона
Я думала молчать,
Пока он клятву даст не оставаться.
Ты слишком холоден с ним в настояньях.
Скажи ему, что знаем несомненно,
Что все в Богемии спокойно; этим
Ты из упорства выведешь его.

Леонт
Так, Гермиона.

Гермиона
Если б он сказал,
Что сына хочет видеть — было б хуже.
Пусть только скажет это, и тогда
Держать его не будем; я и дамы
Его веретенами прочь погоним.
(Поликсену.)
Я в сделку с королем вступлю. Неделю
Пусть он останется; я обещаю,
Что если к ним Леонта отпущу
В Богемию, дам право удержать
Его на целый месяц дальше срока,
Хотя люблю Леонта, не теряя
Мгновенья, нужного чтоб маятник скользнул;
Люблю не менее, чем любят жены,
Которые верны своим мужьям!
Останетесь ли?

Поликсен
Нет.

Леонт

Останьтесь, — да?

Поликсен

Я, право, не могу.

Гермиона

Здесь слово «право»,
Как клятва, слишком слабо, чтоб унять
Мою настойчивость. Когда бы вы клялись
Так сильно, чтобы звезды сдвинуть с места,
Я все-таки скажу: вы не уйдете;
Что «право» не уйдете вы; что «право»,
Когда его промолвит королева,
Не меньше значит, чем когда король
Его промолвит. Нет, решите сами:
За друга или пленника считать вас?
За пленника — тогда за содержанье
Вы нам заплатите, благодарить
Не нужно будет. Поскорей ответьте:
Вы пленник или гость у нас? Вам «право»
Нельзя не согласиться быть у нас
Тем или этим.

Поликсен

Если так — я гость!
Быть пленником, без мысли об обиде —
Нельзя, а мне обидеть вас трудней,
Чем вам обиде той назначить кару.

Гермиона

Вот это хорошо. И я вам буду
Не мрачною тюремщицей — хозяйкой
Приветливой; ну расскажите мне
Хоть что-нибудь о тех годах, когда
Леонт и вы, вы юношами были,
Должно быть, резвыми, шалили много?

Поликсен

Отвечу я прелестной королеве,
Что мы стремились в жизнь, не озираясь,
Что наши «завтра» и «сегодня» были
Похожи друг на дружку и что юность
Казалась вечною.

Гермиона

А мой супруг,
Конечно, был резвейшим из обоих?

Поликсен

Мы были, как барашки-близнецы,
Что в блеске солнца, будто в шутку, бьются.
В невинности наивной я и он
Считали невозможным зло в других,
Как и в себе. И если б нам пришлось
Такую жизнь продлить и наша кровь
Не подсказала нам других стремлений,
Могли бы мы на небеса предстать
В числе «невинных», если б не зачесть
Греха — наследья праотца людского.

Гермиона

Но этим вы даете мне понять,
Что позже наверстали?

Поликсен

Королева!
Конечно, искушенья наступили
С годами, только потому что та,
Что мне теперь жена — была дитятей,
Когда мой ус едва лишь пробивался,
А ваши прелести не ослепили
Очей Леонтовых.

Гермиона

О, ради Бога!
Не делайте дальнейших заключений,
А то меня и королеву вашу
Представите вы демонами злыми,
Причинами падений. Мы простим
Ваш грех, загладим свой, но докажите,
Что вы впервые с нами согрешили,
Грешите с нами, а ни с кем другим,
Как только с нами.

Леонт

Что ж, согласен он?

Гермиона

Он остается.

Леонт

Мне он отказал!
Ты, Гермиона дорогая, право,
Не говорила лучше никогда.

Гермиона

Как никогда?

Леонт

Раз, только раз один.

Гермиона

Сегодня был второй, когда же первый,
Скажи? Меня, как птичку, похвалами
Вскорми. Похвальное деянье, если
Его не ценят, гибнет; вместе с ним
И тысячи других хороших гибнут,
Не проявляясь. Похвала — награда!
Ты сладким поцелуем подгоняешь
Меня на сотни миль, а шпорой только
На несколько шагов. Однако — к цели.

Последнее хорошее деянье
Мое — что короля остановила.
А — первое? Второму старший брат
Имеется, так заключаю я.
Из ваших слов. Скажите же скорее,
Сгораю нетерпением узнать.

Леонт
В те дни, когда в три месяца тяжелых,
Тобой измучен, наконец, успел я
Тебя принудить руку мне открыть,
И сжал ее в своей руке, и ты
Проговорила мне: «твоя навеки».

Гермиона
Ты прав, то было славное деянье!
Итак, я дважды складно говорила.
Речь первая — дала мне короля
Навеки, речь вторая — друга, только
На краткий срок.
(Протягивает Поликсену руку.)

Леонт *(в сторону)*.
Не в меру горячо!
Так близким в дружбе быть — кровь примешать!
В груди моей щемит, и сердце бьется
Невесело. Прием его по виду,
Конечно, честен и невинен; он
Хорошим кажется и откровенным,
И им к лицу — я это признаю.
Но это рук пожатье, этот трепет
Ласкающихся пальцев, и улыбки,
Как перед зеркалом, друг перед другом,
И вздохи, как у раненой косули,
Мне не по сердцу и не по уму.
Мамилий! ты мне сын?

Мамилий

Да, сын!

Леонт

Так, так!
Мой петушок-цыпленок. Нос твой грязен;
На мой походит, говорят. Идем!
Прибраться надо, мытым надо быть,
Не только мытым — чистым. Бык, корова,
Теленок, всем им надо прибираться.
(Смотрит на Гермиону и Поликсена.)
А все они друг дружке руку жмут...
Ну, мой теленочек, пойдем. Ты мой
Теленочек?

Мамилий

Да, если хочешь, так.

Леонт

Нет шкуры у тебя, нет украшений
На голове, чтоб быть совсем похожим
На батюшку. А все же говорят,
Что схожи мы так, как яйцо с яйцом;
То бабы говорят, чтобы болтать!
Но, будь оне фальшивы, как кусок
Материи дурной, в окраске черной,
Как ветер, как вода, как цифры кости
Игральной, в шулерских руках, — а все же —
Ты схож со мной! Приди ко мне, мой мальчик,
Глянь оком голубым в меня, мой милый!
Кость от костей моих! нет, невозможно,
Чтоб мать могла твоя... могла бы вправду...
О страсть! ты в сердце будто нож стремишься,
Возможным делаешь, что невозможно,
Братаешься с виденьем сна, с обманом...
(Как может это быть?) с тем, что ничто?
Что ж удивительного, если мы
Объединяем то, что есть по правде,

С тем, что обман, видение, пустое...
Объединяем больше, чем хотим!
И вот, я чувствую, как отравляешь
Ты мысль мою и убиваешь мозг.

Поликсен
Что думает Сицилия?

Гермиона
Расстроен
Как будто бы король?

Поликсен
Скажи, Леонт,
Что сделалось с тобою, брат любезный?
О чем ты думаешь?

Гермиона
Глядишь, как будто
Тебя далеко мысль твоя уносит?
Здоров ли ты?

Леонт
Я? ничего! здоров!
(В сторону.)
Как часто в нас природа выдает
Другим свое безумие и нежность,
Нас делая игрушкой бессердечных!
На мальчика взглянув, я вспоминаю
(Уж двадцать три тому минуло года):
В зеленой бархатной ходил я куртке,
Коленки были голы, мой кинжал,
Чтоб своему владельцу не вредил он,
Что часто с украшеньями бывает,
Был тщательно обвязан. Как похож
Я был тогда на этого малютку!
(Сыну.)
Скажи, дружок, поддашься ль ты обману?

Мамилий
Нет. Я драться буду!

Леонт
Драться? ну, желаю
Тебе я счастья! Брат, скажи, твой сын
Тобой любим не менее, чем нами
Мамилий?

Поликсен
Да, когда бываю дома,
Он мне — мое занятье и забава:
То верный друг, то враг непримиримый,
Мой льстец, мой воин, мой советник важный;
Короче, он мне все! он сокращает
Июльский длинный день в декабрьский краткий,
И вереницей всяческих забав
Ребяческих мне разжижает мысли,
Готовые свернуть во мне всю кровь.

Леонт
Совсем как мой здесь у меня; теперь
Идем мы с ним вдвоем и оставляем
Тебя, король, твоим занятьям важным.
Ты, Гермиона, докажи приемом,
Насколько любишь моего ты брата;
Что дорого у нас — дай за ничто.
Вслед за тобой и сыном он мне ближе
Всех, всех других.

Гермиона
А ежели искать
Нас будешь, мы в саду к твоим услугам;
Там будем ждать вас.

Леонт
Это, как угодно.
Уж я найду вас, если только вы

Под небом будете.
(В сторону.)
Забросил я
Крючок с наживкой. Им он незаметен...
Ну, клюй же, на, бери...
(Следит за Поликсеном и Гермионой.)
О, как она
К нему свой рот протягивает клювом,
Кокетством женщины вооружаясь
На глупость мужа!
(Уходят Поликсен, Гермиона *и свита.)*
Вот они исчезли!
Беспомощно, во весь мой лоб рогат!
Ступай, сынок, играть, ведь мать играет,
И я играю, но презлую роль,
Ведущую ко гробу. Свист, смешки
Послужат звоном колокольным мне
В час похорон! Иди, дитя, играй.
Когда не ошибаюсь, вечно были
Рогатые мужья; таких не мало,
Что обнимая в эту, вот, минуту
Свою жену, совсем не склонны мыслить,
Что дверь была открыта до него
Улыбочкой снабженному соседу.
Да, в этом утешенье, что другие
Такие же находят двери дома
Открытые, как я, и против воли.
Когда б все те мужья, которым жены
Неверны, предались своей печали,
Десятая повесилась бы часть
Мужей несчастных. Доктор тут бессилен.
Тут сводничает некая планета
Неотразимая, когда засветит
На север или юг, восток иль запад.
Отсюда — вывод: женщины не спрятать;
Она врага и выпустит и впустит,
И тысячи мужей страдают тем же.
Мы так и будем знать. Ну, что, Мамилий?

Мамилий
Мне говорят, я на тебя похож.

Леонт
Что ж? Это утешенье. Эй! Камилл!

Камилл
Что нужно королю?

Леонт
Ступай, Мамилий,
Играй, мой умница!
*(*Мамилий *уходит.)*
Камилл, ты слышал:
Король гостить здесь остается?

Камилл
Слышал.
А как вам много стоило труда
На якоре его здесь удержать:
Бросали якорь вы — он все срывался.

Леонт
А ты заметил?

Камилл
Не сдавался он
На ваши просьбы; на дела свои
Настойчиво ссылался.

Леонт
Ты заметил?
(В сторону.)
Так, значит, я заметил не один,
Заметили еще другие, шепчут,
Что я, король, уже... должно быть, зло
Довольно сильно, если я последним

Его заметил. Расскажи, Камилл,
Как это сделалось, что он остался?

Камилл
Поддался просьбе доброй королевы.

Леонт
Да, королевы, так, но доброй — это
Должно б так быть — оно и да, и нет.
А ты скажи, Камилл: к соображенью
Такому ты один пришел? быть может,
Другие тоже? Губчатый ум твой
В себя вбирает все соображенья
Не так, как прочие. Скажи ты мне:
Те, что глупей, сообразили тоже?
Толпа слепа для этаких вещей.

Камилл
Для этаких вещей? Я смею думать
Всем ясно, что король здесь остается.

Леонт
Что ясно?

Камилл
То, что остается он.

Леонт
Так, но зачем?

Камилл
Чтобы исполнить просьбы,
Как вашу, так и просьбу королевы.

Леонт
Да, просьбу королевы чтоб исполнить.
Достаточно тебе, Камилл, вверял я

Все побужденья сердца, тайны мысли;
Ты, как отец духовный, облегчал
Мне грудь; но я тобой обманут
И в честности твоей ошибся я.

Камилл
О! сохрани Господь!..

Леонт
Меня от веры
В тебя, Камилл! Нет, ты совсем нечестен.
А если ты и честен — то труслив,
И честности твоей мешаешь сам;
И ты одно из двух: или слуга,
Поверенный всех тайн моих, но слабый,
Забывчивый, иль, попросту, глупец,
Смотрящий, как проигрывают ставки
За ставками, и видящий в игре
Не разоренье — шутку!

Камилл
Мой король!
Когда б я был труслив, иль нерадив,
Иль просто глуп, то нет таких людей,
В которых эти качества порою
Не сказывались в жизни. Но допустим,
Что это так: что если нерадив
Я был сознательно — так это было
По глупости моей; когда глупцом
Казался, то по невниманью только
К последствиям; являлся трусом я,
Когда исход казался мне неясен —
Подобный страх доступен даже мудрым.
Все это слабости. Но не изъята
Тут честность! Умоляю вас, король,
Яснее говорить! Мою вину
Лицом ко мне поставьте: если я
Виновен — то сознаюсь!

Леонт

Ты видал ли
(Не видеть ты не мог, когда твой глаз
Не слеп), слыхал ли ты (не слышать трудно,
Когда кричат), ты думал ли когда
(А можно ли не думать, мозг имея),
Что королева неверна? А если
Ты в том уверен (был бы стыд и срам
Свой ум, глаза и уши отрицать),
Так ты скажи мне прямо: королева
Простая... как бы мне ее назвать...
Ту, что себя до свадьбы отдает?
Скажи, что да — и докажи, что скажешь.

Камилл

Клянусь душой моей, я б не хотел
Стоять и слушать, как теперь случилось
Такое поношенье королеве —
И не отмстить! Нет, в жизни никогда
Не говорили вы подобной речи,
Чтоб вам так мало шла, как эта речь!
Еще раз повторить, что вы сказали —
Грешней, чем сделать то, в чем усомнились.

Леонт

Шептаться разве ничего не значит?
Щекой к щеке и носом к носу быть,
И целовать хотя бы незаметно,
И прерывать нежданным вздохом смех
(Вернейший знак обмана), на конях
Бить стременем о стремя, по углам
Скрываться и желать, чтобы скорей
Часы мгновенья шли и полдень в полночь
Скорее обращался, чтоб ослепли
Все, все глаза, чтоб им одним глядеть
И для греха сходиться! Это ль вздор?
Тогда весь мир подлунный вздор, и небо
Такой же вздор! Богемия и та

Ничто, ничто — жена, и все ничто,
Все вздор!

Камилл

Владыка мой и мой король!
Скорее излечитесь от безумья:
Оно опасно.

Леонт

Да! но и правдиво!

Камилл

Нет, государь.

Леонт

Ты лжешь! все это правда!
Ты лжешь, и ненавижу я тебя,
И называю дураком безмозглым
Или притворщиком, который смотрит
Равно бесстрастно на добро и зло
И любит их равно! Будь кровь жены
На столько же, как жизнь ее, скверна,
Она не прожила бы даже срока
Движения песка в часах песочных.

Камилл

Кто ж совратил ее?

Леонт

Никто, как он
Богемец: у него она висит
На шее, что медаль. Когда бы я
Имел слуг верных, не таких, как ты,
Что только выгодам своим послушны,
Давно б они сумели прекратить
Его деянье. Ты, клеврет его,
Мной поднятый из тьмы, ты, что умеешь
Глядеть с такою ясностью, как смотрят

Земля на небо и на землю небо —
Ты ранее других заметить мог бы,
Как оскорблен я, и ты должен был
Отраву подмешать ему в питье,
Его навеки усыпить и этим
Мне, королю, здоровье возвратить.

Камилл
Да, государь! я мог бы сделать это,
И не мгновенным ядом, но тихонько,
Таким, чтобы на яд похожим не был!
Но не могу увериться я в том,
Что эта грязь коснулась королевы;
Так девственна она в своем величьи!
Я вас люблю...

Леонт
А! если так, сгнивай
В твоем сомненьи. Думаешь ли ты,
Что я так глуп, чтоб сам себя замучить?
Чтоб ложе брачное мое позорить,
То ложе, на котором мне спалось
Так сладко, на котором вдруг взросли
Шипы, крапива, оводов уколы?
Что я так глуп — на сына моего
Набросить тень, на сына дорогого
Набросить без действительной причины,
Без доказательств? Ну, скажи ты сам:
Способен ли разумный человек
К такой нелепости?

Камилл
Я должен верить!
И с королем Богемии покончу,
Но, под условьем, чтобы вслед за смертью
Его, вы вашу милость королеве
Вернули всю, хотя бы ради сына,

Чтобы не дать причины болтовне
В других странах, нам дружных королевствах.

Леонт
Что ты советуешь — решил я сам:
Честь королевы не хочу порочить.

Камилл
Ступайте ж, государь! спокойны будьте,
На пиршествах веселым оставайтесь.
Я Поликсену подношу питье —
И если то питье здорово будет,
То не считайте вы меня слугой.

Леонт
Ступай, исполни! Сделаешь — тогда
Полсердца моего тебе даю;
Не сделаешь — твое я раздвою.

Камилл
Я сделаю.

Леонт

А я, как ты сказал,
Веселым буду.
(Уходит.)

Камилл
Горе — королеве!
Но я-то что при этом всем, что я?
Убийцей быть хорошего монарха?
Причина этому всего одна:
Властителю слепое послушанье —
Властителю, который сам с собой
В борьбе бессмысленной, желает, чтобы
И все другие мыслили, как он!
Исполнив это, сослужу я службу.

Но если б тысячи людей сумели
Достигнуть счастья своего убийством
Князей, помазанных на царство — все же
Я б этого не сделал. Камень, бронза,
Пергаменты примеров не хранят
Убийств таких, и злобствующий изверг
Его не совершит — и потому-то
Я двор покинуть должен. Все равно:
Убью, иль нет, себе сломаю шею.
Звезда счастливая, свети мне! Вот
Идет и жертва!

Входит Поликсен.

Поликсен

Странно это очень,
Но, кажется, ко мне охолодели;
Не говорят... привет, Камилл!

Камилл

Поклон
Властителю и господину!

Поликсен

Есть ли
Что нового у вас?

Камилл

Как будто мало.

Поликсен

Король ваш смотрит так, как будто он
Полцарства потерял, страну такую,
Что, как себя, любил. Его я встретил,
И встретил так, как и всегда, поклоном;
Он в сторону взглянул и улыбнулся
Презрительно, и быстро прочь пошел,

А я остался неподвижный думать
О том, что изменить его могло?

Камилл
Я, государь, угадывать не смею.

Поликсен
Как? ты не смеешь? знаешь и не смеешь
Мне рассказать? Однако если знаешь
Ты что-нибудь — то знаешь также то,
Что сам себе не скажешь: знать не смею!
По твоему лицу я вижу — ты
Смущен не менее меня. Я должен
Причину этих изменений знать.

Камилл
Царит тут некая болезнь средь нас,
Которую я вам назвать не смею;
Скажу лишь только, что она от вас,
Здорового, пришла.

Поликсен
                                        Как от меня?
Не придавай мне взгляда василиска:
На много тысяч я людей смотрел,
Они от этого счастливей были,
Не умирали. Ты — дворянской крови!
Учен и многоопытен, и это
Не меньше человека украшает,
Чем слава имени достойных предков.
Когда проведал что о мне — скажи,
Не укрывай в неведеньи, в незнаньи.

Камилл
Мне говорить нельзя.

Поликсен
                                            Какой-то недуг

Вдруг от здорового пришел! здоровый,
Но заражающий другого — я!
Камилл! ты должен мне сказать, что знаешь;
Я заклинаю именем всего,
Что честно, я прошу тебя о честном!
Скажи: что на меня воздвиглось втайне?
В чем дело? близко ль, далеко ли горе?
И как его избегнуть, если можно,
А если не избегнуть — как снести?

Камилл
Извольте, если так. Во имя чести,
И человеку честному, как вы.
Послушайте совета моего,
Исполните его скорей, чем я
Его скажу вам, или оба мы, —
И вы, и я, погибли безвозвратно.

Поликсен
Ну, дальше, дальше!

Камилл
Я на то назначен,
Чтоб вас убить!

Поликсен
Кем?

Камилл
Королем...

Поликсен
За что?

Камилл
Он думает... нет, он клянется, — точно
Сам видел иль способствовал тому, —
Что вы — в связи́ преступной с королевой.

Поликсен
Пусть обратится кровь моя в отраву,
Коль это так! пусть имя Поликсена
Сольется с именем того, кто продал
Найлучшего из смертных, пусть оно
Гнилой заразой отдает и гонит
Прочь от меня людей с чутьем тупейшим;
Пусть все его клянут и ненавидят,
Как худший мор, бывавший на земле.

Камилл
Хоть поклянетесь вы звездами неба,
Что это ложь — скорее океану
Вы возбраните морю покоряться
В его приливах, чем в его уме
Разрушите заклятьем иль советом
То, что построил он воображеньем,
Чему поверил сам и что до смерти
Его в нем будет жить.

Поликсен
Но как могло
Все это сделаться?

Камилл
Не знаю. Знаю,
Что в том, что есть — верней всего бежать,
Не спрашивать. Моей доверив чести
(А честь вот в этом теле, я его
Залогом вам даю) бегите ночью;
Я тайно ваших слуг оповещу,
Велю их по два, по три человека
Из города различными путями
Спровадить. Сам я буду ваш отныне,
На вашей службе счастья поищу,
Которое утратил здесь, открывши
Вам тайну. Но решитесь поскорее.
Клянусь я предками моими: правду

Я вам сказал. И если б вы хотели
Ждать доказательства — я ждать не смею,
А ваша жизнь настолько ж непрочна,
Как жизнь приговоренного ко смерти
Устами короля!

Поликсен

Тебе я верю.
В его лице прочел его я сердце.
Дай руку мне, будь рулевым моим,
Ближайшим человеком. Мой корабль
Уже два дня готов, и свита жаждет
Отплытия. Король Леонт ревнует
Чистейшее созданье! Чем оно
Неоценимее, тем ревность глубже,
Сильнее быть должна, и так как он
Считает, что обманут старым другом,
То месть его должна быть соразмерна
Обиде. И меня объемлет страх.
Ну, счастье, улыбнись мне, возврати
Спокойствие прекрасной королеве,
Невинной жертве подозрений злых!
Идем, Камилл! ты будешь мне отцом,
Коль выведешь живым. Бежим скорее.

Камилл

Ключи ворот во власти у меня,
И если, государь, согласны вы,
Бежим тотчас, не медля ни минуты.
(Уходят.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА I

Сицилия. Дворец Леонта.
Входят Гермиона, Мамилий *и* придворные дамы.

Гермиона
Возьмите мальчика — он надоел,
Измучил он.

1-я Дама
Пойдемте, принц! Хотите
Играть со мной?

Мамилий
Нет, с вами не хочу.

1-я Дама
А почему?

Мамилий
Целуете меня
Вы крепко — и со мною говорите,
Как с маленьким.
(2-й даме.)
Вы лучше.

2-я Дама
Почему же?

Мамилий
Не потому, что брови так черны
У вас, хотя, как говорят, оне,
Когда не слишком густы, а круглы,
Как рог луны, рисованный пером,
Идут ко многим женщинам.

2-я Дама

Но кто же
Вас этому учил?

Мамилий

На женских лицах
Я высмотрел. Скажите мне, однако,
Какого цвета ваши брови?

2-я Дама

Сини!

Мамилий
Вы шутите. Бровей такого цвета
Я не видал. Но синий нос я видел
У женщины.

2-я Дама

Послушайте, мой принц:
Вам очень скоро братца Бог пошлет,
И будем мы тогда ходить за ним,
И рады будете вы нас хвалить,
Задабривать, чтоб поиграли с вами.

1-я Дама
Да, королева на последних днях
Круглее стала. Лишь бы в добрый час.

Гермиона
Что там у вас за важный разговор?
Ну, мальчик, подойди ко мне: я снова
Твоя, садись и расскажи мне сказку.

Мамилий
Веселую иль скучную тебе?

Гермиона
Веселую, насколько можешь.

Мамилий

Нет,
Зиме подходит скучная скорее.
Одну про фей я знаю и про духов
Подземных.

Гермиона

Да, вот эту расскажи.
Присядь ко мне и феями твоими
Пугай меня, ты мастер напугать.

Мамилий
Жил был когда-то человек один...

Гермиона
Нет, прежде сядь, а там и говори.

Мамилий
Он жил близ кладбища. Хочу я тихо
Тебе рассказывать, чтобы сверчкам
Вот этим не слыхать.

Гермиона

Тогда присядь
Поближе, чтобы на ухо поведать.

Входят Леонт, Антигон *и придворные.*

Леонт
Вы там его видали? и со свитой?
И с ним Камилл?

1-й Придворный

Да, за сосновой кущей.
И не видал я, чтобы торопились
Так, как они; и я смотрел им вслед
До самых кораблей.

Леонт

Как счастлив я
В соображениях своих; как верен
В правдивых подозреньях. Дал бы Бог
Способность меньше видеть. Дар печальный!
Когда паук к вам в кубок упадет,
Вы выпьете, не замечая яда,
Сознанья он не отравил; но если
Вы увидали паука; и кубок
Был осушен, и вы сознали ясно,
Что было выпито, — тогда бока
И горло ваше растревожит рвота.
Я пил и видел паука, Камилл
Был сводником. Тут ясен заговор
На жизнь мою и трон. Как был я прав,
Подозревая! Этот негодяй
Был избран мной, но им был избран раньше.
Ему мои намеренья открыл он.
Я кукла им обоим, я — потеха,
Игралище! Но как же так легко
Ворота отворились?

1-й Придворный

Силы слова
Его послушались, — оно не раз
Во имя ваше делало и больше.

Леонт

Я знаю это очень хорошо.
(Гермионе.)
Дай мальчика. Я рад, что не кормила
Ты сына. Если у него со мною
В чертах есть сходство — более, чем нужно,
Твоей в нем крови есть.

Гермиона

Что это? шутка?

Леонт
Прочь с мальчиком; возьмите прочь совсем,
Сейчас; и если ей шутить охота,
Пусть шутит с тем, что у нее под сердцем
От Поликсена!

Гермиона
Стоило бы мне
Тебе ответить: он не от него,
Клянусь тебе, что ты бы мне поверил,
И только бы для вида отрицал.

Леонт
Взгляните на нее, взгляните смело,
Попристальней, не правда ль «хороша»?
Но совесть ваша не велит ли также
Добавить: «жаль, что вовсе не честна».
Попробуйте хвалить в ней только внешность
(Причину верности моей давнишней),
Начнут сейчас подергивать плечами,
Насмешливо сквозь зубы улыбаться,
Шептать, предпосылая клевете
Все это, как поджоги до пожара;
Но, впрочем, сожаленье точно так же
Порой клевещет, ежели судить
По внешним знакам; добродетель тоже
От клеветы ничем не защитится.
Пусть ваши все улыбочки и шепот
Относятся к словам «как хороша»,
До прибавленья к ним «честна не меньше»;
Узнайте ж от меня, как от того,
Кто больше всех и глубже всех обижен:
Она — развратница!

Гермиона
Когда бы кто,
Первейший негодяй земли такое

Промолвил слово, хуже бы он стал,
Чем был, — но ты — ты, видимо, ошибся.

Леонт

Ошиблась ты, принявши Поликсена
За мужа, за Леонта. О, созданье,
Которого назвать я не хочу,
Как следует, чтобы людская глупость
Меня себе примером не взяла,
Во всех слоях людей не выражалась
На тот же лад и этим не снесла
Стены заветной, что от века делит
Царей от нищих. Назвал я ее
Развратницей, я на́звал, с кем она
Развратничала; больше я скажу:
Она — изменница, Камилл — сподручник,
И знал он раньше то, что подобало
Знать ей одной с любовником своим:
Знать, что она супружескому ложу
Изменница, не лучше тех, которым
Позорные названья чернь дает,
И было ей о бегстве их известно.

Гермиона

Клянусь, что нет, что я тут ни при чем!
О! как глубоко будешь ты жалеть
Когда-нибудь, когда придешь к рассудку,
Что оскорбил меня при всех так сильно;
Боюсь, что слабым будут оправданьем
Слова пустые — что ошибся ты.

Леонт

О, нет! когда бы ошибался я
В тех основаньях, что теперь имею,
То основанья мощные земли
Не в силах вынести волчок ребенка.
В тюрьму ее! кто скажет за нее

Одно лишь слово, виноват он будет,
Что молвил это слово.

Гермиона

Здесь царит
Влияние какой-то злой планеты
Я терпелива буду, буду ждать,
Пока смягчится небо. — Господа!
Я не склонна, как женщины другие,
К слезам; и их отсутствие, быть может,
В вас иссушает чувства сожаленья,
Так сохнет поле, если нет росы;
Но в сердце у меня печаль безмерна,
Горит и жжет; слезам не погасить
Печали этой; я прошу вас всех
Меня ценить так, как подскажет вам
Влеченье сердца вашего. Затем,
Да будет воля короля.

Леонт *(страже)*

Ну, что же?
Я повелел!

Гермиона

Но кто ж идет со мной?
Прошу вас, государь, оставьте мне
Моих придворных дам. В том положеньи,
В котором нахожусь, оне ну́жны.
Не плачьте, глупые, причины нет;
Когда бы вы действительно признали,
Что королева поделом в тюрьме,
Тогда заплачьте разом, чуть на волю
Я выйду. А теперь мой путь в тюрьму
Мне к чести служит. Счастлив будь, Леонт!
Твоей печали не искала я, —
Боюсь, ее причиной буду.

(Дамам.)

Что же,
Идем со мной, ведь вам разрешено.

Леонт
Прочь с ней, скорей!
(Стража уводит королеву, за нею уходят дамы.)

1-й Придворный
Простите, государь,
Я умоляю вас — ее верните.

Антигон
Да, государь, вам надо обсудить,
Чтобы не сделалось насильем право,
Чтоб важных три лица не пострадали:
Вы сами, королева и наш принц.

1-й Придворный
За королеву вам в залог отдам
Всю жизнь мою, когда б вы согласились.
Пред небом и пред вами невиновна
Она в том, в чем ее вы обвинили.

Антигон
Докажется противное — тогда
Я встану часовым у двери спальни
Моей жены и буду верить ей
Не иначе, как если осязать
Ее и видеть буду. Если только
Бесчестна королева — ну тогда
Нет в женщинах частички, чтоб была
Честна и безупречна: все фальшивы.

Леонт
Молчите!

1-й Придворный

Государь!

Антигон

Для вас я это
Сказал, не для себя. Наушник злобный
Вас обманул. Будь проклят, кто сказал.
Знай я его, расправился бы с ним.
Она бесчестна! у меня три дочки;
Старшой одиннадцать, а двум другим —
Девятый год и пятый. Если правда,
Что вы сказали, пусть тогда оне
Ответят: их способности лишу я
Быть матерями и иметь детей.
Четырнадцати лет не доживут,
Чтобы плодить потом ребят бесчестных.
В них все мое потомство. Но скорей
Себя лишу я средства стать отцом,
Когда расчет на честность поколенья —
Ничто!

Леонт

Молчите! в вас обоих нет
Живого обоняния; носами
Вы, как и мертвые, не в силах нюхать.
Я то же вижу, то же осязаю,
Что вы, но различаю также ясно
И то, чем различаю.

Антигон

Если так,
То честности могилы не найти,
И нет такой могилы, чтоб служила
Земли проклятой украшеньем.

Леонт

Разве
Не верят мне?

1-й Придворный

О, государь, простите!
Хотелось бы, чтоб в этом деле мне,
Не вам поверили. Хотел бы я,
Чтоб королевы честь торжествовала
Скорей, чем ваши злые подозренья.
Хулить меня вам воля, государь!

Леонт

Какое дело мне до мыслей ваших,
Влеченью я последую без них.
На то король я, чтобы быть во власти,
И только доброта моя дает
Вам право рассуждать со мной. А если
Вы по притворству, или по природе
Не видите того, что вижу я,
Иль не хотите видеть, все равно,
Сужденья ваши мне совсем не нужны;
Тут дело самое, права короны,
Убыток или прибыль — все мое.

Антигон

Тогда осмелюсь я заметить только,
Что многим лучше было бы в молчаньи
Все дело обсудить, не дав огласки.

Леонт

Да разве иначе я мог? Иль ты
Дурак с рожденья, иль от долгой жизни.
Камилла бегство, нежность их обоих
(Настолько грубая, чтоб оправдать
Смысл подозренья; не хватало только
Одной наглядности, а все другое
Давно в ней было) — вот что привело
Меня к поступку. Но для убежденья
В правдивости моей (здесь торопливость
Была бы гибельна) гонцов послал я

К дельфийскому оракулу спросить:
Дион мой послан вместе с Клеоменом,
Они надежны оба. Пусть оракул,
Святой совет его, внушит, что делать:
Идти ли дальше, иль остановиться.
Скажите, хорошо ли поступил?

1-й Придворный
Прекрасно, государь!

Леонт
Хоть мне довольно
Того, что знаю, больше знать нельзя,
Но для спокойствия других оракул
Пусть говорит, пусть успокоит вас,
Настолько глупых, чтоб не верить правде.
Отправил королеву я в тюрьму,
Чтоб прекратить возможность завершенья
Измены, обнаружившейся в тех
Обоих беглецах. Идем со мною.
Намерен я народу говорить,
Все это дело сильно возбуждает.

Антигон *(в сторону)*
И смехом кончится, я смею думать,
Как только правда к свету путь найдет.
(Уходят.)

СЦЕНА II

Преддверье тюрьмы.
Паулина *с прислужницами входит.*

Паулина
Позвать тюремщика.
(Служитель уходит.)
Сказать, кто я.

О, королева! нет двора в Европе
Достойного тебя, так что ж в тюрьме
Ты делаешь?
(Служитель с тюремщиком *входят.)*
Ты знаешь ли меня?

Тюремщик
Ты женщина, достойная почтенья, —
И кланяюсь тебе.

Паулина
Тогда прошу я,
Чтоб к королеве ты провел меня.

Тюремщик
Не смею, госпожа! мне дан приказ
Отнюдь к ней никого не допускать.

Паулина
Здесь, значит, честность под замок сажают
И запрещают в горе утешать.
Но с дамами из королевской свиты,
С Эмилией могу я говорить?

Тюремщик
Когда вы прочь прислужниц удалите,
Я приведу Эмилию тогда.

Паулина
Прошу ее позвать.
(Прислужницам.)
Вы удалитесь.

Прислужницы уходят.

Тюремщик
А я присутствовать обязан буду.

Паулина
Ну хорошо, ступай и приведи.
(Тюремщик *уходит.)*
Однако как же тут хотят прилежно
Подмалевать невинность! Только краска
Не пристает к ней.
(Входят тюремщик *и* Эмилия*.)*
Что же королева,
Как чувствует она себя?

Эмилия
Так бодро,
Как можно чувствовать себя, упав
С больших высот в глубокое несчастье.
Печаль и страх, каких не испытала
Другая женщина, ее сломили, —
Она, не выждав срока, родила.

Паулина
Что ж — мальчика?

Эмилия
Нет, девочку — красотку,
Веселое и крепкое дитя;
И королева тешится ребенком,
И, то и дело, шепчет ей: «бедняжка,
Как я, невинна и, как я, в тюрьме».

Паулина
Еще бы нет! Опасное безумье,
Проклятое безумье короля!
Он должен это знать, и он узнает,
И сделать это женщине удобней,
И на себя возьму я это. Если
Язык мой подсластит свои слова,
То пусть присохнет он к своей гортани,
И не гласит вперед громовой речью,
Как выраженьем гнева моего.

Эмилия, скажите королеве,
Что честную хочу я сослужить
Ей службу. Ежели она ребенка
Доверит мне, его я к королю
Снесу и покажу ему дитя,
И буду с ним бесстрашно говорить;
Взгляд короля — дитя смягчит; невинность
Молчащая — порой сильнее слов.

Эмилия
Мысль ваша так смела, и, при известной
Всем вашей честности и доброте,
Исход желанный несомненен будет.
Нет женщины, чтоб лучше вас сумела
Исполнить это важное посольство.
В соседней комнате меня дождитесь:
Я королеве тотчас доложу.
Она имела ту же мысль сегодня;
Не смела только предложить исполнить
Ее кому-нибудь, боясь отказа.

Паулина
Скажите ей, что красноречья будет
Во мне достаточно, и если только
Мое уменье говорить сравнится
С порывом сердца, что меня влечет,
Успех мой обеспечен.

Эмилия
Дай-то Бог!
Иду сказать, а вы поближе будьте.

Тюремщик
Сударыня! когда бы королева
Ребенка вам вручила, я не знаю,
Какой опасности подвергнусь я,
Дозволив это, не имея права!

Паулина
Не бойся ничего. Ребенок был
В утробе матери — в тюрьме, теперь,
Послушный голосу самой природы,
Свободен он, и злобе короля
Его коснуться нет совсем причины;
Виновна мать — когда б была вина.

Тюремщик
Да, да, конечно.

Паулина
Ничего не бойся:
Между тобой я стану и грозой.
(Уходят.)

СЦЕНА III

Комната во дворце.
Входят Леонт, Антигон, *придворные и служители.*

Леонт
Ни днем, ни ночью нет покоя. Слабость
Моя причиною того, что я
На это дело так смотрю, и слабость
Тем большая, что часть вины их общей,
Изменница — в моих руках. Король
Бежал, и я добыть его не в силах,
Зато она во власти у меня.
Когда бы кто сказал мне, что огонь
Ее испепелил — тогда, быть может,
Покойней стал бы я опять. Кто там?

1-й Служитель
Я, государь!

Леонт

А как здоровье сына?

1-й Служитель

Он ночь спокойно спал, и есть надежда,
Болезнь пройдет.

Леонт

Что значит: честной крови!
Он понял матери вину, зачах,
Как будто часть вины в себя он принял,
Лишился сна, веселости; к еде
Охоту потерял, и все хилеет.
(Служителю.)
Ступай отсюда, погляди, что с принцем.
О, стыд какой! не думать бы о нем;
Чуть вспомню я — тогда все планы мщенья
Как будто на меня же упадают.
Король силен друзьями и собой:
Его до времени оставить нужно.
Зато она! Камилл и Поликсен
Смеются надо мной, трунят над грустью,
Не стали бы смеяться, если б я
Достать их мог обоих. Ей смеяться
Не доведется под моей рукой.

Входит Паулина *с ребенком.*

1-й Придворный

Нельзя, нельзя, войти сюда нельзя!

Паулина

Вам было бы приличней, господа,
Помочь мне — не мешать! Быть может также
Гнев яростный, тиранство короля
Страшней возможной смерти королевы,
Той королевы, что чиста настолько ж,
Насколько он бессмысленно ревнив?

Антигон
Довольно!

2-й Служитель
Государь не спал! Велели,
Чтоб никого не допускать.

Паулина
Однако
Не горячитесь, мой любезный друг!
Я королю хороший сон несу,
А вы, что залегли вокруг, как тени,
И ползаете и стонать готовы,
Чуть он вздохнет, — вы именно причина
Бессонницы его, а я явилась
С целебным словом, с правдою в душе
Чтобы изгнать из царского сознанья
То, что лишает наслаждений сна.

Леонт
Что там за шум?

Паулина
Не шум, о государь,
Нужда вас видеть, для того, чтоб знать,
Кому быть крестными новорожденной?

Леонт
Как! вон ее! отважная какая!
Тебе велел я, Антигон, строжайше
Ее мне на глаза не допускать;
Предчувствовал я это посещенье.

Антигон
Я приказал ей, государь, не сметь
Являться. Угрожал ей вашим гневом,
Моим...

Леонт

И что же? не сумел сдержать?

Паулина

Сдержал бы он меня, когда б дурное
Имела я в виду (иначе б он
То сделать должен был, что вы: отправить
Меня в тюрьму за то, что я честна);
Но верьте, государь, что в этом деле
Ему не уступлю я ни за что.

Антигон

Смотрите! видите вы сами! Если
Она закусит удила — тогда
Ей дать свободу надо — не споткнется.

Паулина

Я, государь, пришла к вам, чтобы вы
Послушали меня, свою слугу
Вернейшую, искусного врача,
Советника хорошего, чтоб в вас
Недуг ваш исцелить, хотя по виду
На это менее способна я,
Чем многие из ваших приближенных.
Я к вам пришла от доброй королевы!

Леонт

От доброй!

Паулина

Да, от доброй королевы,
От доброй, повторяю я еще.
И будь мужчиной я, последним, низшим,
Из тех, что окружают вас — мечом
Я слово подтвердила бы на деле.

Леонт

Возьмите вон ее!

Паулина

Пусть подойдет,
Кому глаза не дороги. Уйду я
Своею волею, но сделав дело.
Вам королева дочку родила
И шлет ее, чтоб вы благословили.

Леонт

Вон с этой ведьмой! вон! за двери сводню!

Паулина

О, нет, не сводня я. Занятье это
Я знаю так же мало, государь,
Как вы меня. Настолько ж я честна,
Насколько вы безумны. О заклад
Побьюсь, что этого совсем довольно,
Чтоб честным быть в наш злополучный век.

Леонт

Изменники! возьмите же ее!
Щенка с собой ей дайте!
(Антигону.)
Ты, дурак,
Гонимый курицей с гнезда родного,
Возьми щенка и передай ей, дуре!

Паулина

Тронь только девочку! и будут руки
Твои бесчестны раз и навсегда,
Чуть, вслед за кличкой этой, прикоснешься.

Леонт

Жены боится!

Паулина

Как бы я хотела,
Чтобы того, чем так испуган он,

Вы сами испугались, и тогда
Своих детей признали бы своими.

Леонт
Гнездо изменников!

Антигон
Я не изменник!

Паулина
Ни я, ни кто другой, но с исключеньем
Лишь только одного, того из нас,
Кто честь свою святую, королеву,
И принца, и вот этого ребенка
На поруганье людям отдает, —
На поруганье, что меча острее;
Того из нас (и в этом все проклятье),
Кого никак заставить невозможно —
Кто не дает нам корни подозренья
Из сердца вырвать, корни столь гнилые,
На сколько прочен дуб и крепок камень.

Леонт
О! баба с языком неудержимым!
Она сначала мужа поколотит,
Потом — меня! Щенок вот этот самый
Не от меня — от Поликсена. Пусть
Возьмут его и мать его и бросят
В костер обоих.

Паулина
Это ваша дочь!
И поговорку здесь сказать у места:
Дитя до срама на отца похоже.
Смотрите: как издание ни мелко,
В нем отпечатан целиком отец.
Взгляните на глаза, на носик, губы,
На склад бровей, на рот, на подбородок

С его дорожкой, ямочки в щеках,
Улыбка, ручка, пальчики и ногти.
Природа-мать! когда ты сотворила
Дитя вполне по образцу отца,
Создай и душу схожую, все краски
Ты в ней смешай, но только кроме желтой,
Чтобы оно, во имя подозренья,
В своих детях не видело чужих.

Леонт
Бессмысленная ведьма! Ты же, старый
Бараний лоб, достоин быть повешен,
Когда зажать ей рот не можешь ты.

Антигон
Когда бы всех, кто этого не может,
Пришлось повесить, государь, немного
У вас бы подданных осталось.

Леонт
Снова
Повелеваю я ее убрать!

Паулина
Вы хуже, нечестивей, беззаконней
Всех государей.

Леонт
Сжечь велю тебя!

Паулина
Мне это все равно. Еретиком
Окажется не тот, кого сожгут,
А кто сожжет, и вас назвать тираном
Я не хочу, но то, как поступили
Вы с королевою и без причины,
А только злому вымыслу послушны,

Похоже на тиранство; опозорит
Вас перед целым светом.

Леонт

Присягал ты
Мне, иль нет? а если присягал —
Гони ее за дверь! Когда б тираном
Я был по правде — ей тогда б не жить.
Когда б меня тираном признавала
Она — тогда не смела б так назвать.
Прогнать ее!

Паулина

Уйду, уйду сама...
Вы на дитя взгляните, государь:
То ваше дитятко! Подай Зевес
Ему защиту лучшую, чем вы.
И ваших рук не надобно мне также,
Льстецы и прихвостни безумья злого.
Никто из вас добром ему не служит,
Никто, никто! Прощайте, я иду.
(Уходит.)

Леонт

Изменник ты: ее ты подучил?
Мое дитя? Нет, вон его скорее;
Ты именно, ты прочь его тащи;
К нему ты сердцем добр — неси же прочь
И кинь в огонь. Ты, ты, никто другой.
Возьми сейчас, и через час ты скажешь,
Что все исполнено, как я велел.
Не сделаешь — тогда ты состояньем
И жизнью мне ответишь. Если ж скажешь,
Что, гнева моего не испугавшись,
Не можешь ты исполнить, ну, так я
Своей рукой пробью ребенку череп.
Иди кидай в огонь; твою жену
Ты подучил.

Антигон

Нет, государь, не я,
Свидетели все те, что здесь собрались,
И оправдают, если захотят.

1-й Придворный

Да, государь, он вовсе не виновен.

Леонт

Все лжете, все!

1-й Придворный

Простите, государь!
Подумайте о слугах ваших лучше.
Мы честно служим, лучшего достойны.
Все на коленях просим вас в награду
За службу нашу прошлую, за службу
Грядущую — решенье отменить.
Оно кроваво и ужасно; страшен
Исход быть может. На коленах мы!

Леонт

Что ж? перышко я, что ли, чтоб по ветру
Вертеться мне? Не доживу ли я
Того, чтобы щенок, встав на колени
Передо мной, отцом бы величал?
Нет, лучше сжечь теперь, чтобы не клясть
Потом, с годами... Но, пускай живет;
Да, лучше пусть живет!
(Антигону.)
Поди сюда,
Ты, что так нежен с бабкой Маргаритой,
Своей женой, которая хлопочет
Так о щенке, прижитом незаконно;
Да, незаконно; это так же верно,
Как то, что борода твоя седа.
На что готов ты, чтоб его спасти?

Антигон
На все готов, на все, на что способен,
Что честь подскажет. Я готов отдать
Всю кровь мою, чтоб защитить невинность,
Все, что возможно.

Леонт
То, чего хочу,
Возможно. Поклянись сначала мне,
Что ты исполнишь, как тебе велю я.

Антигон
Клянусь вам, государь!

Леонт
Смотри же, слушай,
И если не исполнишь хоть на йоту,
То будешь ты казнен и не один,
С женой твоей, проклятою болтуньей,
Которой я прощаю. А тебе,
Что присягал мне и поклялся клятвой,
Повелеваем взять щенка отсюда
И выкинуть в глухую пустошь, в поле,
Вне царства нашего. Оставишь там
Без сожаленья под защитой неба
И собственной судьбы. Случайно он
Попал ко мне. Обязанность твоя
(Спасением души твоей и тела,
Жестокой пыткой, заклинаю я)
Его в трущобу кинуть, чтобы случай
Его вскормил иль умертвил. Возьми!

Антигон
Клянусь исполнить, как вы повелели,
Хотя бы человечней было разом
Покончить с ним. Отправимся, дитя
Несчастное! Могучий дух внушит
Воронам, коршунам тебя кормить;

Медведь и волк порою совершали
Такие службы. Вы же, государь,
Живите счастливей, чем заслужили
Поступком этим. А тебя, дитя,
Да защитит благословенье неба,
Ты, бедное, несомое на смерть.
(Уходит с ребенком.)

Леонт
Нет, чуждого отродья не хочу
Воспитывать.
(Входит служитель.)

Служитель
Тому лишь час назад
Вернулись Клеомен с Дионом; оба
Спешат к вам, государь, сюда с решеньем
Дельфийского оракула.

1-й Придворный
Так быстро,
Невероятно быстро возвратились.

Леонт
Лишь двадцать третий день они в пути,
Да, очень быстро. Мощный Аполлон
Торопится направить правду к свету.
Вы приготовьтесь тотчас к заседанью
Судить изменницу, мою супругу.
Публично обвиненная при всех —
Пускай себя публично защищает.
Пока она в живых, мне нет покоя.
Ступайте и свершите мой приказ.
(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА I

Сицилия. Городская улица.
Входят Клеомен *и* Дион.

Клеомен
Там климат бесподобен, воздух чист,
И остров плодоносен. Самый храм
Красивее, чем даже говорят.

Дион
Скажу о том, чем восхищен я больше
Всего: одежд небесный блеск (иначе
Сказать о них я не могу) и важность
Жрецов достойных. А богослуженье!
Как празднично, торжественно и свято
Его свершили.

Клеомен
А поверх всего
Оракула глушащий уши голос
Сродни громам Юпитера; во мне
Сознанье заглушил он.

Дион
Если только
Исход поездки нашей счастлив будет
Для королевы (о, когда бы так!)
Настолько счастлив, как он был для нас
Необычайно быстр, тогда мы оба
Распорядились временем чудесно.

Клеомен
Великий Аполлон! веди ко благу!
Не по сердцу мне это оглашенье

По улицам того, что навязать
Хотят, как преступленье, Гермионе.

Дион
Вот эта резкость именно поможет
Все дело разъяснить скорей и кончить,
Когда узнают то, что под печатью
Великий жрец от взоров наших скрыл —
Слова оракула; они откроют
Нам очень много нового. Живее,
Других коней, на счастливый конец.
(Уходят.)

СЦЕНА II

Зал суда.
Леонт, Придворные *и* Судьи *сидят на местах.*

Леонт
Нас настоящий суд (признаться должен)
Глубоко за сердце хватает, так как
Виновная, дочь короля, супруга
Моя, любима мной была глубоко.
Свободны мы от всякого упрека
В тиранстве, так как суд публичный этот
Пойдет законным ходом к обвиненью
Иль к оправданию ее. Введите
Ее сюда.

Служащий
Веленье короля,
Чтоб королева пред судом предстала.
Молчанье!

Входит Гермиона, *сопровождаемая стражею,* Паулина *и* Дамы *свиты.*

Леонт. Прочитай обвинение!

Служащий. Гермиона, супруга славного Леонта, короля Сицилии, ты обвиняешься в государственной измене и предана суду за то, что ты изменила твоей супружеской верности с Поликсеном, королем Богемии, и, заодно с Камиллом, посягнула на жизнь нашего царственного господина и твоего супруга и что ты, Гермиона, так как умысел твой, благодаря случайным обстоятельствам, открылся, помогла им обоим, в противность долгу и присяге, тем, что дала совет и помощь спастись бегством в ночное время.

Гермиона
Так как все то, что я могу сказать,
Простое отрицанье обвиненья
И доказательства другого нет,
Как то, что я свидетельствую лично,
То мало мне сказать: «я не виновна».
Моя невинность, если б я ее
Доказывать хотела, за обман
Была бы принята. Но если Небо
На нас глядит (а в этом нет сомненья),
Я верю в то, что краскою стыда
Ложь запылает, грубое насилье,
В конце концов, терпению уступит.
Я знаю, государь (хоть вы, конечно,
Незнающим остаться предпочтете),
Что лучше, чем кому-нибудь другому,
Известна вам былая жизнь моя,
Настолько ж безупречная, насколько
Теперь несчастна я. Подобных дел
Не видано в истории, не может
Для сцены быть придумано, чтоб зритель
Был потрясен до сердца. Посмотрите:
Я разделяла ложе с королем,
Владела я полцарством; я сама
Дочь короля великого; я мать
Исполненного лучших качеств принца —

И я должна стоять вот здесь, пред всеми,
И выторговывать себе словами
И жизнь, и честь. Нет, я не дорожу
Своею жизнью, так как в ней печаль
Сильней желанья жизни; только честь
Мою должна я передать потомкам —
И лишь ее хочу я защитить.
Спросите совесть вашу, государь,
На сколько, до приезда Поликсена,
Любили вы меня, и не напрасно.
Когда приехал он, что совершила
Дурного я, и в чем я погрешила,
Чтоб так теперь явиться пред судом,
Когда б я провинилась против чести,
Или в другом сознательном проступке,
Пускай сердца всех тех, кто это слышит,
Окаменеют, и пускай все те,
Кто ближе мне других, меня ославят,
Позором заклеймят мою могилу.

Леонт
Я не слыхал, чтобы когда-нибудь
Тот, кто решился на срамное дело,
В себе нахальства тоже не нашел
Настолько, чтобы отрицать, что сделал.

Гермиона
Да, правда. Только замечанье это
Меня не трогает.

Леонт
И в этом тоже
Ты не сознаешься.

Гермиона
Признать нельзя мне
В себе ошибок больше, чем их есть.
А Поликсен (с которым заодно

Я обвиняюсь), признаюсь открыто,
Был мной любим, как он того достоин,
Но и не иначе, чем подобает
Мне, женщине высокого рожденья,
Не меньше и не иначе, чем вы
Любить его велели. Если б я
Тут поступила иначе — была бы
Ослушницею против воли вашей,
Неблагодарной перед тем, кто с детства,
Едва залепетав, свою любовь
Доказывал вам всюду, ту любовь,
Которая была ответом вашей.
Об государственной измене лучше
Я умолчу, мне вкус ее неведом,
Хотя ее навязывают мне.
Я знаю, что Камилл всегда был честен.
Зачем бежал он? Этого и боги
Не знают, если знают то, что я.

Леонт
Тебе настолько же известно было
Камилла бегство, как и то, что ты
Хотела сделать вслед за этим бегством.

Гермиона
Язык ваш, государь, мне непонятен,
Вся жизнь моя во власти ваших снов,
Я отдаю ее охотно.

Леонт
Снились
Твои поступки мне. Ты прижила
Ребенка с Поликсеном — это тоже
Ничто, как сон. Ты без границ бесстыдна
(Бесстыдство — признак всех, тебе подобных),
Тебе бесстыдство нипочем, настолько ж,
Насколько правда нипочем, но это
Тебе невыгодно, хоть и идет.

И как щенок твой выкинут был мной,
Щенок, лишь только на себя похожий
И не имеющий отца (в чем он,
Конечно, менее тебя виновен),
Так точно ты почувствовать должна
Мощь приговора нашего, в котором
Казнь будет выраженьем самым слабым.

Гермиона
С угрозой, государь, остановитесь.
Тот приговор, что должен испугать
Меня — его я жажду. Жизнь не в радость
С тех пор, когда венец той жизни — ваша
Любовь ко мне погибла навсегда.
Я чувствую, как та любовь погибла,
Не знаю почему. Другое счастье,
Которое имела я — мой сын,
Он спрятан от меня, как от заразы.
А третье утешение мое,
Малютку, под несчастною звездою
Рожденную, с чистейшим молоком
Моим, в чистейшем ротике — от груди
Нежданно оторвали, чтоб убить.
И я сама у каждого угла,
Прославленная женщиной развратной,
В жестокости неслыханной лишилась
В тяжелый час родин тех прав призренья,
Которых не лишают никого.
И, наконец, еще не укрепившись,
Сюда привлечена на свежий воздух.
Да, государь, теперь скажите сами,
Какое счастье в жизни ждет меня,
Чтоб смерти мне бояться. Продолжайте,
Но знайте только, не толкуя вкривь
Правдивых слов моих, — не жизнь мою,
А только честь мою желаю я спасти.
Когда меня лишь в силу подозренья
Приговорят и вместо доказательств

Одни лишь ваши подозренья будут
За доказательства считаться, ну, тогда
Жестокость в этом будет — не закон;
Прочтите, что сказал оракул. Пусть
Моим судьею будет Аполлон.

1-й Придворный
Желание законное вполне,
И потому пусть принесут сюда
И огласят во имя Аполлона
Слова его оракула.

Несколько служащих уходят.

Гермиона
Моим
Родным отцом был русский император.
Когда б он был еще в живых и слышал
Допрос судей и видеть мог очами
Моей тоски великой глубину,
Очами добрыми — не взглядом мести!

Служащие входят с Клеоменом *и* Дионом.

1-й Судья
Дион и Клеомен, клянитесь оба
Над правосудия мечом, что вы
В далеких Дельфах были и оттуда
Вот это изреченье принесли
Оракула, которое у вас
В руках хранится под печатью и
Вам вручено жрецами Аполлона,
Что вы печати этой не касались
И тайны, вам врученной, не прочли.

Клеомен *и* Дион
Клянемся.

Леонт

Ну, тогда печать взломайте
И прочитайте.

Судья *(читает)*. Гермиона непорочна, Поликсен безупречен, Камилл — верный подданный, Леонт — ревнивый тиран, его невинное дитя вполне законно, и король будет жить не имея наследника, если то, что потеряно, не найдется снова.

Все

Хвала и слава богу Аполлону!

Гермиона

Хвала ему!

Леонт

Да так ли ты прочел?

Судья

Да, государь, прочел я очень верно.

Леонт

Тогда и сам оракул нам солгал!
Обман один! Пусть продолжает суд
Разбор, как следует.

Служитель входит поспешно.

Служитель

Мой государь!

Леонт

В чем дело?

Служитель

Государь! я буду ненавистен
Вам навсегда за тягостную весть!

Ваш сын, из страха за исход суда
Над королевой-матерью, скончался.

Леонт
Как! умер?

Служитель
Умер!

Леонт
Гневен Аполлон!
И небом поражен я за неправду.
(Королева падает в обморок.)
Что с королевой?

Паулина
Эта весть была
Смертельна для нее; — вы посмотрите,
Что может смерть!

Леонт
Несите прочь ее —
Она под гнетом сердца опустилась —
Она поправится. Я подозренью
Доверился не в меру. Я прошу вас:
Ее верните к жизни вы своим
Нежнейшим попеченьем. Аполлон!
Прости меня за тяжкую обиду
(Паулина и придворные дамы выносят королеву.)
Оракула. Хочу я с Поликсеном
Вновь дружбу заключить, хочу я снова
Сойтись с женой, позвать назад Камилла,
И объявить, что честен он и добр.
Я ревностью моей подвигнут был
На замыслы убийства и отмщенья;
Камилла выбрал я своим орудьем,
Чтоб Поликсена отравить, и было б
Мое желанье свершено, но он

Замедлил исполненьем, несмотря
На то, что я награду обещал,
А при отказе казнь ему пророчил.
Глубоко честный, гостю он открыл
Мой план, свои богатства все покинул,
Богатства ценные, как всем известно,
И, гордый только честью, отдался
Большим случайностям судьбы и бегства.
О, как сияет ярко он сквозь копоть,
Меня покрывшую! Кажусь черней
При ясном свете всех его достоинств.

Паулина *возвращается.*

Паулина
О горе к горю! пояс развяжите,
Чтоб сердце этот пояс не порвало,
Само не разорвалось!

1-й Придворный.
Что случилось?

Паулина
Ну, что ты теперь придумаешь, тиран,
Ты для меня? Какие муки, казни,
Колеса, острия? Варить в свинце
И в масле кипятить, терзать и резать
На части! говори, какие пытки
Изобретешь ты для меня, когда
За слово каждое мое достойна
Я самой злейшей пытки? Посмотри:
Твое тиранство с ревностью вдвоем
Безумны так, что малому мальчишке,
Девчонке глупой даже не под стать!
Взгляни на то, что вышло; обезумей,
Да, обезумей до конца! Что было
До этого, то — только лишь приправа
К последнему, что сделал ты. Ничто

Твоя измена Поликсену: это
Простая слабость и неблагодарность;
Ничто, что ты Камилла направлял
К цареубийству — это все ничто
В сравненьи с остальным. Ты дочь свою
Воронам выкинул на пропитанье,
Как мелочь вздорную, хотя б сам дьявол,
Скорей, чем сделать это — пролил бы воду
Из пламени. Не одному тебе
Смерть принца я кидаю обвиненьем,
Того любимого глубоко принца,
Чье сердце доброе (добрей, чем должно,
В такие годы) не могло снести
Позора матери своей честнейшей,
Поруганной неистовым отцом.
Тебя виню я не за это только.
Последнее из дел, о! плачьте все,
Все, кто меня здесь слышит, плачьте горько,
Чистейшее из всех земных существ,
Жить перестала наша королева —
И небеса еще в раздумьи — мстить!

1-й Придворный
Да защитят нас боги.

Паулина
Умерла,
Клянусь вам в этом, сами посмотрите,
Коль клятве вы не верите. Когда бы
Могли вы блеск глазам ее вернуть,
Губам окраску и дыханье груди,
Вам, как богам, молиться б стала я!
А ты, тиран! раскаянье — гони;
Поступок твой так страшен, что печалью,
Раскаяньем его не искупить.
Отчаянье — вот что тебе осталось.
Хоть тысячу молитв пошли ты к небу,
Хоть десять тысяч лет томись нагой,

Над голою скалой и в вечной буре,
Постись всю зиму напролет — но боги
К тебе очей своих не обратят.

Леонт
Ну дальше, дальше! вдосталь не сумеешь
Меня ты клясть — я это заслужил.

Придворный *(Паулине)*
Ты замолчишь ли? В том, что тут случилось,
Повинен дерзкий твой язык.

Паулина
                                        Жалею!
И в сделанной ошибке сознаюсь.
Я женщина, я увлеклась по-женски;
Поранено в нем сердце глубоко.
Случившегося нам не изменить,
Прошу вас, государь, не оскорбляйтесь
Словами, сказанными мной; велите
Мне наказанье понести за то,
Что я напомнила о том, что нужно
Скорее позабыть. Вы мне простите,
Безумной бабе, — королеву я
Любила, — вот опять болтать пустилась
Ненужное, — не буду говорить
О ней, о детях ваших и о муже
Потерянном моем. Своим терпеньем
Меня принудит государь молчать.

Леонт
Ты говорила очень хорошо,
И правда мне приятней сожаленья.
Прошу тебя — ты проводи меня
К телам усопшим сына и супруги.
В одну могилу заключат обоих,
И пусть читается над ними вечно
Причина смерти — моего стыда.

Я буду каждый день их посещать,
И слезы те, что буду проливать
Над ними, мне отныне будут
Единым утешеньем и, насколько
Природа покаяния такого
Не возбранит мне, буду совершать
Его по обещанью. А теперь
Веди туда, где мой обет свершится.
(Уходят.)

СЦЕНА III

Богемия, пустынный берег моря.
Входят Антигон *с малюткой на руках и* Матрос.

Антигон
Так ты уверен в том, что наш корабль
Пристал к Богемии?

Матрос
Да, это верно.
Но, кажется, не в добрый час пристали
Мы к берегу: сбирается гроза,
И небо нашему деянью неприветно,
Озлобилось!

Антигон
Его на это воля!
Ты к судну возвратись и береги
Его, а я — окликнуть не замедлю.

Матрос
Поторопитесь, но остерегайтесь
Забраться в глубь страны: здесь много зверя,
И близится гроза.

Антигон

Ну, хорошо, ступай,
А я вернусь.

Матрос

Как счастлив буду я,
Отделавшись от этакого дела.

Матрос *уходит.*

Антигон

Ты, бедное дитя! не раз слыхал я
(Не верю только этому), что души
Умерших возвращаются. Коль это
Не ложь — то видел я минувшей ночью
Твою родную мать. Не может быть
Так ясен сон, как было то виденье.
Я видел: существо ко мне явилось
И голову склоняло к сторонам,
То так, то этак. Никогда еще
Мне не случалось видеть столько грусти
И столько гордого достоинства в обличьи.
Вся в белом, подошла она к каюте
Моей, в которой я дремал, и трижды
Ко мне она склонялась и вздыхала,
И говорить хотела, и из глаз,
Как два ручья, струились слезы. Будто
Оправившись, она проговорила:
«Мой добрый Антигон, тебе судьба
Назначила, твоей противно воле,
Сгубить мое дитя, и ты поклялся
Свершить. В Богемии пустынь не мало;
Покинь мое дитя. Пусть плачет горько,
Пускай кричит; и так как ей судьба
Потерянной считаться, назови
Ее Пердитой. А за то, что ты
Свершишь неслыханное, ты Паулины,
Своей жены, не узришь никогда».

И, испуская жалобные крики,
Она исчезла в воздухе. Испуган,
С трудом собрал я мысли и подумал,
Что то не сон, а правду я видал.
Сон — пена! но на этот раз хочу
Быть суеверным, и хочу исполнить —
Что сон велел. Мое соображенье,
Что Гермиона умереть должна.
Мне Аполлон дает приказ малютку,
Потомство Поликсена, положить
В Богемии, в стране ему родной.
На жизнь иль смерть! цвети же, мой цветочек.
(Кладет ребенка.)
Кладу тебя вот тут и имя тоже
Твое с тобой, а вот еще прибавка,
(Кладет узелок.)
На случай если счастье улыбнется,
И сохранится он, с тобою будет.
Однако буря близится; прощай же,
Бедняжечка, ответчица за мать,
Назначенная смерти иль печалям.
Я плакать не могу, но сердце тяжко.
Проклятье мне за то, что я поклялся
Исполнить повеление! Однако
День все мрачней становится — быть может,
Ты песню колыбельную услышишь
Ужасную. Я право не видал
Подобной тьмы небес. Но что за крик!
О, если бы на корабле мне быть!
Охота! звери дикие! я гибну!
(Убегает, преследуемый медведем.)

Старый Пастух *входит.*

Пастух. Хотелось бы мне, чтобы не было возрастов между десятью и двадцатью тремя годами, чтобы юноши просыпали все это время, потому, что за все это время они ничего другого не делают, как беременят женщин, сердят

стариков, дерутся, воруют. Сообразите: ну, кто же, как не этакие девятнадцати или двадцатидвухлетние сорвиголовы, могут охотиться в такую погоду. Они загнали у меня двух лучших овец, которых, я боюсь, скорее отыщет волк, чем их хозяин; если еще можно найти их где-нибудь, так это на морском берегу, где они плющ объедают. Вот если бы счастье помогло... Это что такое? *(Поднимает ребенка.)* Спасибо! запеленатый малютка! Мальчик или девочка? Хорошенькая, очень хорошенькая! Наверно, что-нибудь греховное. Хоть я и не ученый, а думаю, что тут не обошлось без горничной. Это какое-нибудь ковровое, шкапное или задверное произведение. Родители были, конечно, погорячее, чем это бедное созданьице. Я приму ее. Подожду только сына. Он только что откликался. Гола! Эй!

Входит Шут.

Шут. Гола! Эй!

Пастух. Да ты здесь близко. Если хочешь посмотреть на штучку, о которой много будут говорить, когда ты давно умрешь и сгниешь, — поди сюда. Что с тобой, приятель?

Шут. Две вещи видел я на море и на суше. Но я не могу сказать — море, потому что оно теперь небо. Между небом и морем не просуну я теперь булавки.

Пастух. Да что же ты видал, приятель?

Шут. Хотел бы я, чтобы ты сам видел, как оно гудит, мечется и бьет в берега! Но все это еще ничего. Как ужасен был крик этих моряков! То были они видны, то нет. То проткнет корабль своею мачтою месяц, то скроется в пене и волнах, как если бы кто бросил пробку в бочку с бродящею жидкостью. А на земле видел я, как медведь ему плечо отгрыз, как он кричал, звал меня на помощь, называл себя Антигоном и дворянином. Но, чтобы кончить с кораблем, скажу, что он погиб, а люди кричали, а море смеялось над ними, а несчастный дворянин выл, а медведь его высмеивал, и оба выли громче моря и непогоды.

Пастух. Но, Господи, когда же ты все это видел?

Шут. Сейчас, минуты не прошло; люди не успели еще похолодеть под водою, а медведь дворянина не съел и наполовину, он еще жрет его.

Пастух. Будь я при том, я помог бы старику.

Шут *(про себя)*. А я бы хотел, чтобы вы были подле корабля и помогли ему, тогда бы ваша жалость не стояла на твердом дне.

Пастух. Плохие истории, плохие! Но посмотри сюда. Перекрестись! Ты видишь людей, когда они гибнут, а я нахожу таких, которые только что родились. Тут есть что посмотреть тебе. Видишь: эти пеленки пригодны дитяти дворянского рода. Да смотри же, подними вот это, развяжи. Взглянем, что там такое? Феи сказали мне, что буду богат. Это подкидыш. Развязывай, что там?

Шут. Ну, старик, вы счастливец; если вам простятся грехи молодости, то вы можете жить отлично. Золото, только золото!

Пастух. Это золото Фей, приятель, и таким оно и скажется. Забирай его скорее и скорей домой, кратчайшей дорогой. Мы счастливцы с тобой, и если хотим остаться такими, надобно молчать. Пропадай овцы. Идем, где поближе.

Шут. Ступайте вашей кратчайшей дорогой с вашею находкою, а я хочу пойти посмотреть, какую часть дворянина съел медведь. Медведи злы, только когда голодны; если что от дворянина осталось, я схороню.

Пастух. Это хорошее дело. Если по тем остаткам, что от него сохранились, можно судить о том, кто он, так позови и меня посмотреть.

Шут. Хорошо, и ты поможешь мне закопать его.

Пастух. Счастливый для нас день, приятель. Почтим его добрыми делами.

(Уходят.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Входит Время *как хор*

Я многим нравлюсь, зло с добром мешаю,
В веселии и страхе разрешаю
Ошибки те, что мною ж созданы.
Я — Время. От того, что крылья мне даны,
Я расправляю их. И вы меня простите:
Шестнадцать лет со мной перелетите,
Не замечая вовсе на лету,
Чем я наполню эту пустоту.
Я — Время. Я в единый час дерзаю
Закон создать и рушить; я желаю
Остаться тем, чем я от века есть.
Я заверенье вам могу принесть,
Что, как и все над этою землею,
И Время самое — оно создалось мною.
Самоновейшим в были бытия
Вас ослепить имею силу я,
Как в этой сказке. Если разрешите,
Часы переверну я. Посмотрите:
Вам этой сцены вовсе не узнать;
Вам довелось как будто бы проспать.
Леонт, от ревности излечен, весь печали
Глубокой предан. Из далекой дали
Прошу в Богемию перенестись. Досель
Раз был помянут мною Флоризель,
Сын короля. Я о Пердите тоже
Вам расскажу, как расцвела пригоже;
Но, впрочем, не хочу опережать
Своим рассказом. Времени ль не знать,
Когда и что открыть? Она не боле,
Как скромная пастушка в чистом поле;
Что дальше будет, думаю открыть;
Теперь прошу внимательными быть,
И если время вам терять случалось,
Как это с вами тут сегодня сталось,

Вам Время может только пожелать
Его не хуже этого терять.
(Уходит.)

СЦЕНА I

Богемия. Зал во дворце Поликсена.
Входит Поликсен *и* Камилл.

Поликсен. Прошу тебя, любезный Камилл, не проси меня больше. Мне хуже, чем заболеть — отказать тебе, а исполнение этой просьбы было бы моею смертью.

Камилл. Прошло пятнадцать лет с тех пор, как я в последний раз видел мою родину; если мне пришлось провести большую часть жизни вне ее, то мне хотелось бы по крайней мере, чтобы мои кости в ней почивали. Кроме того, раскаивающийся король, мой повелитель, присылал за мною; в его глубокой печали хотел бы я служить ему хотя малым утешением, или, по крайней мере, воображаю, что был бы таковым; и это вторая причина, понуждающая меня к отъезду.

Поликсен. Насколько ты меня любишь, Камилл, не уничтожай всех твоих заслуг тем, что покинешь меня в настоящую минуту; твоя собственная доброта — причина того, что я не могу больше обойтись без тебя; лучше бы было мне никогда не знать тебя, чем теперь лишиться. Ты начал для меня дела, которых никто, кроме тебя, кончить не может так, как следует; поэтому ты должен или остаться и сам их кончить, или взять с собою все действительные твои заслуги, для меня совершенные. Если я ценил их недостаточно высоко (а достаточно высоко ценить их не могу), то отныне буду я стремиться быть более благодарным, и доказательства дружбы моей, которые считаю я своею прибылью, умножить. О проклятой Сицилии, прошу тебя, не говори мне никогда больше. Одно имя ее наказывает меня воспоминанием о раскаивающемся, как ты его называешь, и примиренном короле, моем бра-

те. На потерю его бесценной королевы и детей следует смотреть с грустью, так, как бы это только что совершилось. Скажи, когда видел ты в последний раз моего сына Флоризеля? Короли не менее несчастны, когда они имеют недостойных детей, чем тогда, когда они теряют тех, которые уже проявили свои добродетели.

Камилл. Я, государь, видел принца три дня тому назад. В чем улыбается ему счастие теперь, я не знаю, но узнал с неудовольствием о том, что он, с некоторого времени, часто отлучается от двора и занимается менее ревностно, чем прежде, исполнением своих высоких обязанностей.

Поликсен. И я заметил то же самое, Камилл, и не без беспокойства; поэтому между слуг моих имею я нескольких соглядатаев, которые за ним, в его отсутствие, наблюдают. От них узнал я, что он редко минует дом какого-то совсем простого пастуха, который, как сообщают, и чего никак не могут объяснить себе его соседи, из совершенного ничтожества, сделался вдруг неизмеримо богатым.

Камилл. Я слышал, государь, о подобном человеке, имеющем дочь необычайной красоты; ее известность слишком велика, чтобы предположить распространение этой известности из такой простой хижины.

Поликсен. У меня такие же сведения, и я боюсь, что в этом именно та удочка, которая тянет туда моего сына. Ты должен проводить меня в это место. Мы должны предстать не такими, кто мы на самом деле есть, и займемся немного расспросами пастуха; его простота скоро выдаст себя и легко объяснит нам причину посещений моего сына. Прошу тебя, помоги мне в этом деле и все мысли твои о Сицилии брось.

Камилл. С удовольствием исполню ваше повеление.

Поликсен. Мой добрый Камилл! — Нам надо теперь переодеться.

(Уходят.)

СЦЕНА II

Дорога близ жилища Пастуха.

Автолик *(входит, распевая)*
Когда нарциссы зацветут
И выйдет девушка плясать,
Весна сияет тут как тут,
И кровь стремится жить опять.
Холсты белеют вдоль дворов,
И птицы звучно так поют,
Весна веселье для воров;
Они, что государи, пьют.
Вот жаворонков песни кругом,
И длинноклювый дрозд стучит;
На сене с девушкой вдвоем
Мы слышим, как все голосит.

Я служил в свое время при принце Флоризеле и носил бархатное одеяние; теперь гуляю без дела.

Но я на это не гляжу.
Дружок! блестит луна,
Я смело вдоль дворов брожу,
Моя растет казна.
Когда тряпичник за старьем
Гуляет в добрый час,
Так чем же мы не с ремеслом?
Пусть ловит сотский нас.

Я ворую простыни; когда коршун вьет гнездо — смотрите за вашим бельем. Отец мой назвал меня Автоликом; он был, подобно мне, рожден под созвездием Меркурия и таким же мелким воришкой, как я. Играю я в кости и играю с женщинами; этим приобрел я свои лохмотья, и мои доходы состоят из невинных мошенничеств. Виселицы и разбой на большой дороге слишком сильны для меня; разбои и повешенье внушают мне страх; что же

касается до будущей жизни, то эту мысль я стараюсь проспать. Пожива, пожива!

Входит Шут.

Шут. Посчитаем: каждый раз одиннадцать баранов дают двадцать восемь фунтов шерсти; каждый фунт шерсти стоит фунт стерлингов и несколько шиллингов; полторы тысячи баранов острижено — сколько же принесет нам шерсть?

Автолик *(в сторону)*. Если силок выдержит — птица моя.

Шут. Мне этого без счетов не счесть. Что же куплю я однако на праздник стрижки? три фунта сахару, пять фунтов коринки и рису. Для чего нужен моей сестре рис? Отец назначил ее распорядительницей праздника, и она хочет иметь свою выгоду от этого. Она приготовила двадцать четыре букета для тех, кто будет стричь овец. Трое из них отличные певцы; но все больше тенора и басы; один только из них Пуританин — и поет под волынку псалмы. Мне нужен шафран, чтобы придать желтизны пирогам, начиненным грушами. Мускатного цвету, фиников — нет на записке; мускатных орехов семь, один или два инбирных корня; ну — эти я и даром получу; четыре фунта черносливу и столько же крупного изюму.

Автолик *(валяясь на земле)*. Ох! зачем только родился я!

Шут. Господи, что это такое?

Автолик. О! спасите, спасите меня! сдерите с меня эти лохмотья, а потом умереть, умереть!

Шут. Бедняк! тебе бы прибавить что к лохмотьям, а не то что сдирать последние.

Автолик. Их нечистота, господин, оскорбляет меня более, чем побои, мною полученные, а их было миллион побоев, и они были крепки.

Шут. Бедняга! миллион побоев, это, должно быть, очень много.

Автолик. Меня, господин, обокрали, да, кроме того, поколотили; от меня отобрали деньги и одежду и одели в эти отвратительные лоскуты.

Шут. Кто же сделал это — пеший или конный?

Автолик. Пеший, господин, пеший!

Шут. Должно быть, это был действительно пеший, если судить по платью, которое он тебе оставил. Если это камзол всадника, так он проделал, должно быть, горячую службу. Давай руку, я помогу тебе встать; давай руку.

(Помогает ему встать.)

Автолик. Ой! осторожней, осторожней, господин.

Шут. Бедняга!

Автолик. Ой! тише, господин. Боюсь, что у меня вывихнута ключица.

Шут. Ну, что же? можешь ты стоять?

Автолик. Осторожней, господин! *(опорожняет ему карман)* пожалуйста, осторожней! вы оказали мне сердечную услугу.

Шут. Не нужно ли тебе немного денег? у меня есть для тебя мелочь.

Автолик. Нет, добрый господин, не надо, не надо, прошу вас. В трех четвертях мили отсюда живет мой родственник, к которому я шел. Там получу я деньги и все, что мне нужно. Пожалуйста, не предлагайте мне денег: это оскорбляет меня.

Шут. Что же это был за человек, который ограбил тебя?

Автолик. Человек этот, насколько знаю, шатается с Фортункой; прежде знал я его за лакея у принца; не знаю, за которую из добродетелей своих, но верно то, что его прогнали от двора батогами.

Шут. Ты хочешь сказать: за который из пороков; нет добродетели, прогоняемой от двора батогами; ее там любят, и хотели бы удержать, но она гостит всегда только проездом.

Автолик. Я, действительно, хотел сказать — за порок. Я знаю этого человека отлично; с того времени таскался он с обезьяною, затем был на послугах в суде, приказным;

затем давал кукольные представления на сюжет блудного сына, женился на жене странствующего медника, всего в одной миле от моего хозяйства, и потом, проделав разного рода мошеннические штуки, установился окончательно на воровстве; некоторые зовут его Автоликом.

Шут. Палач бы взял его! поклянусь, что это совсем законченный вор. Он шляется по ярмаркам, праздникам, по медвежьим травлям.

Автолик. Да, господин, да! это именно тот. Он именно одел меня в это одеяние.

Шут. Нет другого, более тонкого мазурика во всей Богемии. Стоило тебе только взглянуть на него построже, да плюнуть в него, так он бы и сам убежал.

Автолик. Должен признаться вам, господин, что я не из храбрых; что касается до этого, то это, действительно, моя слабая сторона, и побьюсь о заклад, что мошенник знал это.

Шут. Ну каково тебе теперь?

Автолик. Гораздо лучше, чем прежде; могу стоять, могу идти; хочу теперь проститься с вами и направиться потихоньку к моему родственнику.

Шут. Не вывести ли тебя на дорогу?

Автолик. Нет, мой прекрасный, мой добрый господин.

Шут. Ну, так будь здоров! я должен пойти и купить всяких пряностей для праздника стрижки наших баранов.

Автолик. Желаю вам счастья, господин! *(*Шут *уходит.)* Ваш кошелек недостаточно согрет, чтобы покупать пряности. Я тоже хочу быть на вашем празднике. Если мне из моего первого мошенничества не народится второе и я не обращу людей стригущих баранов в баранов, ну тогда записывайте мое имя в списки добродетельных.

Тропинкою вперед, вперед,
Что б веселы мы были!
Кто весел — целый день идет,
Кто хмур — нейдет и мили.
(Уходит.)

СЦЕНА III

Там же, хижина пастуха.
Входят Флоризель *и* Пердита.

Флоризель

В одежде непривычной для тебя
Еще прелестней тела очертанья.
Нет, не пастушка — Флора! ты — весна
В расцвете! и собранье стригачей
Мне кажется собранием прекрасных
Богов любви, и ты в нем — королева.

Пердита

Мой милый принц, мне вовсе не идет
Излишку вашей похвалы сердиться;
Простите, что излишком называю.
Надежда всей страны, вы, принц, в одежде
Простого пастуха — а я одета,
Как будто королева. Если б праздник
Дурачиться нам права не давал,
Как то в обычае, я покраснела б,
Увидев тот наряд, что вы избрали,
Что б зеркалом мне быть.

Флоризель

Счастли́в тот день,
Когда мой сокол вздумал залететь
На поле твоего отца.

Пердита

Юпитер
Пусть защитит меня от мысли дерзкой
Сравненья с вами. Вам, конечно, принц
Не страшно вовсе. Я же вся дрожу,
Подумавши о том, что случай может
И вашего отца привлечь сюда,
Когда он и вас привел. Тогда, о боги!

Как удивился б он, увидев вас,
Свое творенье, в этом переплете
Негодном. Что бы он сказал тогда?
Что чувствовала б я, в одежде этой,
Не подходящей мне? Как бы сумела
Я выдержать присутствие его?

Флоризель
О счастьи думай, ни о чем другом.
Ведь боги сами часто одевались
В одежду непригодную, любя.
Мычал Юпитер, обратясь в быка,
Нептун — в ягненка; пастухом явился,
Как я теперь, бог пламенных одежд,
Блестящий Аполлон! но никогда
Они, для лучшей красоты, чем та,
Что у тебя, одежды не меняли,
Такою чистой мыслью не влеклись,
Как я теперь, затем, что мысль моя
Опережать не хочет чувства чести,
И верность у меня сильней, чем страсть.

Пердита
И все-таки, о дорогой мой принц,
Решимость ваша перед волей царской
Не может устоять. Одно из двух:
Или погаснет в вас ко мне влеченье,
Иль с жизнью я покончу.

Флоризель
О, Пердита!
Не затемняй сиянья празднества,
Картин придуманных тяжелой тенью.
Хочу твоим я быть или отца
Лишиться, потому что не могу я
Принадлежать себе, или другому,
Когда тебе принадлежать не буду;
И верным этому останусь даже,

Когда судьба сурово скажет — нет!
Будь весела, и злую мысль гони,
Взглянув на то, что видишь. Вот и гости
Являются, — скорей развеселись,
Как будто свадьбы день настал сегодня,
Той свадьбы, о которой мы клялись.

Пердита
Не обмани нас, счастье золотое!

Входят Поликсен *и* Камилл *переодетые,* Пастух, Шут, Мопса, Дорка *и другие.*

Флоризель
Вот приближаются твои все гости!
К веселому готовься разговору,
И щеки их румянцем зарумянь.

Пастух
Фуй, дочка! как жила моя старуха,
В подобный день была она у нас
Прислугой, поваром и хлебопеком,
Хозяйкой и поденщицей зараз,
Приветствовала всех и песни пела,
И пляс вела, и за столом, то тут,
То там, являлась, к людям наклонялась,
Ее лицо краснело от работы,
А вздумает, бывало, прохладиться —
Берет стакан, то с тем, то с этим пьет.
Ты в стороне все держишься, как будто
Сама ты гость, а вовсе не хозяйка.
Прошу: приветствуй этих незнакомцев;
Таким путем добро свое прославишь.
Ну, не упрямься же и покажись
Такою, как ты есть: хозяйкой доброй
На празднике. Ну, пожелай же нам
Хорошей стрижки, а стадам довольства.

Пердита *(Поликсену)*
Привет вам, господин! отец желает,
Чтобы сегодня я была хозяйкой.
(Камиллу.)
Привет и вам! Дай, Дорка, мне цветы.
Вот, господа, вам розмарин и рута;
Они всю зиму сохраняют краски
И запах. Пусть же в вас обоих тоже
Не гаснут милосердие и память.
Второй раз, господа, вам мой привет.

Поликсен
Пастушка! ты так чудно хороша,
Так кстати зимние цветы подносишь
Нам старикам.

Пердита
Стареет год тогда,
Когда еще не убежало лето,
Зима, дрожа, еще не родилась.
В те дни считают лучшими цветами
Гвоздику и левкой тигристый. Их
Зовут детьми побочными природы;
В садах крестьянских их у нас и нет.
Я их отростков не хочу.

Поликсен
Зачем же
Ты так, красавица, пренебрегаешь
Обоими?

Пердита
Мне говорили как-то,
Что холит их не только лишь природа,
Но и искусство краски придает.

Поликсен
Положим так. Украсится ль природа

Тем средством, что она не создала?
Над тем искусством, что, как молвишь ты,
Должно природу разукрасить, есть
Искусство, что сама она творит.
Ты, девушка прелестная, взгляни,
Как ветку нежную ты прививаешь
К дичку и дикая кора приемлет
Отростки благородные. Конечно,
Искусство это, но ведь улучшает
Оно природу, ею создано!

Пердита

Да, так.

Поликсен

Тогда сажай левкоев в сад,
Побочными детьми не называя.

Пердита

Нет, не хочу сажать ни одного,
Как не хотела б нравиться сильнее
Румянцем лживым и чтоб тот румянец
Тому, кто просит о руке моей,
Приманкою служил. Вот вам цветы:
Шалфей, лаванда, мята, майоран
И ноготки, что спать ложатся к ночи
И просыпаются в слезах с восходом.
Цветы средины лета, их даю я
Вам, люди средних лет; привет и вам!

Камилл

Будь я овцою стада твоего,
Я пастьбу бросил бы, одной тобою
Довольствуясь.

Пердита

И как бы грустно было.
Январский ветер пронизал бы вас,

Так похудели бы! теперь, мой милый,
Цветов весенних я б найти хотела,
Украсить вас на утро ваших дней;
И вас, подруги, девичьи головки.
О, Прозерпина! если б подобрать
Все те цветы, что побросала ты,
Испуганная, с колесницы бога
Плутона на землю! все те нарциссы,
Что раньше ласточек своей красою
Блистают в мартовских ветрах; фиалки
Те, что темней ресниц Юноны, слаще
Цитеры груди, тот подснежник бледный,
Безбрачно умирающий до срока,
До наступленья Фебовых лучей,
Болезнью девушек, у нас нередкой;
Отважных буквиц, ландышей душистых
И всяких лилий, тоже королевской,
Их не достало б мне, чтоб разукрасить
Тебя, мой милый друг, чтобы осыпать
Всего, всего!

Флоризель
Как мертвого в гробу?

Пердита
О нет! на ложе счастья, где любовь,
Играя, возлегает не как тело.
Безжизненное, — а когда б и так,
То не затем, чтоб быть похоронённым,
Но чтоб в моих покоиться объятьях.
Приди, возьми цветы; мне мнится, будто
Играю я, как, видела, на святках
Играют люди. Видно, одеянье
Мое мне голову совсем кружит.

Флоризель
Что сделаешь, все будет хорошо.
Когда ты говоришь, тогда желаю,

Чтоб вечно говорила; запоешь —
И мне хотелось бы, чтоб при хозяйстве,
Покупке и продаже, при молитве,
Ты все бы пела; если пляшешь ты,
Тебя морской волной воображаю;
Хочу, чтоб вечно двигалась, чтоб только
В движеньи и была; что ни предпримешь
И что ни сделаешь, до мелочей
Все характерно так в тебе, чудесно,
Поступок всякий — венчанный король.

Пердита
Ты хвалишь слишком много, Дориклес,
И если б молодость твоя и честность
В твоей пастушеской одежде ясно
Так не сквозила, думала бы я,
Что сватаешь ты не к добру и счастью.

Флоризель
Мне кажется, что у тебя причины
Подумать так, не больше, чем во мне —
Сомненье это вызвать. Но пойдем
К веселой пляске, дай скорее руку;
Так голубь с горлицей идут, чтоб жить,
Вовек не разлучаясь.

Пердита
Я клянусь —
Они не лгут.

Поликсен
Пастушка эта лучше,
Прелестней всех, что выросли в полях.
Нет в ней движения, чтоб не казалось
Возвышенней, чем та среда, в которой
Она живет.

Камилл

Он говорит ей что-то,
Что заставляет девушку краснеть.
Она, признаться должно, королева
Между молочниц.

Шут *(музыкантам)*

Вы сюда ступайте,
Играйте!

Дорка

А с тобой танцует Мопса,
Но поцелуй ее приправить должен
Ты чесноком.

Мопса

Ну, что же, я согласна.

Шут

Ни слова больше, мы готовы все;
Играйте же.
(Музыка. Пастухи и пастушки пляшут.)

Поликсен

Скажи-ка мне, старик,
Кто тот пастух красивый, что танцует
С твоею дочерью?

Пастух

То Дориклес.
Он хвалится богатыми полями;
Хоть это сам он говорит, но верю
Ему; на вид он честен, уверяет,
Что дочку любит; думаю, что так.
И никогда луна так зорко в воду
Не смотрит, как глядит он в очи дочки,
Читает в них; на четверть поцелуя
Один другому не уступит в чувстве.

Поликсен
Она танцует ловко.

Пастух
У нее
Все, что ни сделает — то ловко. Только
Болтаю я о том, о чем молчать
Мне надобно. Скажу я вам, однако:
Получит он ее — получит больше,
Чем думать мог, хотя бы и во сне.

Входит Работник.

Работник. Если бы ты слышал, хозяин, что там перед дверью прохожий разносчик рассказывает, ты бы вовек не плясал больше ни под тамбурин, ни под флейту; даже волынка и та не двинула бы тебя с места. Он поет множество песенок, одну за другою, быстрее, чем ты деньги считаешь; оне идут из него, будто он ими объелся; люди слушают его, и все уши развесили.

Шут. Кстати же он пришел; пусть войдет. Страсть люблю я баллады, в особенности, если печальная спета весело, а веселая на печальный голос.

Работник. У него есть песни для мужчин и для женщин, длинные и коротенькие; ни один торговец красным товаром не снабдит покупателей столькими перчатками. Для девушек у него любовные песенки, без сквернословия — что редко, с нежными заключительными словами, с хорошенькими припевчиками; где широкоротый пентюх задумает сказать что срамное и в двери вломиться, там у него девушка ответ дает: «эй, милый, не делай мне больно», и отталкивает и приговаривает: «да ступай же, милый, не делай мне больно».

Поликсен. Этот разносчик молодчина.

Шут. Ты, кажется, говоришь тут об очень умном человеке. Хороши ли у него также и товары?

Работник. У него есть ленты всех цветов радуги; кружев больше, чем могут распутать приличным обра-

зом все богемские адвокаты, если бы даже они пришли к нему толпою; шерстяные и бумажные нитки; батист и полотна есть у него, и он воспевает свои товары, будто богов и богинь, одних за другими. Можно подумать, что у него даже юбка — ангел женского пола; также воспевает он рукавчик и то, как он сшит.

Шут. Прошу тебя, приведи его и пусть войдет, распевая.

Пердита. Но предупреди его, чтобы он дурных слов в свои песни не вставлял.

Шут. Есть люди между этими разносчиками, в которых гораздо больше толку, чем ты думаешь, сестрица.

Пердита. Да, добрый братец, или, лучше, не да — а хотела бы так думать.

Автолик *(входит, распевая)*
Полотно, что снег, бело,
Креп, что ворона крыло;
А перчаток, что цветов;
Маски тем, кто без носов;
И кораллов бы купить,
Порошок есть, чтоб курить.
Банты, пряжки для штанов
Разудалых молодцов,
Для девиц есть утюги
И булавки, и шелки́.
Покупайте поскорей
И не прячьте кошелей.

Шут. Если бы я не был влюблен в Мопсу, не видать бы тебе моих денег; но так как я уж попался, так и должен я взять у тебя лент и перчаток.

Мопса. Оне были обещаны мне еще до праздника, но и теперь не опоздают.

Дорка. Он обещал тебе больше, чем это, или есть между нами лжецы?

Мопса. Тебе дал он все, что обещал, и, может быть, даже больше такого, что возвратить тебе будет стыдно.

Шут. Разве нынче нет больше приличия между девушками? Или хотят оне прикрываться юбками там, где бы следовало быть их лицам? Или не хватает вам времени на шушуканье, когда доите коров ваших, или у печки стоите, или спать ложитесь? Нужно вам, что ли, выбалтывать все перед гостями? Хорошо еще, что они шумят. Довольно вам, ни слова больше.

Мопса. Да уж я и так молчу. Поди-ка сюда и припомни, что ты обещал мне дать блестящий галстух и пару мягких перчаток.

Шут. Да разве я не сказал тебе, как меня на пути ограбили и все мои деньги забрали?

Автолик. Точно, господин, здесь мошенников много; каждый должен быть настороже.

Шут. Не бойся, приятель, здесь у тебя ничего не украдут.

Автолик. Надеюсь, господин, потому что у меня с собою много связок с товарами.

Шут. Что же у тебя тут? баллады?

Мопса . Ах, пожалуйста, купи парочку баллад. Печатной баллады мне на всю жизнь хватит; можно быть уверенной, что все в ней правда.

Автолик. Вот вам одна баллада с очень печальным напевом, о том, как жена ростовщика забеременела двадцатью мешками денег и как ей захотелось есть змеиных голов и поджаренных жаб.

Мопса . А разве это правда?

Автолик. Совершенная правда и случилось с месяц тому назад.

Дорка. Упаси меня Бог выйти замуж за ростовщика.

Автолик. А вот вам и имя бабки, бывшей при этом, госпожа Сказочка-болтушка, да еще шести приличных женщин, находившихся тут же. Да и зачем мне вранье с собой таскать?

Мопса. Ах, пожалуйста, купи это.

Шут. Ну, ладно, отложи-ка это в сторону; пока что мы посмотрим другие баллады, да заодно и других вещей купим.

Автолик. Вот и другая баллада об одной рыбке, которая в среду, восьмидесятого апреля, была видима с берегов над водою на высоте сорока тысяч сажень и пропела эту именно балладу девушкам с безответным сердцем; думают, что, до того, рыба была женщиною, обратившеюся в холодную рыбу за то, что она не хотела сойтись телесно с человеком, которого любила. Баллада ужасно печальна и настолько же справедлива.

Дорка. Как, ты думаешь, что и это правда?

Автолик. Пять судейских особ подписали ее собственноручно, а других свидетельств больше, чем я с собою захватить могу.

Шут. Отложи и эту. Какая следующая?

Автолик. Это хотя и веселая баллада, но очень хорошенькая.

Мопса. Нам надобно иметь парочку и веселых.

Автолик. Да, она ужасно весела и поется на голос: «две были их — любили одного»; на запад отсюда едва ли найдется хоть одна девушка, которая бы ее не пела. Ее очень любят, эту балладу, могу вас уверить.

Мопса. Мы обе споем ее и можем услышать, если ты возьмешь один голос на себя; ведь она трехголосная.

Дорка. Нам этот напев уже с месяц как знаком.

Автолик. Я могу взять третий голос на себя: могу сказать, что это мое дело: следите только за собою. *(Поет.)*

Автолик
Прочь ступайте, ухожу,
А куда — вам не скажу.

Дорка
Ах, куда?

Мопса

Куда?

Дорка

Куда?

Мопса

Клятве верю я твоей,
К тайне приобщи скорей.

Дорка

И меня пусти туда.

Мопса

К мельнице ль идти в овин?

Дорка

Жалок мне такой почин.

Автолик

Никуда.

Дорка

Нет!

Автолик

Никуда!

Дорка

Ты клялся в любви своей.

Мопса

Больше мне клялся, чем ей!
Говори ж: куда, куда?

Шут. Мы кончим эту песню там, между собою; мой отец и эти богатые господа заняты важным разговором, и мы не будем мешать им. Тащи-ка мне вслед твои това-

ры. Вы, женские облики, я куплю вам обеим что-нибудь. Только мы будем сами выбирать, разносчик. Идите за мною, девушки.

Автолик *(в сторону)*
Хочешь шапку купить,
Или лентой обшить,
Этим всем мы торг ведем;
Что шелков, полотна, —
Канитель все одна;
В той же связочке несем;
Офень — парень не замай,
Только денег подавай,
Мир продаст он нипочем
(Уходят.)

Работник *(входит)*. Хозяин, там пришли три козьих пастуха, три овечьих, три коровьих и три свинопаса, мохнатыми шкурами разукрасились, называют себя сатирами и пляшут пляс, о котором наши девки говорят, потому что они в нем не участвуют, что это прыгание в воздухе; но сами они думают (если пляска эта не слишком дика для тех, кто ничего другого, кроме вальса, знать не хочет), что пляска понравится.

Пастух. Вон их! нам ничего такого не нужно; у нас и без того дурачеств было достаточно; конечно, господин, мы вам надоели?

Поликсен. Надоедаешь ты тем людям, которые хотят коротать наше время. Прошу тебя показать нам эти четыре тройки пастухов.

Работник. Трое из них, господин, утверждают, будто они плясали перед своим королем и самый неуклюжий из этой тройки перескакивает двенадцать с половиною футов.

Пастух. Довольно болтать. Если это почтенным господам желательно, пусть придут, только поскорее.

Работник. Они стоят подле, за дверью.

(Работник *уходит и возвращается с двенадцатью* пастухами*, одетыми сатирами; они пляшут и уходят.)*

Поликсен
Старик, узнаешь больше ты потом.
(В сторону.)
Не далеко ль зашло? Пора б обоих
Их разлучить. Но честен он и слишком
Болтлив.
(Громко.)
Пастух — красавец! видно, сердце
Тебя от праздника отвлечь готово.
Когда я молод был и так, как ты,
Любил — ловчее цели добивался.
Я бы ограбил офеня товары
И навязал их ей. Ты ж отпустил,
Не сделавши покупки ни одной.
Что если девушка вдруг заключит,
Что в этом недостаток чувства виден,
Ты затруднишься дать тогда ответ,
В особенности о продленьи чувства,
Когда ты этим чувством дорожишь.

Флоризель
Почтенный господин мой! мне известно,
Что этот вздор ее и не займет.
Мои дары лежат глубоко в сердце
И ей принадлежат, хотя и не даны.
Ты жизнь мою прими, мое признанье,
Пред стариком, который, мнится мне,
Любил когда-то. Руку я беру
Твою, что так бела, как голубиный,
Нежнейший пух, как зубы мавра, как
Снега чистейшие, что север дважды
Продул своим дыханием холодным.

Поликсен
А дальше что? Как ловко руку он,
Что без того бела, словами моет.
Я сбил тебя, но ты оценку эту
Продолжи, расскажи, чего желаешь.

Флоризель
Да, я скажу, свидетелем мне будьте.

Поликсен
И мой сосед со мною заодно.

Флоризель
И он, и больше, люди все и небо,
И вся земля. Будь венценосным я
Монархом, будь я этого достоин,
Будь я красивейшим из всех на свете,
Из всех, которым очи дорогие
Любовию светились, и имей я
Сознания и силы больше, чем
Любой мужчина, — без любви ее
Я все бы презирал; лишь для нее
Всем дорожил бы, все бы отдал ей,
Служенью ей, а если б нет, так бросил,
Как мне ненужное.

Поликсен
Подарки ценны!

Камилл
Свидетельствуют о любви глубокой.

Пастух
Ты, дочка, что ему в ответ промолвишь?
Не то же ли?

Пердита
Я не могу, как он,

Так сладко говорить, ни лучше мыслить
И чувствовать, но по своим я мыслям
Всю чистоту его желаний вижу.

Пастух
Тогда в залог друг другу руки дайте,
Свидетелями эти гости будут.
Я дочь ему даю и с нею вместе
Приданое такое, как его,
Не менее.

Флоризель
С моим приданым ваше
Сравнится только прелестью ее.
Когда умрет одно лицо, тогда
Я большим пользоваться буду в жизни,
Чем вам присниться может, удивлю
Величием наследства. Но, однако,
Соедините нас, пусть все, кто здесь,
Свидетелями будут.

Пастух
Если так,
Давайте ваши руки, ты и он.

Поликсен
Постой, пастух, немного обожди.
Отец ваш жив?

Флоризель
Да, жив. Но что же с этим?

Поликсен
Ему известна свадьба ваша?

Флоризель
Нет,
И знать о ней не должен он.

Поликсен

Однако,
Мне кажется, отец на свадьбе сына
Найлучший гость; он стол собой украсит.
Скажи, отец твой, может быть, не может
Разумно действовать, он слаб рассудком
От лет или подагры; не способен
Именьем управлять, не может также
Ни говорить, ни слушать и тем меньше
Людей не может различать. Он болен,
Быть может, и лежит совсем без дела,
Впав в детство?

Флоризель

Нет, почтенный господин,
Здоров он и покуда в полной силе,
Как мало кто в его года.

Поликсен

Тогда
Клянусь своей седою бородою,
Что ты к нему несправедлив и сыну
Не следует так поступать. Жену
Мой сын, конечно, должен выбрать сам,
Но должен и отец, который счастьем
Своих потомков будет жить, иметь
В подобном важном деле также голос.

Флоризель

Все это так. Но по другим причинам,
Которых вы, мой строгий господин,
Не знаете — отцу я не сказал.

Поликсен

Тогда теперь скажи ему об этом.

Флоризель

Нельзя.

Поликсен

Прошу!

Флоризель

Нет, он не должен знать.

Пастух

Скажи ему, мой сын. Узнав твой выбор,
Печален он не будет.

Флоризель

Нет, нельзя.
Теперь — к помолвке.

Поликсен *(давая узнать себя)*

Нет, теперь к разводу,
Мой юный господин, которого отныне
Я сыном звать не буду: недостоин!
Наследник скиптра — на пастуший посох
Его меняет! ты ж, изменник старый,
Мне жалко, что, велев тебя повесить,
Я сокращу твой век лишь на неделю!
Ты, дьявола роскошное созданье,
Не ведать не могла, что завлекала
Ты дурня королевской крови, что...

Пастух

О горе!

Поликсен

Терниями — я велю сцарапать
Всю красоту твою, чтоб снизошла
До звания, приличного рожденью.
Что до тебя касается, влюбленный,
Чуть ты вздохнешь по ней хоть раз один,
За то, что не увидишь и не должен
Увидеть — я лишу тебя престола.
В тебе моей я не признаю крови,

Ни дальнего родства со мной — дальше
Чем к нам стоит Девкалиона род,
Заметь мои слова и следуй тотчас
За мною ко двору. — А ты, мерзавец,
Хотя ты заслужил немилость нашу,
На этот раз, я жизнь дарю.
А ты, что колдовством его объяла
Таким, которого совсем довольно,
Чтоб пастуха смутить, хотя бы и такого
Как он, унизившегося так тяжко,
Что даже не достоин стал тебя, —
Когда еще раз он перешагнет
Порог лачуги вашей и когда
Его в кольцо объятий заключишь ты,
Клянусь, изобрету такую казнь,
Что будет ужасом своим сильнее,
Чем нежность чародейская твоя!
(Уходит.)

Пердита
Я и без этого совсем погибла.
Не испугалась я, хотела говорить,
Сказать ему, что не другое солнце,
А то же самое сияет с неба
На двор его и на лачугу нашу.
Ступайте, принц! Я говорила вам
И прежде, что произойдет. Прошу вас,
Подумайте о звании своем;
Мой сон окончился, проснулась я —
Не королева больше, а пастушка —
Дою мою козу и горько плачу.

Камилл
А ты, отец, пока ты жив, что скажешь?

Пастух
Я не могу ни говорить, ни думать;
Не смею даже знать я то, что знаю.

(Флоризелю.)
О принц! восьмидесятилетний старец
Несчастным сделан вами; он в могилу
Спокойно думал низойти, скончаться
На той кровати, на которой умер
Его отец, улечься рядом с ним;
Теперь же обовьет меня палач
Могильным саваном, и мне священник
Не бросит на могилу горсть земли.
(Пердите.)
Дитя безумное! ты принца знала —
Как смела думать выйти за него?
О горе мне! когда б я умер тотчас,
Желательным явился б смерти час.
(Уходит.)

Флоризель
Что так глядите на меня? Поверьте,
Что не испуган я, но озабочен;
Мне помешали — но не изменили
Того, чем был я. Я стремлюсь сильнее,
Когда задерживают, и не буду
Идти, как то хотят, на помочах.

Камилл
Любезный принц! вам взгляд отца известен,
Теперь с ним вовсе говорить нельзя,
И думаю, что вы такого ж мненья;
Он даже вида вашего не стерпит,
А потому, пока не успокою
Его — к нему не приходите вы.

Флоризель
Я этого совсем не желаю.
Ведь ты — Камилл?

Камилл
Да, принц.

Пердита

Как часто, часто
Я говорила — это будет так;
Как часто повторяла, что несу
Свое я званье лишь до той поры,
Пока его узнают.

Флоризель

Нет, поверь,
Ему всего один конец возможен,
Когда неверным буду я тебе;
Тогда пускай природа сдавит землю
В ее боках и раздробит нутро.
Утешься! не короне я наследник —
Наследник я своей к тебе любви.

Камилл

Послушайте совета.

Флоризель

Мне любовь
Дает совет. Коль разум я имею,
Я разуму последовать хочу.
Когда не так — тогда пускай безумье,
Как наслажденье жизни, я приму.

Камилл

Так говорить одно безумье может.

Флоризель

Зови, как хочешь ты. Так как оно
Мне служит к исполненью обещанья,
Его я просто честностью зову.
Камилл, за всю Богемию, за блеск,
Который мне наградой в ней служил бы,
За солнце, видящее все, за землю,
Объемлющую все, скрывающую море
В глубокой глубине, — я не нарушу

Обета, данного невесте обрученной.
И потому прошу тебя, как друга,
Избранного моим отцом, когда бы
Ему меня увидеть не пришлось
(Его, по правде, не хочу я видеть),
Ты гнев его советом укроти —
Меня оставить будущим судьбам.
Скажи ему, что уезжаю в море,
Везу ее от берега, который
Ее хранить не может. Очень кстати
Корабль я вижу здесь стоит готовый
Как бы нарочно для меня — но только,
Куда поеду, этого не нужно
Вам знать, а мне об этом сообщать.

Камилл
Мой принц! о если б ваша мысль могла
Последовать хорошему совету?

Флоризель
Пердита, слушай.
(Отводит ее в сторону. Камиллу.)
Слушаю тебя.

Камилл
Упорен! и решил бежать! Когда бы
Воспользоваться мне его отъездом,
Его спасти, ему любовь и честь
До гроба посвятить, опять увидеть
Сицилию и короля ее,
Которого так сильно жажду видеть?

Флоризель
Камилл мой добрый, я так озабочен,
Что даже и приличье забываю.

Камилл
Вам, принц, известна та любовь, та дружба,
Что я питаю к вашему отцу?

Флоризель
Ты хорошо служил. Речь о тебе
Вести отцу, что музыка живая;
Он озабочен, как ему за службу
Твою благодарить?

Камилл
Но, если так
Вы точно думаете, принц, что я
Его люблю и все люблю, что близко
Ему, и вас, конечно, прежде всех,
Почтите мой совет (конечно, если
Решитесь вы свой план переменить);
Я вас направлю, честью уверяю,
Туда, где примут вас от сердца, дружбой,
Как подобает вам и также ей,
Чтоб счастливыми быть и обручиться
(Ей — от которой, ясно вижу это,
Вас отделить способна только смерть,
Чего не дай Господь); чуть удалитесь
Отсюда, — я употреблю все средства,
Чтобы отца скорее помирить.

Флоризель
Но разве, о, Камилл, такое счастье
Возможно? Если — да, тебе вверяюсь
Я больше, чем простому человеку.

Камилл
Подумали ли вы, куда вам ехать?

Флоризель
Нет не подумал. Если случай странный
Причиной нашему решенью послужил,

Мы, как рабы, отправимся навстречу
Всем переменам и по всем ветрам.

Камилл
Тогда послушайте. Когда решили
Вы бегство ваше, убегайте вы
В Сицилию и там представьтесь сами,
Представьте также и ее, принцессу
(Ей быть принцессой), королю Леонту.
Дадут одежды ей, что подобают
Супруге вашей. Так и мнится мне,
Что вижу, как Леонт в объятья примет
Обоих вас, приветствуя, слезами,
Как будет он прощения просить
У сына, будто у отца, как будет
Принцессе руки целовать, — и будет,
Между любовию и злобою поставлен,
Желать, чтоб злоба опустилась в ад,
Любовь росла быстрей, чем мысль иль время.

Флоризель
Какою же причиной объясню я,
Камилл любезный, это посещенье?

Камилл
Вы скажете ему: король отец
Вас шлет к нему с поклоном, с утешеньем.
Как поступать и что вам говорить,
Чтоб вне сомненья был он, что отцом
Своим вы присланы — я напишу вам, —
Известное лишь только нам троим, —
Вы будете иметь ответ готовый
На всякий из его вопросов, он
Увидит в вас живое воплощенье
Отца и то, что сердце вы его
С собою принесли.

Флоризель

Я благодарен
За твой совет. Он важен для меня.

Камилл

Поверьте, этот путь вернее будет,
Чем если вы доверитесь волнам,
Странам безвестным и лишеньям всяким,
В которых вы, от помощи далеки,
От горя одного к другому горю
Пойдете, где вам верен будет только
Один лишь якорь, верен будет тем
Что там, где не-любо, он вас удержит.
Не позабудьте также, что любви
Сильнейшая опора — счастье, что несчастье,
Меняя состоянье духа, также
И сердце изменяет.

Пердита

Лишь одно
Тут правда: при несчастьи блекнут щеки,
Но в сердце снизойти ему нельзя.

Камилл

Вы думаете? Если так, тогда
В семь долгих лет подобному ребенку
Не народиться в вашем отчем доме.

Флоризель.

Ее образованье, друг Камилл,
Далеко впереди ее породы.

Камилл

Я не могу сказать, чтоб не хватало
Образованья ей: она, мне мнится,
Учителей способна научить.

Пердита
Простите, господин! благодарю я
Тем, что краснею!

Флоризель
Чудная Пердита!
Мы все-таки на терниях стоим!
Спаситель моего отца и мой,
Защита дома нашего, Камилл,
Что делать нам? Я денег не имею,
Чтобы, как это подобает принцу
Богемии, в Сицилию явиться!

Камилл
На этот счет не беспокойтесь, принц;
Вы знаете, имущество мое
Все там; обставить вас по-королевски
Его довольно. Ваша роль — моя.
Вот, например, чтоб в этом убедиться,
Что вам довольно будет — на два слова...
(Отходят в сторону и тихо разговаривают.)

Входит Автолик.

Автолик. Го, го! какая дура — честность! доверчивость, ее присяжная сестрица, тупейшая дама! я распродал всю мою дрянь; ни одного поддельного камешка, ни ленты, ни карманного зеркальца, ни пузырька с духами, галстуха, таблички, баллады, нитки, ножичка, перчаток, пряжек, браслета, рогового колечка — у меня не осталось, всю дрянь, купили, всю! наперерыв толкались, кому прежде купить, как будто мои безделушки были освящены и приносили покупателю благословение. При случае заметил я, чьи кошели толще, и наметил их себе. Шут, которому не хватает очень малого, чтобы быть совсем умным человеком, влюбился до такой степени в бабье пенье, что он своих поросячьих лап до тех пор не отнимал, пока не заучивал напева и слов, а это подгоняло ко

мне всех остальных до такой степени, что все их чувства попрятались в слух; можно бы было стащить любую юбку, и никто бы не заметил; ничего бы не стоило отрезать от пояса любой денежный кошель; я бы мог стибрить ключи, висевшие при цепочках; они ничего не слыхали, ничего не чувствовали, кроме песен моего дурака, и удивлялись их ничтожеству, так что я, пользуясь их одурью, стащил большинство их кошельков, набитых к празднику, и если бы старый пастух, со своим оханьем о дочери да королевском принце, не появился и не разогнал их, как воробьев с посева, так я бы не оставил при них ни одного кошелька из целой армии.

Подходят Камилл, Флоризель *и* Пердита.

Камилл. Нет, мои письма, которые прибудут так же скоро, как вы, разрешат всякое сомнение.

Флоризель. А те, которые даст мне Леонт?

Камилл. Помирят с вами отца.

Пердита. Благослови вас Небо. Все, что вы сказали, обещает счастье.

Камилл *(заметив Автолика)*. Кто это? Мы должны воспользоваться им, не упускать ничего, что может служить нашему делу.

Автолик *(в сторону)*. Если они меня подслушали — тогда повесят.

Камилл. Ну, приятель! чего испугался? не бойся! зла тебе не сделают.

Автолик. Да ведь я, господин, нищий.

Камилл. Ты тем и останешься, что есть: тебя не обокрадут; что касается до внешности твоей бедности, то мы сейчас приступим к обмену. Раздевайся немедленно (знай — это необходимо) и надень платье этого господина, хотя это ему и не к выгоде, но ты получишь и еще нечто в придачу.

Автолик. Я нищий, господин, *(в сторону)* вас-то я хорошо знаю.

Камилл. Ну, ну, живо, господин наполовину уже разделся.

Автолик. Так в самом деле? *(в сторону)* я начинаю понимать, в чем дело.

Флоризель. Торопись же, прошу тебя!

Автолик. Да уж я имею подачку, но, право, по совести, я не могу принять ее.

Камилл. Расстегивайся, расстегивайся! *(Меняют платья.)*

Счастливая принцесса! пусть над вами
Исполнится пророчество мое.
Вы удалитесь поскорее в чащу,
Наденьте шляпу принца и на брови
Ее надвиньте, чтоб закрыть лицо,
Переоденьтесь тоже, сколько можно,
Чтоб на себя не походить (боюсь
Я пастуха), чтоб вам скорей добраться
До корабля у берега.

Пердита

Я вижу,
Что на себя я тоже роль приму.

Камилл

Не иначе. Готовы ль вы теперь?

Флоризель

Меня отец мой не узнал бы, если б
Увидел.

Камилл

Шляпы вам совсем не надо.
Идите, девушка, скорее; принц,
Счастливого пути.

Автолик

Спаси вас Бог!

Флоризель
Ах, Боже мой, Пердита, мы забыли!
Прошу тебя лишь на два слова, слушай...
(Говорят тихо.)

Камилл *(в сторону)*
Ближайшее, что сделаю — скажу
Я королю об этом бегстве, также,
Куда бежали; а потом сумею,
Так думаю, послать его им вслед,
И с ним опять Сицилию увижу,
Которой облик видеть жажду я,
Как девушка влюбленная.

Флоризель
Ну, с Богом.
Теперь, Камилл, идем мы к кораблю.

Камилл
И чем скорей, тем это лучше будет.
(Уходят.)

Автолик. Я понимаю, в чем дело, знаю хорошо. Воришка должен обладать открытым ухом, зорким глазом и быстрою рукою; недурно тоже иметь хорошее чутье, чтобы разнюхать работу другим чувством. Вижу, что теперь настало время, когда шельмам везет. Какой бы это чудесный обмен был, даже без придачи! и что за придача к такому чудесному обмену. Несомненно, что боги в этом году смотрят на нас сквозь пальцы, и мы можем делать нечто ex tempore. Сам принц занимается шельмовской проделкой: он бежит от отца с бревном на ногах. Если бы я не думал, что донести об этом королю будет честным делом, я бы непременно донес; но я нахожу более хитрым мошенничеством молчать об этом и остаюсь верным своему ремеслу. *(Входят Шут и Пастух.)* Однако, тише, тише; тут работающему рассудку есть еще, что делать. Каждый уличный угол, каж-

дая церковь, любое собрание, каждая казнь дают дельному человеку заработок.

Шут. Ну, сообразите только: что вы за человек! тут нет другого пути, как сказать королю, что она подкидыш, а не ваша плоть и кровь.

Пастух. Да ты послушай.

Шут. Вы меня послушайте.

Пастух. Ну, говори.

Шут. Так как она не от плоти вашей и крови, то ваша собственная плоть и кровь не оскорбляла короля, и поэтому ваша плоть и ваша кровь наказанию не подлежат. Покажите ему вещи, которые вы при ней нашли; также и те, что были спрятаны, все, что было при ней. Когда вы сделаете это, то вы закону вслед свистеть можете.

Пастух. Да, я все расскажу королю, каждое слово, равно как ухаживанье его сына, который держит себя не так, как подобает честному человеку, могу сказать, как относительно меня, так и относительно своего отца, потому что рассчитывал сделать меня королевским сватом.

Шут. Точно, сват — было бы тут наименьшим из того, чем бы вы стали; каждая капля крови вашей вздорожала бы намного.

Автолик *(тихо)*. Очень умно, обезьяньи морды!

Пастух. Так ладно же, идем к королю, он, наверное, почешет свою бороду над содержанием этого узелка.

Автолик. Я не знаю, однако, насколько это донесение их может помешать бегству моего господина.

Пастух. Очень хотел бы я, чтобы он был теперь во дворце.

Автолик. Если я честен не по природе, то бываю таким по случаю. Я сниму свою привесную бороду; *(снимает ее)* — эй, вы, мужики, куда идете?

Пастух. Во дворец, с вашего позволения.

Автолик. Какие у вас там дела? какого рода? с кем? что в вашем узле, ваши имена, возраст, происхождение, воспитание, и что еще тому подобное — говорите!

Пастух. Мы простые мужики, господин.

Автолик. Вранье; вы грубы и волосаты, мне не соврете; это пригодно только купцам, и они нам, солдатам, многое привирают; но мы платим им за это чеканенной монетой, а не убийственным острием клинка, так что они врут нам недаром.

Шут. Ваша милость едва было не подарили нам ее, да сами запутались в том, как вы ее нам подносили.

Пастух. Вы, с позволения вашего, придворный?

Автолик. Позволю я, или не позволю, я все-таки придворный. Не веет разве в тебя придворным воздухом от этого одеянья? разве не придворная у меня походка? не чуешь ты разве носом своим придворного запаха? разве не лучится от меня на твое ничтожество великое презрение? не думаешь ли ты, что я, разговаривая с тобою ласково и начав о твоем деле расспрашивать, поэтому не придворный? Я придворный от головы до ног, и из таких, который может помочь тебе в твоем деле или затормозить его: поэтому приказываю тебе объяснить его мне.

Пастух. Мое дело, господин, касается только короля.

Автолик. Кто же будет служить тебе адвокатом?

Пастух. Я не знаю, что это такое.

Шут. Адвокатом называют при дворе фазана; есть у вас фазан?

Пастух. Нет у меня ни фазана, ни петуха, ни курицы.

Автолик

Как счастливы мы тем, что не так глупы!
Но ведь могла создать меня природа
Таким же; оттого ее я чту.

Шут. Это, должно быть, очень важный придворный.

Пастух. Одежда его богата, но он носит ее как-то неловко.

Шут. Он кажется тем знатнее, чем большим чудаком представляется. Это важный человек, я подтверждаю это! я вижу это потому уже, как он ковыряет в зубах.

Автолик. Подайте узелок; что в нем? зачем эта шкатулка?

Пастух. В этом узле и в этой шкатулке, господин, секреты, которые могут быть открыты одному только королю и которые он узнает, когда я предстану перед ним.

Автолик. Старик, это потерянный труд.

Пастух. Почему, господин?

Автолик. Короля во дворце нет, он пошел на новый корабль, чтобы освежиться от своей печали. Если ты способен понимать серьезные вещи, то ты сообразишь, что король должен быть печален.

Пастух. Толкуют, будто оттого, что его сын женился на дочери пастуха.

Автолик. Если пастух уже не схвачен, так лучше пусть бежит; проклятия, которые над ним разразятся, мучения, на которые он обречен, сломали бы спину простому смертному и раздавили бы сердце чудовища.

Шут. Вы так думаете, господин?

Автолик. И не один он должен будет вынести на себе то, что есть злорадного в шутке и невыносимого в мести, но и все родственники его, хотя бы в пятидесятом колене, все попадут в руки палача; это очень жаль, но это необходимо. Старый мазурик овчар, хранитель козлов, вообразил выдвинуть дочку к величайшим почестям! Одни говорят, что его побьют камнями; но это слишком снисходительный для него вид смерти, по моему мнению. Задумал свести наш трон в овчарню! Всех видов смерти мало для него, тяжелейший будет слишком легок.

Шут. А есть у старика сын, господин? слыхали ли вы о таковом, господин?

Автолик. У него есть сын, с которого назначено, с живого, содрать кожу, обмазать медом и поставить над гнездом ос; над ним будет он стоять, пока умрет на три четверти и одну шестнадцатую; затем его обольют аквавитом, или другою едкою жидкостью, чтобы призвать к жизни; затем, совсем мокрого, каким он будет, в самый жаркий день из числа тех, что предсказаны календарем, будет он приставлен к кирпичной стене, подле которой солнце будет созерцать его своими южными очами,

а он будет глядеть на него, пока мухи не закусают его до смерти. Но зачем вам болтать об этих изменнических негодяях, горе которых должно осмеивать, потому что совершенное ими преступление так велико? Скажи мне (потому, что ты кажешься мне простым и честным человеком), какое у вас дело до короля? Так как на меня, до некоторой степени, смотрят милостиво, то я приведу вас к нему, пока он еще на корабле; представлю вас, замолвлю доброе словечко, и если кто, кроме короля, может исполнить ваше желание, так перед вами именно тот, кто может это сделать.

Шут. По-видимому, он пользуется большим значением; держись за него крепко, дай денег, и если могущество зачастую упрямый медведь, то оно все-таки зачастую может быть водимо за нос. Приложите внутреннюю сторону вашего кошелька к ладони его руки и больше ничего. Подумайте только: побить камнями, содрать кожу с живого!

Пастух. Если бы вы согласились, господин, взять в свои руки наше дело, то все это золото принадлежит вам, и я принесу вам еще столько же, и оставлю этого юношу заложником, пока принесу.

Автолик. До тех пор пока я сделаю то, что обещаю.

Пастух. Да, господин.

Автолик. Хорошо, но дай мне половину. А тебя разве это дело тоже касается?

Шут. Да, отчасти, и хотя то, что со мною случилось, достаточно печально, но я все-таки думаю, что с меня живого кожи не сдерут.

Автолик. Да ведь это касается только сына пастуха: он должен быть повешен, на нем покажут пример.

Шут. Утешение, славное утешение; мы должны идти к королю и показать наши незнакомые ему лица; он должен узнать, что она вам не дочь, а мне не сестра, иначе все сказанное случится с нами. Господин, я дам вам столько же золота, как и этот старик, когда дело будет устроено, и останусь, как он сказал, вашим заложником до того времени, когда он принесет его.

Автолик. Я доверяю вам. Идите, когда что, к морю и придерживайтесь правой руки; я взгляну только за изгородь и последую за вами.

Шут. Этот человек для нас благословение, настоящее благословение.

Пастух. Пойдем вперед, как он говорит; он избран с тем, чтобы сделать нам доброе дело.

Пастух *и* Шут *уходят.*

Автолик. Если бы в меня запала мысль быть честным, то я вижу, что сама судьба не допустила бы меня к честности; добыча сама лезет мне в рот. Мне предстоит двойная выгода: золото и возможность услужить принцу, моему господину; кто знает, какою ступенькою к моему счастью послужит все это! Я приведу к нему этих двух слепых кротов; если он признает за лучшее — снова прогнать их и решит, что их дело до короля не касается, он может только назвать меня слишком угодливым негодяем; а к этому прозвищу и стыду, который с ним связан, мне не привыкать. Я представлю их ему; это может быть ему сподручно. *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА I

Сицилия. Зал во дворце Леонта.
Входят Леонт, Клеомен, Дион, Паулина *и другие.*

Клеомен
Довольно, государь, вы совершили
Святого покаянья. Нет вины,
Которой бы не искупили вы.
Не кайтесь более, чем провинились,
И, как и небо вам простило грех,

Себя простите сами.

Леонт

Нет, покуда
Она и добродетели ее
Мне памятны, не в силах я простить
Позор свой, ту великую неправду,
Благодаря которой я лишил
Страну наследника, себя супруги,
Жены сладчайшей, о которой муж
Когда-либо мечтал.

Паулина

Да, государь,
Когда бы вам пришлось себе просватать
Всех женщин мира и когда б от всякой,
Взяв лучшее, создать хотели б чудо
И совершенство — той, что вы убили,
Она бы не достигла.

Леонт

Да, и я
Так думаю. Убил! да, я убил!
Но ты меня терзаешь, говоря,
Что я убил! мне это злое слово
Звучит в твоих устах совсем не лучше,
Чем в помысле моем, а потому
Прошу произносить его не часто.

Клеомен

Не часто! никогда! ведь вы могли бы,
Сударыня, что лучшее сказать,
И вашей доброте в сто крат приличней.

Паулина

Знать, вы из тех, которые не прочь
Женить его вторично?

Дион

Если вы
Иного мненья, то тогда судьбы
Страны родной и правящего рода
Для вас ничто. Что за опасность в том,
Когда бездетный царь страну оставит
Всем ужасам, на гибель тех людей,
Что смотрят безучастно! Что же лучше
Как радоваться тишине, объявшей
Покойную в гробу. И что отрадней,
Как то, чтобы, в надежде сохраненья
Властительного рода, вновь призвать
На ложе королевское подругу
Того достойную?

Паулина

А кто же будет
Того достоин? и к тому же нужно
Исполниться словам богов: вещал
Сам Аполлон, что должен он, Леонт,
Быть без наследника, пока не сыщут
Дитя, потерянное им, а это,
Настолько смыслу здравому противно,
Как если б из могилы Антигон,
С дитятею погибший вместе, вдруг
Явился к нам. Так, значит, ваш совет,
Чтобы король, мой господин, решился
Противиться богам! нет, государь,
Короне вашей сыщется наследник;
Великий Александр ее оставил
Достойнейшему. Следуйте ему,
Он слыл за лучшего из всех.

Леонт

Паулина!
Ты, что всегда так бережно хранишь
О Гермионе память, если б я
Тебя одну лишь слушал, о, тогда бы

Я до сих пор глядел бы в очи ей
И с уст ее лобзал свое блаженство!

Паулина
И лучше бы, ценнее оставляли,
Чем приняли.

Леонт
Да, ты вполне права,
Нет жен, подобных ей, и мне жены
Не надобно. Когда бы мне пришлось
С той, что была бы хуже, обходиться
Приветливей, чем с ней, душа ее тогда,
Вернувшись к телу и сюда явившись,
К ее обидчику, могла б вопрос
Мучительный поставить и сказать:
«Зачем же это мне?»

Паулина
Когда б возможно
Подобное что было, то права
Она была бы.

Леонт
И меня тогда
К вторичному убийству побудила.

Паулина
Будь я душой покойницы, явись я
Сюда, я попросила б вас взглянуть
В глаза преемницы и мне сказать,
Что именно в сияньи глаз ее
Вас побудило их избрать? Затем
Над ухом вашим крикнула бы я
Так, чтобы оглушить: «мои ты вспомни!»

Леонт
Да, будто звезды были те глаза,
Другие все — погаснувшие угли!
Верь, Паулина, что другой жены
Мне не иметь.

Паулина
                    Клянетесь ли навеки,
Пока я не скажу, остаться вдовым?

Леонт
Клянусь тебе души моей спасеньем.

Паулина
Пусть все, кто здесь, свидетелями будут.

Клеомен
Не слишком ли настаиваешь ты?

Паулина
С одним лишь исключеньем: если встретит
Такую как она — ее портрет.

Клеомен
Однако же...

Паулина
                Постойте, доскажу.
Когда его решенье неизменно
И безусловно он решил жениться,
То предоставьте мне подругу выбрать.
Постарше первой будет, но зато —
Вернись покойница — она б с восторгом
Узрела вас, король, в ее объятьях.

Леонт
Согласен, не женюсь, пока не скажешь.

Паулина
Не прежде это будет, чем она,
Умершая, опять вернется к жизни.

Входит Придворный.

Придворный
Какой-то юноша, зовется принцем,
И Флоризелем, сыном Поликсена,
С супругою, красивейшей из всех,
Каких видали мы, предстать желает
Пред вами, государь.

Леонт
Но отчего ж он
Является не так, как подобает
Величию отца? Его приход
Столь неожидан, быстр, что можно думать,
Что вынуждено это посещенье
Нуждой иль случаем. А в свите кто?

Придворный
Весьма немногие и не из важных.

Леонт
И с ним принцесса, говоришь ты?

Придворный
Да!
Прелестнейшее из созданий мира,
Когда-либо согретых светом солнца.

Паулина
О Гермиона! как всегда хвастливо
Былое обесценить — современность
Стремится! так и ты должна в могиле
Явившемуся внове уступить!
Не сами ль вы, о государь, сказали,

И начертать велели на гробнице,
(Иль, может быть, могилы холоднее
Вдруг надпись сделалась?): «она была
И будет несравненною навеки».
Да, этот стих о красоте ее,
Что некогда стремился так далеко,
Теперь он сталь сомнителен, и люди
Находят нечто лучшее ее.

Придворный
Сударыня, простите мне: одну
Почти что позабыл я, а другая —
О ней судите, сами увидав,
Тогда решенью глаз язык ответит,
Задумай ей подобное творенье
Навербовать сектантов — все другие
Молиться б перестали, прозелитов
Всех за собою потянула б вслед.

Паулина
Не женщин только!

Придворный
Женщинам по сердцу
Она за то, что всех мужчин достойней;
Мужчинам потому, что бесподобней
Всех женщин в мире.

Леонт
Выйди, Клеомен,
Со свитой, их достойной, и веди
Ко мне в объятья.

Клеомен и другие придворные уходят.

Все же мне странна
Таинственность, с кой он явился к нам.

Паулина
Когда б ваш принц (из всех детей алмаз)
Увидел этот день, тогда б вдвоем
Прекрасною они бы парой были:
Нет разницы и месяца меж них.

Леонт
Ни слова больше, я прошу. Ты знаешь,
Он будто умирает вновь, когда
Ты говоришь о нем. Конечно, если
Увижу юношу, то созерцанье
Припоминаемого может сделать,
Что из себя я выйду... Вот они.

Клеомен возвращается с Флоризелем, Пердитою *и другими.*

Леонт
Принц, ваша мать была верна, должно быть,
Союзу брачному, зачавши вас:
Она черты супруга вам дала,
Так вид его на вас напечатлела,
Что будь теперь мне двадцать лет — я вас
Назвал бы братом, как я звал его,
И с вами бы пустился в болтовню
О шалостях, что с ним мы совершали.
Сердечный вам привет! И вам, принцесса,
Богиня! Я когда-то потерял
Таких как вы; между землей и небом
Они теперь стояли б здесь, как вы,
Такою же прекрасной дивной парой.
Лишился я (по глупости своей)
И дружбы вашего отца, с которым
Хоть раз еще я б встретиться желал.

Флоризель
Я по его явился приказанью
В Сицилию, и от него привез вам

Приветствия, какие только может
Король послать лишь другу, брату. Если б
Не слабость (что приходит к нам с годами),
Которая подвижности желанной
Его лишила, то он сам сюда,
Чрез земли и моря, что разделяют
Два ваших трона, прибыл к вам, кого
(Он сам велел мне это вам сказать)
Отец мой любит более всех скиптров
И больше тех, кому они даны.

Леонт
О добрый брат мой! Сердце золотое!
Я вспомнил те обиды, что когда-то
Нанес тебе: и эти изъявленья
Твоей любви так ясно говорят,
На сколько вял я и теряю время.
Привет обоим вам, как бы весне
Сияющей. Но как же он решился
Вас, дивные мои, руке Нептуна,
Всем ужасам (по меньшей мере, злобным)
И прихотям пути морского вверить
Лишь для того, чтоб принести привет
Мне, недостойному таких усилий,
Тем более отваги!

Флоризель
Государь!
Я и она — из Либии мы плыли.

Леонт
Там правит Смалюс, истинный герой,
Любим и страшен, как и подобает.

Флоризель
Оттуда, государь, где он слезами
Прощанья доказал, что дочь мне вверил,
Попутный ветер к югу нас принес,

Чтоб вас приветствовать. Я отпустил
Вслед за прибытьем лучших слуг моих.
С тем, чтобы им в Богемии поведать
Не только о блаженстве, что сыскал
Я в Либии, но также и о том,
Как прибыл я сюда с моей женою.

Леонт
Пускай, пока вы здесь, избавят боги
Наш воздух от болезней и заразы.
Жив ваш отец, честнейший человек,
Любимый, любящий; я, позабывши
Все это, виноватым стал пред ним,
И за вину меня карает Небо:
Бездетен я, тогда как ваш отец
Благословлен по правде и заслугам,
Имея вас. О! чем бы мог я быть,
Когда бы созерцал и дочь, и сына —
Таких, как вы.

Входит Придворный.

Придворный
Великий государь,
Что я скажу, совсем невероятным
Покажется — но можно доказать.
Король Богемии вам шлет поклон свой
Через меня, он здесь и просит, чтобы
Под стражу взять вы повелели принца,
Забывшего свой долг и сан высокий
И от отца бежавшего сюда
С пастушескою дочерью.

Леонт
Но где ж он,
Король Богемии?

Придворный

Я от него;
Он в городе; я говорю нескладно,
Как подобает странной вести этой.
Когда спешил сюда он ко двору
(Как кажется по их следам в погоню),
Он встретил по пути отца и брата
Принцессы самозванной, вместе с принцем
Оставивших свою страну.

Флоризель

Так значит,
Обманут я Камиллом был, чья честность
Была так безупречна до сих пор.

Придворный

Упрек ваш сами вы передадите
Камиллу, — он при короле.

Леонт

Камилл?

Придворный

Да, государь, Камилл, я говорил с ним.
Теперь он сам допрашивает беглых;
Не видывал я трусов им подобных;
Дрожат, целуют землю, на колени
Бросаются, себя перебивают,
Клянутся, что ни слово, а король
И слушать их не хочет и грозит
И пытками, и многими смертями.

Пердита

Отец мой бедный! Небо не желает
Союза нашего и нам вослед
Шлет соглядатаев.

Леонт

Принц, вы женаты?

Флоризель

Нет, государь; да и едва ли будем;
Скорее звезды упадут в долины,
И низким станет то, что высоко.

Леонт

От королевской ли исходит крови
Она, бежавшая?

Флоризель

Ей быть такою
Чуть выйдет за меня.

Леонт

Я вижу только,
Что это совершится слишком поздно.
Судя по спешности отца в погоне.
Мне очень, очень жаль, что чужды стали
Любви отцовской вы, с которой прочно
Обязанности связывали вас;
Я сожалею и о том, что выбор,
По внешности невесты — подходящий,
По крови непригоден.

Флоризель

Дорогая,
Хотя судьба враждебная не хочет,
Как и отец мой, нашего союза —
Любви взаимной погасить нельзя.
Вы, государь, припомнив юность вашу,
То время, как начали любить,
Перед отцом ходатаем мне будьте,
Он к просьбе вашей свой преклонит слух,
Бесценное уступит, как безделку.

Леонт
Тогда бы попросил я у него
Бесценную невесту вашу: он ее
Безделкою считает.

Паулина
Государь!
Уж слишком много молодости видно
У вас в глазах; за месяц до кончины,
Супруга ваша более достойна
Была таких восторга полных взглядов,
Чем то, на что вы смотрите теперь.

Леонт
Но глядя так, о ней-то я и думал.
(Флоризелю.)
Я вам еще на просьбу не ответил.
Ходатаем готов я быть за вас:
Желанья ваши не противны чести,
Я друг и им и вам; и с этой целью
Я к вашему отцу пойду навстречу,
Последуйте за мной и замечайте —
Каким путем я дело поведу.
(Уходят.)

СЦЕНА II

Там же, перед дворцом.
Выходят Автолик *и* Придворный.

Автолик. Будьте милостивы, господин, скажите: присутствовали ли вы при его рассказе?

Придворный. Я присутствовал при том, когда связку открыли и как рассказывал старый пастух — как он ее нашел. Затем, после всеобщего удивления, были мы удалены из комнаты. Мне кажется также, будто пастух утверждал, что дитя нашел он.

Автолик. Очень бы я радовался знать окончание всего этого.

Придворный. Я могу сообщить только урывками. Но те изменения в лицах короля и Камилла, которые я заметил, были признаками великого удивления; казалось, что, когда они глядели друг на друга, глаза их точно выскочить хотели; в их молчании слышалась речь, в их движениях — голос; они, казалось, слышали сообщение о каком-то спасенном или разрушенном мире. В них было видимо замечательное удивление; но и самый умный из свидетелей, не знавший ничего более, кроме того, что он видел, не мог бы сказать: печальны они или радостны? Но это всегда бывает, когда то или другое достигает высшего предела. (*Входит другой Придворный.*) Вот входит человек, который знает, что дальше было. Что нового, Роджеро?

Второй Придворный. Ничего, кроме радостных огней. Предсказание оракула исполнилось, и королевская дочь найдена; так много чудесного совершилось за это время, что сочинители баллад всего этого и рассказать не смогут. (*Входит третий Придворный.*) Вон он дворецкий Паулины — этот расскажет вам больше меня. Ну, каково теперь? Новейшее из того, что слышно, становится до такой степени похоже на старую сказку, что в нем нельзя не сомневаться. Нашел король своего наследника?

Третий Придворный. Вероятно, нашел, если когда-либо обстоятельства бывали так похожи на правду; и то, что вы услышите, вы бы поклялись, что видели собственными глазами: так сильно совпадают все доказательства. Одежда королевы Гермионы; ее драгоценный камень на шее ребенка; письмо Антигона, при нем найденное, почерк которого всеми признается; величественность девушки, совсем схожая с материнскою; благородство ее помыслов, о которых назло недостатку воспитания, свидетельствует сама природа, — все это и многие другие доказательства говорят, несомненно, о том, что она дочь короля. Видели вы встречу обоих королей?

Второй Придворный. Нет.

Третий Придворный. В таком случае вы лишились многого такого, что нужно видеть, но описать нельзя. Вы бы увидели, как венчает одна радость другую: так что, казалось, будто печаль, долженствовавшая удалиться, плакала, покидая их, так как радость обоих обливалась слезами. Это было такое бросание взглядов, такие пожатия рук, с такими могучими изменениями в чертах лиц, что обоих королей можно было распознать только по их одеждам, а никак не по лицам. Наш король, в радости по отысканной дочери, выходивший из себя, вдруг воскликнул, как будто радость сразу обратилась в горе: О! твоя мать! твоя мать!.. потом просил он короля Богемии о прощении, обнял зятя, обнял вторично дочь свою, чуть не задавил ее и благодарил старого пастуха, стоявшего подле, как выветрившийся водопровод, видевший не одно царствование. В жизни моей не слыхал я ни о чем подобном; действительность ослабляет рассказ, который хочет за нею следовать и мешает рассказчику рассказать ее.

Второй Придворный. Но что случилось с Антигоном, увезшим отсюда ребенка?

Третий Придворный. И это звучит как старая сказка, которую можно бы было повторять до бесконечности, хотя бы никто ей не верил и ни одно ухо к ней не преклонилось. Его разорвал медведь; об этом свидетельствует сын пастуха, имеющий в оправдание себя не только свою туповатость (а она значительна), но и носовой платок и кольца Антигона, знакомые Паулине.

Второй Придворный. Что же произошло с сопровождавшими его, с его кораблем?

Третий Придворный. Погиб в ту минуту, когда умер Антигон перед глазами пастуха, так что все предметы, которые сопровождали ребенка в пути, погибли именно тогда, когда найдена девочка. Но как боролись одно с другим чувства радости и печали в лице Паулины! Один ее глаз как бы опускался вследствие горя о потере мужа, другой, напротив того, весело глядел кверху, пото-

му что исполнилось предвещание оракула. Она приподняла принцессу от земли и так сдавила ее в своих объятиях, как будто намеревалась прикрепить к сердцу, чтобы не потерять ее вторично.

Первый Придворный. Величие этого зрелища было достойно иметь зрителями князей и королей, потому что таковые разыграли его...

Третий Придворный. Но самою ценною чертою всего совершившегося, ловившею мой глаз, как на удочку (вода в нем проступила — хоть и не рыба), — была та, когда говорили о смерти королевы. Король открыто при всех повинился в этой смерти, сказал, как это произошло; видно было, как врезывался в сердце дочери этот рассказ и как, наконец, переходя от одного знака печали к другому, с восклицанием «ах!» зарыдала она, как мне казалось, кровавыми слезами; мое сердце тоже сочилось кровью, это я знаю наверно. Самый окаменелый из присутствовавших изменил при этом краску в лице; многие упали в обморок, все были глубоко опечалены. Если бы весь мир мог присутствовать при этом зрелище, — печаль сделалась бы всемирною.

Первый Придворный. Вернулись они ко двору теперь?

Третий Придворный. Нет, принцесса услыхала о существовании статуи своей матери, находящейся на попечении у Паулины — предмет, над которым работали много лет; он только очень недавно покончен великим итальянским мастером Джулио Романо, который, если бы имел за себя вечность и мог вдохнуть в статую жизнь, лишил бы природу всякого занятия, с таким совершенством подделывает он — обезьяна — ее творения. Его Гермиона так сходна с настоящею Гермионою, что с нею желательно заговорить и ждешь ответа. Туда же направились они теперь со всем голодом своей любви и будут там ужинать.

Первый Придворный. Я думаю, что Паулина задумала что-то очень важное; со времени смерти Гермионы она ежедневно, два или три раза посещала этот

удаленный дом. Не пойти ли нам туда и не присоседиться ли к общей радости?

Третий Придворный. Кто же не желал бы присутствовать, имея право входа? Каждая минута способна принести новое блаженство, от участия в котором все отсутствующие как бы отказываются. Пойдемте.

Придворные уходят.

Автолик. Не будь теперь на мне пятна моей былой жизни, то повышения посыпались бы на меня дождем. Я привел старика и его сына к принцу на корабль; я сказал ему, что слышал рассказ старика о какой-то связке и многое другое. Но тогда был он полон впечатления пастушки, за которую принимал ее; она и он, не менее ее, заболевали тогда морскою болезнью, буря продолжалась, и тайна оставалась не открытою. Но это мне все равно; если бы я даже и открыл тайну, то это не отняло бы дурного запаха моей репутации. *(Входят Пастух и Шут.)* Вот они оба, те, которым я, против моего желания, сделал добро; они, кажется, уже находятся в полном цвете своего счастья.

Пастух. Пойдем-ка, сынок; я, братец, с производством на свет детей покончил, — а вот твои сыновья и дочери все будут дворянского рода.

Шут. Вы здесь очень кстати, сударь; вы на этих днях не хотели драться со мною, потому что я не прирожденный дворянин. Полюбуйтесь этою одеждою и скажите же, что вы их не видите и продолжаете думать, что я не дворянин, или лучше скажите, что эти платья не прирожденные дворяне. Ну, говорите, что я лгу; попробуйте сказать, и вы убедитесь — прирожденный я дворянин или нет.

Автолик. Я знаю, господин, что вы теперь кровный дворянин.

Шут. И я был им всегда в течение четырех часов.

Пастух. И я, голубчик.

Шут. Вы, конечно, тоже, но я был прирожденным дворянином ранее, чем были таковым вы, мой отец, потому что принц взял сначала за руку меня и назвал «братом»,

после того оба короля назвали «братом» вас, моего отца, и уже потом принц, мой брат, и принцесса, моя сестра, назвали моего отца «отцом»; и все мы плакали, и это были первые дворянские слезы, когда-либо пролитые нами.

Пастух. Мы будем еще жить, сынок, и прольем многие другие.

Шут. Да, если бы не так, — то было бы великим несчастьем, что мы с тобой находимся в таком исключительном положении.

Автолик. Униженнейше прошу вас, господа, простить мне все мои ошибки, когда-либо против ваших благородий совершенные, и замолвить за меня словечко принцу, моему господину.

Пастух. Прошу тебя, сынок, сделай это, потому что мы должны быть милостивы, так как мы милостивые государи.

Шут. А ты думаешь исправиться?

Автолик. Да, если милостивый государь позволит это.

Шут. Дай руку: я поклянусь принцу, что ты честнейший и положительнейший человек в Богемии.

Пастух. Ты можешь сказать это, но не клясться.

Шут. Не клясться? да разве я не дворянин? Мужики и простые граждане могут говорить просто, — я же клянусь.

Пастух. Даже если это неправда, сынок?

Шут. Как бы что лживо ни было, настоящий дворянин может засвидетельствовать противное, своему другу в удовольствие; и я хочу поклясться принцу, что ты хороший парень и не будешь пьянствовать; поклясться в том, что я желаю, чтобы ты стал действительно порядочным парнем.

Автолик. Я, сударь, по слабым силам моим, постараюсь таковым казаться.

Шут. Ну, ну, старайся казаться хорошим во всех отношениях, и если я не удивлюсь тому, что в тебе хватит духу не пьянствовать, так как ты совсем не хороший парень, то не верь мне больше никогда. Тсс! слушайте:

короли и принцы, наши родственники, направляются к статуе королевы. Следуй за нами; мы будем твоими добрыми господами.
(Уходят.)

СЦЕНА III

Там же. Комната в доме Паулины.
Входят Леонт, Поликсен, Флоризель, Пердита, Камилл, Паулина, Вельможи *и свита.*

Леонт
О! как ты много утешенья мне
Доставила, Паулина.

Паулина
Государь!
Мои намеренья не все с успехом
Исполнены, но были хороши;
Вы заплатили щедро мне; но нынче,
Придя ко мне с венчанным братом вашим
И с избранным наследником престола
В мой бедный дом, превысили вы меру
Всей благодарности возможной.

Леонт
Все мы
Хоть осчастливили — но беспокоим
Тебя, Паулина. Мы сюда явились,
Чтоб статую увидеть королевы;
Когда мы шли хоромами твоими,
Заметили мы редкостей довольно,
Не видели мы только одного лишь —
Того, зачем сюда явилась дочь —
Изображенья матери.

Паулина

Так точно,
Как в жизни несравненною была,
Так даже в сходстве самом несравненно
Изображенье, редкая работа
Людской руки, и потому-то я
Ее скрываю. Вот оно, смотрите.
Но только приготовьтесь увидать
Изображенье жизни, столь живое,
Столь схожее, как сходны смерть и сон.
Глядите, хороша ли?
(Отдергивает занавес и открывает Гермиону, стоящую, как статуя.)
То молчанье,
С которым вы глядите, убеждает
В том, как удивлены вы, государь!
Скажите сами вы, не правда ль — схожа?

Леонт

Совсем она! Кляни, холодный камень,
Меня, чтобы назвать тебя я мог
Моею Гермионой; или нет,
Ты не клянешь меня, и в этом ты —
Совсем она: она была кротка,
Как милость и невинность. Но, Паулина,
На Гермионе не было морщин,
Была моложе.

Поликсен

Это несомненно.

Паулина

Тем истинней художника искусство;
Шестнадцать лет перескочив, он создал
Ее, как будто продолжала жить.

Леонт
О! если б это было ей возможно
На радость мне, чтоб перестать терзать.
Действительно такою же стояла
Величественна жизнью (и тепла
Настолько же, насколько холодна
В изображении) в тот день заветный,
Когда я сватался. Меня объемлет
Глубокий стыд. Не говорит ли камень,
Что больше камень я, чем он? Виденье!
В твоем величьи скрыто колдовство!
Оно на память мне зовет злодейство,
И дочь мою сознания лишило,
Так что она стоит, окаменев.

Пердита
Простите, не сочтите суеверьем,
Что я склонюсь, прося благословенья,
Пред обликом ее. О! королева
И матушка, умершая тогда,
Как родилась я, допусти меня
Твоей руки коснуться поцелуем.

Паулина
О! осторожнее! Еще недавно
Работа кончена, и краски влажны.

Камилл
Бесценный государь! Шестнадцать зим
Не свеяли печали вашей; столько ж
Горячих летних дней, чтоб иссушить
Ее, не властны были. Ни одна
На свете радость не живет так долго.
Не может же печаль быть долговечной:
Она себя должна уничтожать.

Поликсен
Дражайший брат мой! разреши тому,
Кто был причиною печали этой,
Взять долю на себя, чтобы нести.

Паулина
Да, государь, когда б я только знала,
Что этот облик в вас пробудит столько
Печали — я б его не показала, —
Он — мой.

Леонт
Нет, нет, его завесой
Не закрывай.

Паулина
Закрыть его должна я
Затем, что, глядя дольше, усомнитесь,
Не двигается ль он?

Леонт
О! нет, оставь.
Хотел бы мертвым быть я; мнится мне,
Что мертв я. Кто же сотворил, однако,
Такое изваянье? Поликсен,
Не думаешь ли ты, как я, что дышит
Оно, и кровь бежит по жилам в нем?

Поликсен
Да, труд чудесный, и улыбка жизни
Есть на губах.

Леонт
И взгляд ее направлен
Как бы живой; смеется тут искусство
Над нами.

Паулина

Я ее скорей завешу;
Взволнован государь настолько, что
Вдруг за живую примет.

Леонт

О, Паулина!
Хотел бы я так думать двадцать лет;
Ум мира целого не мог бы мне
Подобного безумства заменить;
Не тронь ее.

Паулина.

Но я боюсь за вас,
Хотя могла б подействовать сильнее.

Леонт
Да, так и делай, это будет мне
В великую отраду. Но мне мнится,
Что от нее как будто ветром веет?
Нет, никакой резец вдохнуть не может
Дыханья! Смейтесь, но ее я должен
Поцеловать.

Паулина.

Остерегитесь; право,
Румянец краски на губах не высох,
Ее испортит поцелуй, а вам
Запачкает он губы. Я завешу?

Леонт
Нет, целых двадцать лет не закрывай!

Пердита
И так же долго я глядеть останусь.

Паулина
Одно из двух вам нужно: удалиться

От этой ниши, или ожидать
Другого чуда, большего всех прочих;
Когда себя считаете способным
Смотреть, могу я привести в движенье
Изображение; оно сойдет
Сюда и вас возьмет за руку;
Но только не подумайте тогда,
Что с колдовством в связи я — ограждаюсь!

Леонт
О! чтобы ты ей делать ни велела,
С любовью я увижу. Мне услышать
Ее слова! — тебе, как видно, так же
Легко ее заставить говорить,
Как двигаться.

Паулина
Вам нужно, государь,
В себе сознать всю силу вашей веры;
Затем молчите все; а что до тех,
Кто думает в моем деяньи видеть
Преступное — пускай уходит прочь.

Леонт
Начни. Кто здесь, все стойте неподвижно.

Паулина
Ты, музыка, буди ее, пора!
(Музыка играет.)
Сойди, не оставайся больше камнем,
Приблизься, изумленьем поразив
Всех видящих. Твою гробницу я
Закрою; ты же двигайся, иди!
Оставь недвижность смерти за могилой,
Ты счастьем жизни куплена у ней.
Смотрите — движется!
(Гермиона сходит с пьедестала.)
Вы, не пугайтесь

Ее — она, как и мое деянье,
Невинна и свята; нет, не пугайтесь,
Не то умрет вторично, и тогда
Вторично совершите вы убийство.
Вы протяните руку ей свою,
Как было то при сватовстве, теперь же
Она посватается.

Леонт *(обнимает Гермиону)*
О! она тепла!
Когда тут колдовство — оно законно,
Законно так же, как принятье пищи.

Поликсен
Он обнят ею!

Камилл
Он в ее объятьях!
Когда она действительно живет,
Ты говорить ее заставь.

Поликсен
Пусть скажет,
Как там жила и как ушла от смерти?

Паулина
Когда бы вам сказали, что она
Живет, конечно, вы бы рассмеялись,
Как старой сказке. Но она, как будто
Живет, хотя еще не говорит.
Немного погодите. Ну, принцесса
Прекрасная, посредницею будьте,
Прося благословения ее,
Колена ваши преклоните. Королева
Любимая! сыскалась ваша дочь,
Пердита!
(Пердита становится на колени.)

Гермиона

Боги! от небес далеких,
Пролейте из святых фиалов ваших
Благословенье на главу ее.
Поведай, дочь единственная, как
Ты сохранилась? Где с тех пор жила?
Как отыскала двор отца? но помни,
Что для тебя себя я сохраняла,
Уверена, со слов Паулины, в том,
Что говорил оракул: ты жива!

Паулина

На это хватит времени. Не то
Все захотят рассказывать, мешая
Всем вашим радостям. Ступайте вместе,
Счастливцы; в обаяньи счастья жизни
Наговоритесь. Горлица — старушка,
Усядусь я на высохшую ветвь
Оплакивать погибшего супруга,
Оплакивать до смерти.

Леонт

Нет, Паулина,
Из рук моих должна принять ты мужа,
Как принял я из рук твоих жену;
Так сговорились мы; мою сыскала ты, —
Хотел бы я спросить: каким путем?
Сам видел мертвою ее, так думал,
И над могилой произнес не мало
Молитв. Искать не долго буду я
Тебе супруга, подойди, Камилл,
Возьми ее ты руку, ты, который
Достоинство свое и верность часто
Доказывал — свидетелями мы,
Король и королева. Ну, идем
Отсюда, брат! взгляните на него!
Простите оба мне, что злобой
Я опорочил блеск и чистоту

Невинных взглядов ваших. Вот наш зять,
Сын друга-короля, в защите неба
Соединенный с дочерью моею.
Веди, Паулина, нас туда, где будет
Привольней на досуге говорить,
О том, какие роли разыграли
Мы все во времени с тех пор, как нас
Судьба разъединила. В путь, скорее!
(Уходят.)

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание состоит из *двух разделов*.

В *первый раздел* включены избранные стихотворения К. К. Случевского 1857–1903 гг., в той или иной степени являющиеся «визитной карточкой» поэта. Ограниченный объем тома и желание представить полнее ранее не издававшиеся произведения поэта заставили нас отказаться от характерного для Случевского циклического (тематического) распределения стихов и выстроить данную выборку текстов в хронологическом порядке. Из-за того, что поэт, за редкими исключениями, не датировал свои произведения, предложенный нами хронологический порядок достаточно условен, так как приходилось основываться при определении дат на времени первой публикации текста. При всех недостатках, такой подход имеет и свои положительные стороны, позволяя читателю проследить эволюцию как мотивов, так и самой стилистики поэтических текстов.

В этот же раздел вошла полностью поэтическая книга Случевского «Песни из Уголка», объединившая стихотворения 1895–1901 гг., две поэмы — «Ересеарх» и «Призрак».

Во *второй раздел* включены произведения 1859–1902 гг., никогда не входившие в прижизненные или посмертные издания поэта, что придает этому разделу особую историко-литературную значимость. Это не только лирические и юмористические стихотворения, не попавшие в подготовленный нами в 2004 г. том Случевского «Стихотворения и поэмы» для серии «Новая Библиотека поэта», но и целый ряд крупных сочинений — поэма «Он и Она» (1899), драматическая сцена «Поверженный Пушкин» (1899),

а также перевод трагедии У. Шекспира «Зимняя сказка». Публикация «Зимней сказки» вместе с переводами шекспировских сонетов, стихотворений И.-Х. Готтшеда и Л. Тика позволяет оценить мастерство Случевского-переводчика.

При подготовке текстов основным признан был текст последней прижизненной публикации. Авторская пунктуация в основном сохранена. Орфография приведена к современной, за исключением отдельных слов, написание которых было характерно для эпохи и для самого автора (например, сохранены окончания *—ьи* в предложном падеже).

В примечаниях даны сокращенно (см. *список сокращений*) сведения о всех выявленных на сегодняшний день прижизненных публикациях текста (посмертные указаны лишь тогда, когда текст не публиковался при жизни автора). Более подробные сведения даются в примечаниях к текстам, прежде не печатавшимся в изданиях Случевского.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

В — Васильки: Сборник. СПб., 1901.

Д — альманах «Денница», под ред. П. П. Гнедича, К. К. Случевского, И. И. Ясинского. СПб., 1900.

И — журнал «Иллюстрация».

КН — журнал «Книжки Недели».

Нем. п. — Немецкие поэты в биографиях и образцах под редакцией Н. В. Гербеля. СПб., 1877.

НЛО — «Пятницы К. К. Случевского», публ. С. Сапожкова // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 281–375.

НП — журнал «Новый путь».

ОВ — журнал «Общезанимательный вестник».

ОЗ — журнал «Отечественные записки».

Пр. к Н — «Ежемесячные литературные приложения к журналу „Нива“».

ПУ — *Случевский К.* Песни из Уголка. СПб.: изд. А. Ф. Маркса, 1902.

РВ — журнал «Русский вестник».

РМ — журнал «Русская мысль».

Совр. — журнал «Современник».

Соч. — Сочинения К. К. Случевского: В 6 т. СПб.: изд. А. Ф. Маркса, 1898 (указания на том сделаны римской цифрой: Соч. I, Соч. II, Соч. III).

Ст. I — Стихотворения К. Случевского. СПб., 1880.

Ст. II — Стихотворения К. Случевского, 2-я книжка. СПб., 1881.

Ст. III — Поэмы, хроники. Стихотворения К. Случевского, 3-я книжка. СПб., 1883.

Ст. IV — Стихотворения К. Случевского, 4-я книжка. СПб., 1890.

СЦ — альманах «Северные цветы». М., 1901–1903.

Тр. — журнал «Труд. Вестник литературы и науки» (Приложение к журналу «Всемирная иллюстрация»).

Шекспир — Шекспир. Полное собрание сочинений. Серия «Библиотека великих писателей под редакцией С. А. Венгерова». Том V. СПб., 1905.

I. ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ВХОДИВШИЕ В ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ 1857–1903 гг.

«Я сказал ей: тротуары грязны...» ОВ, 1857, № 3, с. 120, с датой «18 марта 1857 г.», подпись: *К. С.*; Мода, 1857, № 19, с. 426, заглавие «Она»; Соч. I, с. 310.

«Я видел свое погребенье...» И, 1859, № 57, с. 99.

Уродец. И, 1859, № 72, с. 351.

На кладбище. Совр., 1860, № 1, с. 325. Пародия Н. Л. Гнута (Ломана) в «Литературных вариациях» (Искра, 1860, № 8).

«Ходит ветер избочась...» Совр., 1860, № 1, с. 326.

Статуя. Совр., 1860, № 1, с. 324; Ст. I, с. 109; Соч. II, с. 3. *Быков* Петр Васильевич (1844–1930) — поэт, литературный критик, переводчик, библиограф.

Мемфисский жрец. ОЗ, 1860, № 3, с. 219; Ст. IV, с. 153; Соч. II, с. 7. Пародия Н. Л. Гнута (Н. Ломана) под названием «Коварство и любовь» (Искра, 1860, № 25).

Будущим могиканам. Ст. I, с. 9, раздел «Думы и мотивы»; Соч. I, с. 26.

«За то, что вы всегда от колыбели лгали…» Ст. I, с. 18; Соч. I, с. 13.

Камаринская. Ст. I, с. 41; Соч. I, с. 152.

«Мне грезились сны золотые!» Ст. I, с. 58; Соч. I, с. 135.

«Нет ограды! Не видать часовни!» Ст. I, с. 65, заглавие «Кладбище в селе Головине»; Соч. I, с. 226. Входит в цикл «Черноземная Полоса» под номером XXXVII. Цикл печатался частями в журнале «Русский Вестник» (1883–1884), затем под названием «Картинки из Черноземной полосы» вошел в Ст. IV.

Страсбургский собор. Ст. I, с. 107; Соч. II, с. 123.

На плотине. Ст. I, с. 207; Соч. I, с. 134.

Мефистофель в пространствах. Ст. II, с. 121; Соч. I, с. 277. Стихотворение открывает цикл «Мефистофель».

Цинга. Ст. II, с. 190; Соч. II, с. 110.

В Заонежьи. Ст. II, с. 192; Соч. II, с. 109.

Дьячок. Ст. II, с. 194, с посвящением Ф. Н. Бергу; Соч. II, с. 81.

После казни в Женеве. Ст. II, с. 216; Соч. II, с. 176.

«Кто вам сказал, что ровно половина…» Ст. III, с. 244; Соч. I, с. 11.

«Да, я устал, устал, и сердце стеснено!» Ст. III, с. 250; Соч. I, с. 29.

«В костюме светлом Коломбины…» Ст. III, с. 254; Соч. I, с. 94.

Мурманские отголоски. Цикл возник в результате путешествия летом 1885 года в Архангельск, Белое море и Кольский полуостров. Печатался частями в журналах «Русский вестник» (1888–1889) и «Север» (1889), затем вошел в Ст. IV. В Соч. I был расширен и незначительно переформирован. *Трубачев* Сергей Семенович (1864–1907) — журналист, работал в редактируемой Случевским газете «Правительственный вестник».

I. РВ, 1884, № 4, с. 300; Ст. IV, с. 55; Соч. I, с. 229.

II. Тр., 1889, № 23, с. 470; Ст. IV, с. 56; Соч. I, с. 230.

III. РВ, 1889, № 3, с. 252; Ст. IV, с. 58; Соч. I, с. 230.

IV. РВ, 1888, № 4, с. 299; Ст. IV, с. 59; Соч. I, с. 231.

V. РВ, 1889, № 12, с. 184; Ст. IV, с. 61; Соч. I, с. 232.

VI. Ст. IV, с. 78; Соч. I, с. 233.

VII. Ст. IV, с. 64; Соч. I, с. 234.

VIII. Тр., 1889, № 23, с. 471; Ст. IV, с. 65; Соч. I, с. 235.

IX. Тр., 1889, № 23, с. 471; Ст. IV, с. 67; Соч. I, с. 236.

X. РВ, 1889, № 3, с. 253; Ст. IV, с. 70; Соч. I, с. 237.

XI. Ст. IV, с. 72; Соч. I, с. 239.

XII. Север, 1889, № 48, с. 942, под загл. «Из мурманских отголосков»; Ст. IV, с. 74; Соч. I, с. 239.

XIII. РВ, 1889, № 3, с. 252, без последних двух строф; Ст. IV, с. 76; Соч. I, с. 241.

XIV. Север, 1889, № 20, с. 386, под загл. «Из мурманских отголосков», с посвящением А. Н. Молчанову (1846– не ранее 1916), журналисту, сотруднику «Нового времени»; Ст. IV, с. 63; Соч. I, с. 242.

XV. Ст. II, с. 223; Соч. I, с. 243.

XVI. РВ, 1889, № 12, с. 184; Ст. IV, с. 80; Соч. I, с. 243.

За Северной Двиною *(На реке Тойме)*. РВ, 1891, № 1, с. 155, под загл. «В долине реки Тоймы»; Соч. II, с. 107.

Крещенская сказка-побывальщина. *О путешествии Государевых сыновей*. Соч. II, с. 141. Стихотворение адресовано имп. Марии Федоровне и написано в связи с путешествием наследника, цесаревича Николая Александровича по Азии и Сибири с октября 1890 по август 1891 г.

«Я задумался и — одинок остался...» КН, 1891, № 11, с. 205; Соч. I, с. 25.

«О, не брани за то, что я бесцельно жил...» КН, 1894, № 1, с. 77; Соч. I, с. 112.

«Тебе обязан я святою тишиной...» КН, 1895, № 1, с. 17; Соч. I, с. 55.

Неуловимое. Соч. I, с. 3.

Воплощение зла. Соч. I, с. 41.

«Мне ее подарили во сне...» Соч. I, с. 65.

«Создав свой мир в миру людском...» Труд, 1891, № 1, с. 63. Соч. I, с. 77.

«И холодной волной по железным бортам...» В, 1901, с. 361.

«Упала молния в ручей...» СЦ на 1901, с. 78.

Рецепт Мефистофеля. СЦ на 1903, с. 154.

Быть ли песне? НП, 1903, № 1, с. 109. Является полемическим ответом на статью С. А. Андреевского «Вырождение рифмы» из книги «Литературные очерки» (СПб., 1902).

«Лет десять до меня сюда предстал один...» РВ, 1903, № 2, с. 529. Входит в печатавшуюся частями в 1902–1903 гг. журналах «Русский Вестник» и «Новый Путь» поэму «Загробные песни», в третью часть «В том мире», в раздел «Встречи» под номером XV. *Сквозь видимый миру смех* — цитата из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, о котором идет речь в стихотворении.

«Поэт великий Дант, умерший Гибеллин...» РВ, 1903, № 4, с. 561. Входит в поэму «Загробные песни», в третью часть «В том мире», в раздел «Добро. Зло. Совесть» под номером XLI. *Дант* — Данте Алигьери (1265–1321), автор «Божественной комедии».

ПЕСНИ ИЗ УГОЛКА 1895–1901

Книга печаталась фрагментами в журналах: «Русская мысль» — 1897 (№ 11), 1898 (№ 1–3), 1899 (№ 1–3, 6), «Книжки Недели» — 1898 (№ 1, 4), «Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу Нива» — 1900 (№ 2, 4, 8), 1901 (№ 7, 9), в альманахе «Денница» (1900), частично вошла в Соч. I, с. 313–368 с подзаголовком «Усть-Нарова (1897–1898 г.)». Фактически вышла в начале декабря 1901 г. (на самой книге обозначен 1902 г.). В ПУ стихотворения были разделены в оглавлении по циклам (помещено на с. 202–207), но внутри книги стихи были расположены в ином порядке, который мы и воспроизводим. *Коринфский* Аполлон Аполлонович (1868–1936) — поэт, прозаик и критик, автор посвященных Случевскому стихов, хвалебных статей и книги «Поэзия К. К. Случевского. Этюд» (СПб., 1899). *Котляревский* Нестор Александрович (1863–1925) — историк литературы и публицист, впоследствии — академик, один из основателей Пушкинского дома Академии наук, первый его директор.

«Мы — разных областей мышленья...» КН, 1898, № 4, с. 63, посвящено Влад. С. Соловьеву (см. примеч. к поэме «Призрак»), В. П. Гайдебурову (1866 — после 1940), А. А. Коринфскому и М. Н. Ремезову (1835–1901); Соч. I, с. 315, под загл. «Песни из „Уголка“», с тем же посвящением; ПУ, с. 5.

1. РМ, 1897, № 11, с. 203; Соч. I, с. 316; ПУ, с. 7.

2. Пр. к Н, 1901, № 7, с. 431; ПУ, с. 9. *К лицу двух рек и лику моря* — реки Нарва (Нарова), впадающая в Финский залив,

и Росонь (рукав реки Луги), впадающая в Нарву около ее устья; море — Финский залив.

3. Пр. к Н, 1901, № 9, с. 33; ПУ, с. 11.

4. РМ, 1898, № 1, с. 168; Соч. I, с. 362; ПУ, с. 13.

5. Д, 1900, с. 137; ПУ, с. 15.

6. РМ, 1898, № 2, с. 75; Соч. I, с. 337; ПУ, с. 16. *Банко* — Призрак Банко явился убившему его Макбету во время пира (У. Шекспир. «Макбет», акт III, сцена 4).

7. РМ, 1899, № 1, с. 72; ПУ, с. 18. *Татьяна, Евгений, Ленский* — герои романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

8. ПУ, с. 19.

9. РМ, 1899, № 1, с. 72; ПУ, с. 21.

10. ПУ, с. 22.

11. КН, 1898, № 1, с. 50; Соч. I, с. 330; ПУ, с. 24. *Брат брата убивал* — убийство Авеля его братом Каином (Быт., IV, 8). *Мафусаил* — библейский патриарх, жил 969 лет (Быт., V, 27). *Отец осмеян сыном был* — Ной был осмеян своим сыном Хамом (Быт., IX, 21–22). *Как Цезарь, скрыв лицо плащом* — римский диктатор Гай Юлий Цезарь (102/100 – 44 до Р.Х.) закрыл лицо плащом, когда на него напали заговорщики-республиканцы во главе с Марком Юнием *Брутом* (85–42 до Р.Х.), кончившим жизнь самоубийством после поражения при городе *Филиппы*; быть при Филиппах — ожидать решающего сражения.

12. РМ, 1899, № 2, с. 88; ПУ, с. 26.

13. Соч. I, с. 367; ПУ, с. 27. *«Ты победил, Галилеянин!»* — слова умирающего императора Юлиана-Отступника (331–363), отрекшегося от *Галилеянина* — Христа. Существует мнение, правда ничем не подкрепленное, что стихотворение адресовано Ф. М. Достоевскому (см.: Сахаров В. И. Примечания // Случевский К. К. Стихотворения. М., 1984, с. 239).

14. Пр. к Н, 1900, № 4, с. 707; ПУ, с. 28.

15. Пр. к Н, 1900, № 2, с. 247; ПУ, с. 29.

16. ПУ, с. 30. *Гулистан* («Сад роз») — книга персидского поэта Саади (1203/1210–1292); здесь — сады Востока.

17. РМ, 1897, № 11, с. 206; Соч. I, с. 320; ПУ, с. 32. *Царь ударил в щеку Горна* — комендант Нарвской крепости Горн отверг в 1704 г. предложение Петра капитулировать. Случевский писал: «Еще и доселе слышится в Нарве та *могучая* пощечина — о ней

рассказывает биограф Карла XII Адлерфельд, — которую дал Петр Великий шведскому коменданту Горну перед тем, чтобы запереть его в каземат и заставить испытать на себе те сладости крепостного заключения, которые заставлял он так старательно испытывать русских пленных» (По Северу России. Т. III. СПб, 1888, с. 308; По северо-западу России. Ч. 2. СПб., 1897, с. 213).

18. Соч. I, с. 350; ПУ, с. 34. *Донской на Куликовом поле* — московский князь Дмитрий Донской (1350–1389) возглавил борьбу русских с татаро-монголами и одержал победу на Куликовом поле в 1380 г.

19. КН, 1898, № 1, с. 48; Соч. I, с. 327; ПУ, с. 35. *Нимфеи* — водяные лилии.

20. Пр. к Н, 1900, № 2, с. 251; ПУ, с. 37.

21. РМ, 1898, № 2, с. 74; Соч. I, с. 336; ПУ, с. 38.

22. Пр. к Н, 1900, № 8, с. 731; ПУ, с. 39.

23. Пр. к Н, 1900, № 4, с. 705; ПУ, с. 40.

24. КН, 1901, № 1, с. 106; ПУ, с. 41.

25. КН, 1898, № 4, с. 70; Соч. I, с. 360; ПУ, с. 42.

26. РМ, 1898, № 3, с. 205, с делением на две строфы; Соч. I, с. 344; ПУ, с. 44.

27. РМ, 1899, № 3, с. 125; ПУ, с. 46.

28. КН, 1898, № 1, с. 51; Соч. I, с. 331; ПУ, с. 47.

29. РМ, 1899, № 6, с. 79; ПУ, с. 49. *Аспазия* (Аспасия) — знаменитая своей красотой и умом гетера, с 445 г. до Р.Х. жена афинского государственного деятеля Перикла. *Сизиф* — в древнегреческой мифологии царь Коринфа, обречен богами в загробном мире вкатывать на гору камень, который тут же падал обратно. *Данаиды* — в древнегреческой мифологии дочери царя Даная, за убийство своих мужей обреченные в загробном мире наполнять водой бездонную бочку. *Тантал* — в древнегреческой мифологии царь, осужденный богами вечно томиться голодом вблизи плодов, которые не давались ему в руки, и жаждой среди воды. *Герострат* — житель Эфеса; стремясь увековечить свое имя, сжег в 356 г. до Р.Х. храм Артемиды Эфесской, одно из семи чудес света.

30. РМ, 1899, № 1, с. 71; ПУ, с. 51.

31. РМ, 1897, № 11, с. 209; Соч. I, с. 324; ПУ, с. 52.

32. РМ, 1898, № 2, с. 71; Соч. I, с. 333; ПУ, с. 54.

33. Пр. к Н, 1901, № 9, с. 29; ПУ, с. 56.

34. Соч. I, с. 366; ПУ, с. 57.

35. Соч. I, с. 347; ПУ, с. 58.

36. РМ, 1898, № 3, с. 206; Соч. I, с. 345; ПУ, с. 59.

37. РМ, 1899, № 1, с. 75; ПУ, с. 60.

38. РМ, 1899, № 1, с. 73; ПУ, с. 61.

39. Д, с. 143; ПУ, с. 62.

40. Пр. к Н, 1900, № 2, с. 249; ПУ, с. 64. *Плюшкин* — персонаж романа Н. В. Гоголя «Мертвые души». *Гарпагон* — герой комедии Ж.-Б. Мольера «Скупой».

41. Пр. к Н, 1900, № 8, с. 729; ПУ, с. 66.

42. Пр. к Н, 1901, № 7, с. 433; ПУ, с. 67.

43. Д, с. 140; ПУ, с. 68.

44. КН, 1898, № 1, с. 47; Соч. I, с. 326; ПУ, с. 70. Откликом на это стихотворение стал написанный 18 июня 1898 г. «Ответ на «“Плач Ярославны“» В. С. Соловьева. *Княгиня Ярославна* — жена северского князя Игоря Святославовича, чей плач на стене г. Путивля передает «Слово о полку Игореве».

45. РМ, 1899, № 1, с. 76; ПУ, с. 72

46. РМ, 1897, № 11, с. 207; Соч. I, с. 321; ПУ, с. 73.

47. РМ, 1899, № 3, с. 122; ПУ, с. 74.

48. РМ, 1899, № 1, с. 75; ПУ, с. 75.

49. РМ, 1899, № 6, с. 78; ПУ, с. 76.

50. РМ, 1898, № 3, с. 208; Соч. I, с. 351; ПУ, с. 78.

51. РМ, 1899, № 3, с. 121; ПУ, с. 80.

52. РМ, 1897, № 11, с. 205; Соч. I, с. 319; ПУ, с. 81.

53. РМ, 1899, № 3, с. 123; ПУ, с. 82.

54. Пр. к Н, 1900, № 4, с. 703; ПУ, с. 83.

55. Пр. к Н, 1900, № 4, с. 705; ПУ, с. 84.

56. Север, 1898, № 5, с. 130, с пометой: «СПб 23 января 1898 г.»; Соч. I, с. 366; ПУ, с. 86.

57. КН, 1901, № 1, с. 104; ПУ, с. 87. *Дерзнули башню воздвигать* — строительство Вавилонской башни (Быт., XI, 1–9).

58. РМ, 1899, № 2, с. 87; ПУ, с. 88. *Сцену вдруг из Гете вижу* — сцена «Перед городскими воротами» в I-й части трагедии И.-В. Гете «Фауст», изображающая народное гулянье в первый день Пасхи. *Черный пудель рыщет* — Мефистофель впервые явился к Фаусту в образе черного пуделя. *Маргарита* — соблазненная Фаустом героиня трагедии.

59. РМ, 1898, № 2, с. 73; Соч. I, с. 335; ПУ, с. 90.

60. Пр. к Н, 1900, № 8, с. 731; ПУ, с. 92.

61. Соч. I, с. 341; ПУ, с. 93. *Котелок* — мужская шляпа из твердого фетра.

62. РМ, 1899, № 3, с. 123; ПУ, с. 95.

63. Пр. к Н, 1900, № 2, с. 251; ПУ, с. 96.

64. РМ, 1899, № 2, с. 90; ПУ, с. 97. *Кабаны* — здесь: глыбы. *Пишут к праздникам награды* — наградные суммы и другие поощрения, выдававшиеся чиновникам к церковным праздникам.

65. Д, с. 142; ПУ, с. 98.

66. КН, 1901, № 1, с. 103; ПУ, с. 100.

67. КН, 1899, № 2, с. 83, без деления на четверостишия; ПУ, с. 102.

68. Пр. к Н, 1901, № 7, с. 435; ПУ, с. 103.

69. РМ, 1899, № 3, с. 121; ПУ, с. 104.

70. РМ, 1899, № 6, с. 76; ПУ, с. 105. *Рубикон* — здесь: граница, отделяющая живых от мира мертвых.

71. КН, 1898, № 4, с. 67; Соч. I, с. 356; ПУ, с. 107.

72. РМ, 1899, № 2, с. 89; ПУ, с. 109.

73. РМ, 1897, № 11, с. 204; Соч. I, с. 317; ПУ, с. 111.

74. Пр. к Н, 1900, № 4, с. 703; ПУ, с. 113. *Знать, огненный к нему с небес сошел язык* — аллюзия на сошествие Св. Духа на апостолов: «И явились к ним разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них» (Деян., II, 3).

75. РМ, 1899, № 1, с. 74; ПУ, с. 114.

76. Словцо, 1900, № 14, с. 1, заглавие «Фараон»; ПУ, с. 115. *Схент* — венец египетских фараонов, состоящий из двух корон. *Гикс* (Гиксосы) — кочевые азиатские племена, владевшие Египтом с 1700 г. и до начала XVI в. до Р.Х.; также — название царей этих племен. *«Декамерон»* — собрание новелл Д. Боккаччо (1313–1375), изображающих вольные нравы эпохи Возрождения.

77. Пр. к Н, 1900, № 2, с. 255; ПУ, с. 117.

78. Пр. к Н, 1900, № 4, с. 701, без последней строфы; ПУ, с. 118.

79. РМ, 1899, № 3, с. 125; ПУ, с. 119.

80. РМ, 1898, № 1, с. 170; Соч. I, с. 365; ПУ, с. 120.

81. ПУ, с. 122.

82. КН, 1901, № 1, с. 105; ПУ, с. 124.

83. Соч. I, с. 352; ПУ, с. 125.

84. КН, 1898, № 4, с. 69; Соч. I, с. 360; ПУ, с. 127.

85. РМ, 1899, № 6, с. 75; ПУ, с. 128. *Царьград* — Константинополь, столица Византии.

86. РМ, 1899, № 6, с. 75; ПУ, с. 129.

87. РМ, 1898, № 2, с. 76; Соч. I, с. 339; ПУ, с. 130.

88. Пр. к Н, 1900, № 8, с. 735; ПУ, с. 131.

89. РМ, 1899, № 2, с. 86; ПУ, с. 133.

90. КН, 1899, № 2, с. 84; ПУ, с. 134.

91. КН, 1899, № 2, с. 84; ПУ, с. 136.

92. КН, 1898, № 4, с. 68; Соч. I, с. 358, с делением на две строфы; ПУ, с. 137.

93. КН, 1899, № 2, с. 82; ПУ, с. 138.

94. РМ, 1897, № 11, с. 207; Соч. I, с. 322; ПУ, с. 139. Речь идет о нашествии немецких и шведских рыцарей в XIII—XIV вв. и о Ливонской войне XVI в. (судя по упоминанию о «царе Москвы»). *Дочка я реки Великой* — река Нарова (Нарва) вытекает из Чудского озера, соединяющегося с Псковским, куда впадает Великая. *Схизматик* — «раскольник», название, которое католическая церковь давала православным. *Ям* (до 1922 г. — Ямбург, ныне г. Кингисепп, Ленинградская область) — крепость основана в 1384 г., безуспешно осаждалась немцами в 1444 г. *Копорье* — древнерусский город Новгородской земли, жители которого разбили шведов в 1337 г. *Дурбэн* (Дурбе) — город в Латвии. *Магербург* — «тощая крепость» (нем.); *Гунгербург* (немецкое название Усть-Нарвы) — «голодная крепость» или «крепость голода». *Старых рыцарей виденья* — иронический намек на немецких аристократов, владевших многочисленными имениями в Прибалтике.

95. РМ, 1898, № 1, с. 169; Соч. I, с. 363; ПУ, с.142.

96. РМ, 1898, № 3, с. 207; Соч. I, с. 347; ПУ, с. 144.

97. РМ, 1899, № 6, с. 75; ПУ, с. 145. *Се человек* — слова Пилата о Христе (Ин., XIX, 5).

98. Пр. к Н, 1900, № 8, с. 735; ПУ, с. 146.

99. ПУ, с. 147. *Гретхен* (Маргарита) — см. примеч. к стихотворению «Как в рубинах ярких — вкруг кусты малины...» (ПУ, 58). *...без мысли о тюрьме* — в «Фаусте» И.-В. Гете Гретхен умирает в тюрьме. *Но глянул блеск проклятого запястья* — речь идет о шкатулке с драгоценностями, подложенной Гретхен Мефистофелем.

100. Пр. к Н, 1900, № 8, с. 733; ПУ, с. 148.

101. Пр. к Н, 1900, № 4, с. 699; ПУ, с. 150. *Акафист* — хвалебное церковное песнопение.

102. РМ, 1898, № 3, с. 207; Соч. I, с. 346; ПУ, с. 151.

103. КН, 1898, № 1, с. 49; Соч. I, с. 328; ПУ, с. 152. *Сильф* — дух воздуха у средневековых алхимиков.

104. РМ, 1899, № 1, с. 75; ПУ, с. 154.

105. ПУ, с. 155. *«Пара гнедых»* и *«Ночи безумные...»* — популярные романсы на слова А. Н. Апухтина (1840–1894). Случевский принимал участие в подготовке посмертного издания его стихов.

106. Пр. к Н, 1900, № 2, с. 255; ПУ, с. 156. *Иуда* — один из учеников Христа, предавший его.

107. РМ, 1899, № 2, с. 85; ПУ, с. 157.

108. Соч. I, 340–341; ПУ, с. 158. *Финикийцы* — в древности один из народов на восточном побережье Средиземного моря; славились как торговцы и мореплаватели. *Гетера* — в древней Греции женщина, ведшая свободный образ жизни.

109. Пр. к Н, 1900, № 8, с. 733; ПУ, с. 160.

110. РМ, 1899, № 2, с. 87; ПУ, с. 161.

111. РМ, 1898, № 2, с. 74; Соч. I, с. 336; ПУ, с. 162.

112. РМ, 1898, № 2, с. 73; Соч. I, с. 334; ПУ, с. 164.

113. РМ, 1899, № 1, с. 71; ПУ, с. 166.

114. РМ, 1899, № 1, с. 73; ПУ, с. 167.

115. Соч. I, с. 349; ПУ, с. 168.

116. КН, 1901, № 1, с. 104; ПУ, с. 169. *Парки* — в древнеримской мифологии три богини-сестры, прядущие нити человеческих судеб. *И там — не здесь — сойдешь с ума!* — мотив безумия за гробом возникает и в «Рассказе-симфонии» (*Случевский К. К.* Новые повести. СПб., 1904).

117. Пр. к Н, 1901, № 9, с. 31; ПУ, с. 171.

118. РМ, 1899, № 2, с. 89; ПУ, с. 172.

119. Пр. к Н, 1900, № 8, с. 729; ПУ, с. 173.

120. РМ, 1899, № 3, с. 124; ПУ, с. 175.

121. РМ, 1899, № 2, с. 88; ПУ, с. 176.

122. РМ, 1899, № 3, с. 125; ПУ, с. 177.

123. РМ, 1899, № 1, с. 74; ПУ, с. 178.

124. КН, 1898, № 4, с. 71; Соч. I, с. 361; ПУ, с. 180.

125. РМ, 1897, № 11, с. 205; Соч. I, с. 319; ПУ, с. 181.

126. КН, 1898, № 4, с. 65; Соч. I, с. 354; ПУ, с. 183.

127. Пр. к Н, 1901, № 9, с. 29; ПУ, с. 184.

128. Соч. I, с. 343; ПУ, с. 185. *Горят евангельские строки «Я к вам приду!»* — вероятно, слова Христа ученикам на тайной вечере: «И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к себе» (Ин., XIV, 3).

129. РМ, 1898, № 3, с. 206; Соч. I, с. 346; ПУ, с. 187.

130. КН, 1899, № 2, с. 83; ПУ, с. 188.

131. Пр. к Н, 1900, № 2, с. 249; ПУ, с. 189.

132. КН, 1898, № 4, с. 64; Соч. I, с. 354; ПУ, с. 190.

133. РМ, 1898, № 2, с. 76; Соч. I, с. 339; ПУ, с. 191.

134. РМ, 1899, № 3, с. 122; ПУ, с. 193.

135. КН, 1898, № 4, с. 64; Соч. I, с. 353; ПУ, с. 194.

136. Пр. к Н, 1900, № 4, с. 705; ПУ, с. 195.

137. ПУ, с. 196. Реминисценции из этого стихотворения в черновике стихотворения В. Я. Брюсова «Тетрадь»: «Правда ль? Клише ль? Спят гиганты (Случевский) // В нас». *Гиганты* — в древнегреческой мифологии великаны, сыновья Земли и Неба, восставшие против богов и побежденные ими. *Изида* (Исида) — в древнеегипетских мифах жена и сестра бога подземного мира Осириса, богиня плодородия, олицетворяющая супружескую верность. *Агора* — площадь в древних Афинах, место народных собраний. *Пританей* — дом в Афинах, где собирались *пританы,* выборные лица, председательствовавшие на народных собраниях. *Колизей* — древнеримский амфитеатр, на арене которого, помимо гладиаторских боев, устраивались расправы над первыми христианами. *Торквемада* Томас (1420–1498) — глава испанской инквизиции. *В кругу чернеющих друзей* — т. е. среди монахов. *В русском мраморе, в тивдийском* — гробница Наполеона I в Париже сделана из тивдийского порфира (по названию селения Тивдия на западном побережье Онежского озера).

138. Д, с. 138; ПУ, с. 198.

139. Соч. I, 353; ПУ, с. 199.

140. РМ, 1898, № 1, с. 168; Соч. I, с. 363; ПУ, с. 200.

141. Соч. I, с. 348; ПУ, с. 201.

142. РМ, 1899, № 2, с. 86; ПУ, с. 202.

143. КН, 1901, № 1, с. 105; ПУ, с. 203.

144. Пр. к Н, 1900, № 2, с. 253; ПУ, с. 204.

145. Пр. к Н, 1901, № 9, с. 33; ПУ, с. 205.

146. Пр. к Н, 1901, № 7, с. 435; ПУ, с. 206. *Говенье* — ограничение в пищи, пост, предшествующий исповеди и причащению.

147. Пр. к Н, 1900, № 4, с. 707; ПУ, с. 207.

148. РМ, 1898, № 3, с. 208; Соч. I, с. 350; ПУ, с. 208.

149. Пр. к Н, 1900, № 4, с. 707; ПУ, с. 209.

150. Пр. к Н, 1901, № 7, с. 435; ПУ, с. 210.

151. РМ, 1898, № 2, с. 72; Соч. I, с. 334; ПУ, с. 211.

152. РМ, 1899, № 1, с. 72; ПУ, с. 212. *Астарта* — финикийская богиня плодородия и любви. *Бахус* — в римской мифологии бог вина. *Ваал* (Баал) — древнее общесемитское божество плодородия, войны. *Нас зацеловывают насмерть* — ср. с романом Случевского «От поцелуя к поцелую» (СПб., 1872).

153. РМ, 1899, № 6, с. 77; ПУ, с. 213. *Шателенка* — от chatelain (фр.) — владелица замка. *Толкуя зодиак* — здесь: предзнаменование звезд.

154. ПУ, с. 215.

155. РМ, 1898, № 3, с. 207; Соч. I, с. 348; ПУ, с. 217.

156. ПУ, с. 218.

157. Д, с. 136; ПУ, с. 219.

158. КН, 1898, № 4, с. 66; Соч. I, с. 355; ПУ, с. 220.

159. РМ, 1898, № 2, с. 71; Соч. I, с. 332; ПУ, с. 221.

160. КН, 1898, № 4, с. 67; Соч. I, с. 357; ПУ, с. 223.

161. КН, 1898, № 4, с. 71; Соч. I, с. 338; ПУ, с. 225. *Тайнобрачные* — такие растения, как папоротник или хвощ.

162. Д, с. 139; ПУ, с. 226.

163. Пр. к Н, 1900, № 2, с. 253; ПУ, с. 227.

164. РМ, 1899, № 2, с. 85; ПУ, с. 228.

165. РМ, 1899, № 3, с. 124; ПУ, с. 229.

166. КН, 1899, № 2, с. 82; ПУ, с. 230.

167. Пр. к Н, 1901, № 9, с. 31; ПУ, с. 231. *Око за око* — из Евангелия (Мф., V, 38); у Случевского есть также рассказ «Око за око».

168. КН, 1898, № 4, с. 66; Соч. I, с. 356; ПУ, с. 233.

169. Пр. к Н, 1900, № 4, с. 701; ПУ, с. 234.

170. РМ, 1899, № 3, с. 123; ПУ, с. 235.

171. Пр. к Н, 1901, № 7, с. 433; ПУ, с. 236.

172. КН, 1898, № 1, с. 49; Соч. I, с. 329; ПУ, с. 238.

173. РМ, 1897, № 11, с. 206; Соч. I, с. 321; ПУ, с. 240.

174. РМ, 1899, № 1, с. 76; ПУ, с. 241. *Что надобно желать всех ужасов войны* — возможно, речь идет об идеях Н. Данилевского, выраженных в книге «Россия и Европа», где говорилось о необходимости войны с Западом для укрепления единства славянских народов (см. примеч. к драматической сцене «Поверженный Пушкин»). *Добрый пастырь* — Христос (Ин., X, 11). *И на торгующих не прибегать к бичу* — о Христе, изгнавшем торгующих из храма (Мф., XXI, 12–13).

175. Пр. к Н, 1900, № 2, с. 251; ПУ, с. 243.

176. РМ, 1899, № 6, с. 77; ПУ, с. 244.

177. КН, 1898, № 4, с. 69; Соч. I, с. 359; ПУ, с. 246.

178. Пр. к Н, 1900, № 4, с. 699; ПУ, с. 247.

179. ПУ, с. 248.

180. РМ, 1899, № 2, с. 86; ПУ, с. 249. *Фома неверящий* — апостол Фома, не поверивший в воскресение Христа, пока не увидел его сам и не вложил руки в его раны (Ин., XX, 24–29).

181. РМ, 1899, № 2, с. 88; ПУ, с. 250.

182. РМ, 1897, № 11, с. 209; Соч. I, с. 325; ПУ, с. 251. *Рыцарь Лоэнгрин* — прекрасный юноша, герой средневековой поэмы и основанной на ее сюжете оперы Р. Вагнера «Лоэнгрин»; и в поэме и в опере он появляется на лодке, которую тянет за собою лебедь.

183. РМ, 1898, № 2, с. 75; Соч. I, с. 368; ПУ, с. 253.

184. РМ, 1899, № 6, с. 80; ПУ, с. 255.

ПОЭМЫ

Призрак. Соч. III, с. 3. *Соловьев* Владимир Сергеевич (1853–1900) — великий русский философ; сблизился со Случевским во второй половине 1890-х гг., помогал в подготовке «Сочинений» (1898) поэта в шести томах, посвятил две статьи его творчеству, Случевскому адресованы и два соловьевских стихотворения. Случевский, помимо поэмы «Призрак», посвятил Соловьеву в «Сочинениях» 1898 г. книгу «Песни из Уголка», а также стихотворение «Влад. Серг. Соловьеву, перед отъездом его в Палестину» (опубликовано посмертно). Исторический фон поэмы Случевского — поездка императора Александра I осенью 1825 г. на юг России и его внезапная смерть в Таганроге 19 ноября 1825 г. При

создании биографии героини поэмы Марии, главным образом биографии ее отца (старого генерала, прозванного «казачьим лордом» и скончавшегося через три года после завершения заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. против Наполеона), Случевский, по-видимому, контаминировал различные исторические факты, в том числе детали биографии знаменитого атамана Донского казачьего войска, генерала от кавалерии и графа М. И. Платова (1751–1818), имевшего дочь Марию, умершего 3 января 1818 г. в своем имении Еланчик под Таганрогом и прозванного «казачьим лордом» после поездки с Александром I в Великобританию в 1814 г. Однако другие детали биографии отца Марии — сын бригадира, участвовавшего в суворовских походах и близкого к екатерининскому фавориту А. М. Дмитриеву-Мамонову, выпускник шляхетского корпуса, артиллерист, чья батарея отличилась в сражении при Фер-Шампенуазе (фактически в сражении при Фер-Шампенуазе отличилась батарея конной артиллерии поручика Пухинского), — полностью расходятся с платовской жизнью.

Ересеарх. Ст. III, с. 3, под загл. «Ересиарх»; Соч. III, с. 169, с изменениями. *Величко* Василий Львович (1860–1903) — поэт, публицист; как друг В. С. Соловьева, считал, что способствовал сближению философа со Случевским, с которым был знаком с конца 1880-х годов; благодаря В. Л. Величко был опубликована поэма Случевского «Загробные песни» в 1902–1903 гг. Случевский пытался напечатать поэму «Ересеарх» в «Русском вестнике», но глава журнала, М. Н. Катков, «затруднился принять „Ересеарха“ по его содержанию», о чем поэта известил член редакции Н. А. Любимов в письме от 20 апреля 1882 г. (ГИМ. ОПИ. Ф. 359, п. 151/50). Случевский читал «две сцены из драматической хроники „Ересиарх“» на торжественном заседании 11 мая 1882 г. Славянского благотворительного общества, членом которого он состоял с 4 мая 1880 г. (см.: Первые 15 лет существования Славянского благотворительного общества. СПб., 1883, с. 728). Исторический отрезок, изображенный в поэме, — конец XV — начало XVI вв. Отсюда воспоминания о временах Новгородской и Псковской республик, прекративших свое существование (первая — в 1478 г., вторая — в 1510 г.), и круг упоминаемых духовных лиц, боровшихся с ересью жидовствующих, — архиепископа Геннадия Новгородского (1410–1505) и настоятеля монастыря Иосифа Волоцко-

го (1439/1440–1515), а также их оппонента — «нестяжателя» Нила Сорского (1433–1508), основавшего Нило-Сорскую пустынь.

II. ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВХОДИВШИЕ В ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЛИ ПОСМЕРТНЫЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ 1859–1902 гг.

«Ночь. Звучат, звенят бокалы...» И, 1859, № 85, с. 147.

Торжественная кантата по случаю празднования столетия основания Павловского института. РНБ. Глазунов А. К. Ф. 187. Ед. хр. 490. Партитура, 28 сентября 1898. Ор. 63. Павловский институт — женское учебно-воспитательное заведение, возникшее на основе Императорского военно-сиротского дома для воспитания детей обоего пола, учрежденного императором Павлом I и с ноября 1798 г. располагавшегося на набережной реки Фонтанки, 112. С сентября 1806 г. девичье отделение стало называться Девичьим училищем Военно-сиротского дома и перешло под покровительство вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

Гимн Пушкину. Памяти Пушкина. Сб. стихотворений / Сост. А. В. Колчин. СПб., 1900, с. 11. Текст был положен на музыку композитором В. И. Главачом (1849–1911). Впервые гимн исполнялся хором А. А. Архангельского (1846–1924) во время чествования А. С. Пушкина в Святых Горах 26 мая 1899 г.

Кантата А. С. Пушкину. Новое время. 1899, 20 июня (2 июля), № 8372, с. 2. Текст был положен на музыку музыкальным критиком и композитором М. М. Ивановым (1849–?), лично знавшим поэта и переписывавшимся с ним. Кантата была исполнена солистами З. Главач, А. Ф. Арцимовичем, Чистяковым и хором А. А. Архангельского во время чествования А. С. Пушкина в Святых Горах 26 мая 1899 г.

Памяти М. А. Загуляева. Новое Время, 1900, 6/19 апреля, № 8660, с. 3. *Загуляев* Михаил Андреевич (1834–1900) — публицист и беллетрист; в 1879 г. ввел Случевского в модный в 1870–1880-е гг. салон Е. А. Штакеншнейдер. В письме к А. А. Луговому от 18 мая 1900 г. Случевский сообщал: «Я напи-

сал его <стихотворение. — *Е. Т.-Г.*> в Москве, где не имел времени читать газет и узнал о смерти его <Загуляева> на 9-й день. Да! Хороший был человек» (ИРЛИ. 7316/XLIIIα-14, л. 63).

«Я иду куда-то вдаль…» Литературно-художественный сборник «На трудовом пути». К 35-летию литературно-педагогической деятельности Д. И. Тихомирова (1866–1901). М., 1901, с. 277.

Хор Н. В. Гоголю. Отд. изд.: Хор Н. В. Гоголю. По случаю 50-летия со дня его смерти. 1852–1902. Слова К. К. Случевского. Музыка В. И. Главача. Для смешанного хора. СПб., 11 января 1902.

Безымянный. РВ. 1902, № 5, с. 93. После публикации сын известного русского историка Петра Бартеньева Ю. П. Бартеньев написал Случевскому 18 мая 1902 г. следующие восторженные строки:

«Только на днях взял в руки майскую книжку „Русского вестника“ и прочел „Безымянного“. С тех пор он со мною или, вернее, я с ним неразлучен. Только Вы могли создать такую вещь, только Вам дана власть прямо доходить до „самой подоплеки“. Простите откровенность. — Вы какой-то гордый, для которого времени нет. Впрочем, это общее свойство истинного художника «смотрит из времени в вечность».

Я хожу как именинник (или как тронутый), с радостной улыбкой шепчу Ваши стихи; объехал всех знакомых и в иных прошиб слезу Вашим стихотворением. Вообще могу сказать, что за эти два года я многих обратил в Ваших рьяных поклонников. — Если бы был свободен, сейчас же поехал бы к Вам послушать „Безымянного“. Жалею, что Брюсов в Италии и я не могу сонаслаждаться с ним. Да, Вы показали всем, как надо писать!

Если бы я мог иметь это стихотворение, написанное Вашею рукою, я был бы счастливее Персидского царя, но и теперь я счастлив» (ГИМ. ОПИ. Ф. 359. П. 151/249).

ЭПИГРАММЫ И ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Мы потащим снова бредень…» Альбом «Пятниц» К. К. Случевского, запись от 5 ноября 1899 г. — НЛО, с. 297.

«Когда на царский двор с туманной головой...» Альбом «Пятниц» К. К. Случевского, запись от 5 ноября 1899 г. — НЛО, с. 297. *Криднер* (Крюднер) Варвара-Юлия, баронесса (1764–1824) — религиозная проповедница и предсказательница, имевшая влияния на имп. Александра I. *Фидлер* Федор Федорович (1859–1917) — переводчик и собиратель частного «литературного музея»; в записных книжках Фидлера сообщается, что их знакомство произошло на юбилее А. Н. Майкова, а первый визит Фидлера к Случевскому — 30 апреля 1887 г. (см.: *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: Характеры и суждения / Вступит. статья, сост., пер. с нем., примеч., указатели и подбор илл. К. М. Азадовского. М., 2008, с. 66). Активный посетитель «Пятниц» Случевского, Фидлер фиксировал в своих записках пятничные экспромты поэтов, в том числе Случевского. Случевский подарил ему свое шеститомное собрание сочинений 1898 г. с надписью:

Богом хранимому,
Русскими поэтами чтимому,
Весьма любимому,
Незаменимому Ф. Ф. Фидлеру.

Ф. Ф. Фидлер был инициатором, товарищем председателя и председателем кружка «Вечера памяти К. К. Случевского».

«Хотелось бы мне эпитафии...» Экспромт записан Ф. Ф. Фидлером на «Пятнице» Случевского 13 ноября 1899 г., см.: *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: Характеры и суждения / Вст. ст., сост., пер. с нем., примеч., указатели и подбор илл. К. М. Азадовского. М., 2008, с. 296.

«Моя эпитафия в шелесте утра...» Экспромт записан Ф. Ф. Фидлером на «Пятнице» Случевского 13 ноября 1899 г., см.: *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: Характеры и суждения, с. 296.

Гостям. Альбом «Пятниц» К. К. Случевского, запись от 18 февраля 1900 г. — НЛО, с. 308.

На возвращение блудного сына. Словцо, 1900, № 9, с. 4, подпись: Б. Б. Атрибуция на основе воспоминаний Н. Н. Венцеля, см.: *Бенедикт* (Н. Н. Венцель) Заметки об экспромте // Столица и усадьба. 1914. № 5, с. 6. *Гейнце* Николай Эдуардович (1852–1913) — беллетрист, автор многочисленных истори-

ческих и уголовно-бытовых романов; в стихотворении речь идет о романе Гейнце «Ермак Тимофеевич» (СПб., 1900). *Комаров* Виссарион Виссарионович (1838–1907) — публицист и издатель газеты «Свет», где Гейнце был редактором и где печатались его романы.

«Он говорит, что ты дурак...» Словцо, 1900, № 10, с. 3, подпись: Б. Б.

Биржа. Словцо, 1900, № 11, с. 2. Подпись: *Б. Б.*

«В армяке, с открытым воротом...» Словцо, 1900, № 13, с. 2, подпись: Б. Б. *Лелянов* Павел Иванович (1850–1932) — с 1897 г. городской голова Санкт-Петербурга.

«Одиннадцать часов!» Альбом «Пятниц» К. К. Случевского, запись от 26 января 1901 г. — НЛО, с. 320.

«В свой срок Баодин не изрек ли...» Альбом «Пятниц» К. К. Случевского, запись от 2 февраля 1901 г. — НЛО, с. 323. *Аполлоний* — имеется в виду поэт Аполлон Аполлонович Коринфский (1868–1937), один из горячих почитателей творчества Случевского, автор этюда «Поэзия К. К. Случевского» (СПб., 1899).

«Раз задумал некий атом...» РНБ, Ф. 408, № 27, л. 1. В НЛО, с. 369 опубликован другой вариант. Стихотворение написано в связи с лекцией поэта и адвоката С. А. Андреевского 8 марта 1901 г. «Вырождение рифмы», опубликованной затем в книге «Литературные очерки» (СПб., 1902).

«Я не могу не падать ниц...» ИРЛИ, Ф. 39 (Архив З. А. Венгеровой и Н. М. Минского), Оп. 6, № 1139. Возможно, написание стихотворения косвенно связано со спором, происходившим на «Пятнице» Случевского в декабре 1902 г. и описанным В. Я. Брюсовым: «За столом зашел спор о Боге (дамский разговор!). Спорили Мережковский и Минский. Говорили о связи тела и духа. Сам Случевский наскочил было очень отважно, во всеоружии своего диплома, на Минского.

— Так вы говорите, что кроме плоти и духа нет ничего. Однако. Вот вам, например, цифра 2.

— Браво, — отвечал Минский, — вы нашли третье. Это категория, которая связует то и другое.

— Поищем, найдем еще, — сказал Случевский.

Но сколько не искал, ничего не нашел больше и остался посрамленным» (*Брюсов В. Я.* Дневники 1891–1910. М., 1927, с. 127).

ПОЭМА И ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНА

Он и Она. КН, 1900, № 1, с. 53, № 2, с. 79, № 3, с. 69. Случевский устраивал у себя чтение поэмы весной и осенью 1899 г. Первое состоялось в субботу 3 мая 1899 г. (см. письмо от 4 мая 1899 г. присутствовавшего на чтении Ф. Сологуба к Случевскому в предисловии к тому). Случевский приглашал на чтение и Мирру Лохвицкую. Он писал ей: «Соблаговолите, Мирра Александровна, в субботу вечером в 9 часов, пожаловать ко мне. Нас будет четверо — прочту ½ новой поэмы „Он и Она“» (ИРЛИ. Ф. 648. № 55). Вторая часть читалась 15 октября 1899 г. на очередной «Пятнице». Как зафиксировано в Альбоме «Пятниц», присутствовали: Д. Л. Михаловский, П. В. Быков, И. И. Ясинский, с. А. Андреевский, Ф. К. Сологуб, Д. С. Мережковский (НЛО, с. 294; в примеч. с. В. Сапожкова ошибочно принята за опубликованную в 80-е гг. поэму «Без имени»). Появление поэмы в печати было восторженно встречено И. Коневским, который писал в помещенной в «Северных цветах на 1901 г.» статье «Об отпевании новой русской поэзии»: «Невозможно, наконец, говорить о том, что пропала наша стихотворная поэзия, и до тех пор, пока долголетний возраст не препятствует до последнего времени создавать лучшие свои, даже в крупном объеме, замыслы, как поэма *Он и Она*, К. К. Случевскому, единственному в своем роде из русских поэтов по буйной яркости, размаху и причудливой изощренности своей живописи» (с. 187). В поэме, написанной в год 100-летия А. С. Пушкина, в праздновании которого Случевский принимал самое активное участие, этот юбилейный год отозвался не только пушкинскими реминисценциями. Образ главного героя, несомненно, восходит к скитальцу Алеко из пушкинских «Цыган», а также к трактовкам Ф. М. Достоевского пушкинского «гордого человека» , которому необходимо смириться. *Астарта* — см. примеч. к стихотворению «Когда бы все былые силы...» (ПУ, 152). *Гетера* — см. примеч. к стихотворению «Было время, в оны годы...» (ПУ, 108). *Мелюзина* — фея, героиня средневековых рыцарских романов. *Тигрица грозных баррикад* — образ навеян или знаменитой картиной Делакруа «Свобода на баррикадах» (1830), или судьбой анархистки Луизы Мишель (1830–1905), участвовавшей в Парижской Коммуне 1871 г. и сражавшейся против версаль-

цев на баррикадах. *Наяды* — в греческой мифологии нимфы рек, ручьев и озер. *Тирских женщин* — речь идет о Тире, приморском городе-государстве в Финикии (совр. Сур в Ливане), основанном в IV тысячелетии до Р.Х. *Рыцарь Аскалона* — крестоносец, т. к. за палестинский город Аскалон, захваченный затем мусульманами, многократно сражались крестоносцы, в том числе Ричард Львиное Сердце и король Балдуин III; в 1270 г. город был уничтожен. *Минотавр* — в греческой мифологии заключенное в лабиринте на острове Крите и пожиравшее людей чудовище в образе полубыка-получеловека. *Плесо* — по В. И. Далю, одно колено реки, меж двух изгибов, а также широкая водная площадь. *Блудному сыну* — аллюзия на евангельскую притчу о блудном сыне. *Протей* — в древнегреческой мифологии морское божество, обладавшее способностью менять свой облик. *Теозоф* (теософ) — сторонник теософии, мистического учения, претендующего на раскрытие особых божественных тайн. *Зооспоры* — спора бесполого размножения, например, у некоторых водорослей. *«Причина причин»* — causa causarum (лат.) — философский термин, «первопричина». *Цербер* — в греческой мифологии чудовищный трехглавый пес, с туловищем, усеянным головами змей и змеиным хвостом, охранявший вход в подземное царство. *Синклит* — собрание в полном составе каких-либо высокопоставленных лиц. *Пуф* (фр.) — выдумка, ложное известие. *Молчалин* — персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». *Тартюф* — герой одноименной комедии Мольера. *Торквемада* — см. примеч. к стихотворению «Во мне спокойно спят гиганты...» (ПУ, 137). *Рец* — Ж.-Ф.-П. Гонди, французский кардинал Рец, выдающийся деятель фронды (1614–1679). *Сампсон* (Самсон) — библейский герой, обрушивший храм на головы своих врагов. *Сфинкс полночный* — бабочка Acherontia atropos, имеющая на спине рисунок, похожий на череп. *Неисповедимы // Любви сокрытые пути* — ср. с выражением «Неисповедимы пути Господни», восходящее к словам Апостола Павла: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его» (Рим., XI, 33).

Поверженный Пушкин. Пушкинский сборник (в память столетия дня рождения поэта) / [Под ред. К. Случевского, П. Гнедича, Д. Мордовцева.] СПб., 1899, с. 241–264. Драматическая сцена была завершена к марту 1899 г.: Случевский читал пьесу на засе-

дании своего поэтического кружка 5 марта 1899 г., о чем в Альбоме «Пятниц К. К. Случевского» сохранилась соответствующая запись (см.: НЛО, с. 284). «Пушкинский сборник», в который она включена, вышел в конце мая 1899 г. Действие пьесы отнесено к концу XX века, к кануну 200-летнего юбилея А. С. Пушкина («лет сто прошло» после боев русской эскадры под Порт-Артуром (1897) и заключения союза с Китаем (1898)). В пьесе нашли отражение идеи как из Пушкинской речи, произнесенной Ф. М. Достоевским при открытии памятника великому поэту в 1880 г., так и из книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», мечтавшего о создании «всеславянской федерации» в процессе борьбы с враждебным славянству Западом. Пьеса была поставлена весной 1899 г. в театре Литературно-артистического кружка и вызвала противоречивые отклики критиков. Наиболее верно интерпретировал замысел Случевского критик А. И. Введенский, писавший, что в этом произведении выражена идея «преемственности страданий Руси», то есть «самая основная идея святой Руси и отношение к ней Пушкина», причем рельефно оттенено «*общеславянское значение* нашего великого поэта» (*Басаргин А.* (Введенский А. И.) Критические заметки. Дань потомков // Московские ведомости. 1899, 21 авг. № 229. с. 3–4). *Живио* (сербск.) — да здравствует!

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО

Из Иоанна-Христофа Готтшеда

Языческий мир. Нем. п., с. 51. *Готтшед* Иоганн-Христоф (1700–1766) — немецкий писатель, историк литературы и театра. Выбрать и перевести несколько стихотворений из Готтшеда предлагал Случевскому поэт-переводчик Н. В. Гербель (1827–1883) в письме от 28 декабря 1870 г. (ИРЛИ. Ф. 123. Ед. хр. 229).

Из Людвига Тика

Созерцание. Нем. п., с. 371. *Тик* Людвиг (1773–1853) — немецкий поэт-романтик.

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО

Из Уильяма Шекспира

История шекспировских переводов Случевского должна начинаться с декабря 1870 г., когда поэт получил в подарок от Н. В. Гербеля три тома Шекспира из собрания сочинений, выпущенных им в 1864–1867 гг. (см. письмо Н. В. Гербеля Случевскому от 28 декабря 1870 г. — ИРЛИ. Ф. 123. Ед. хр. 229). В 1887 г. вышел перевод «Зимней сказки», а в конце жизни Случевский по просьбе С. А. Венгерова перевел 3 сонета.

Сонеты. 10 февраля 1901 г. С. А. Венгеров, сообщая Случевскому о своих планах выпуска нового собрания сочинений Шекспира, спрашивал: «Можно ли рассчитывать на какое-нибудь участие Ваше? Если не для целой пьесы, то хоть для какого-нибудь сонета?» (ГИМ. ОПИ. Ф. 359. П. 151/469).

XIV. Шекспир, с. 408.

XXXI. Шекспир, с. 411. Перевод этого сонета известный литературовед Е. Г. Эткинд оценил так: «Опытный и одаренный поэт К. Случевский, переводивший сонеты для издания под редакцией Венгерова, подошел к Шекспиру ближе, чем его собратья, профессиональные переводчики стихов. 31-й сонет, переведенный им в 1904 году, звучит темпераментно, однако — несмотря на трагический пафос этого стихотворения — с оттенком банальности (если не считать великолепной первой строки): Твоя прияла грудь все мертвые сердца <...> Перевод Маршака сдержаннее и тверже; он уступает Случевскому в открытом темпераменте, но превосходит его мужественностью и трагизмом, а также отточенностью», — писал Е. Г. Эткинд в статье «Об условно-поэтическом и индивидуальном (Сонеты Шекспира в русских переводах)» (*Эткинд Е. Г.* Мастерство перевода: 1966. М.: Советский писатель, 1968).

XXXII. Шекспир, с. 412.

Зимняя сказка. Полное собрание сочинений В. Шекспира в переводах русских писателей. 4-е изд. Т. 1. СПб., 1887, с. 549–594. Пьеса У. Шекспира «The Winter's Tale» датируется 1610/11 годом. Источником ее сюжета послужил прозаический роман Роберта

Грина «Пандосто, или Торжество Времени» (1588), переизданный в 1607 г. под названием «Дораст и Фавния». Жанр пьесы определялся по-разному — как комедия, трагикомедия, трагедия. Случевский писал готовившему 4-е издание А. Ф. Дамичу 6 февраля [1886]: «У меня готов и переписан 2-й акт Зимней Сказки; 1-й тоже»; 11 февраля [1886]: «Для того чтобы проверить *примечания* к „Зимней сказке“ мне необходимо иметь *сразу* весь текст. До сих пор я читал только 2 акта...» (РНБ. Ф.179 (Гербель Н. В.), Ед. хр. 114; мы датируем письма Случевского 1886 г., исходя из того, что именно к весне 1886 г. относится и переписка А. Н. Островского с А. Ф. Дамичем о работе над переводом Шекспира для этого издания. — *Е. Т.-Г.*). Перевод был включен и в 5-е издание «Полного собрания сочинений В. Шекспира в переводах русских писателей» (СПб., 1899. Т. 1), выходившее под ред. Д. Л. Михаловского (1828–1905) — одного из активных посетителей «Пятниц» Случевского.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Литературно-художественное издание

СЛУЧЕВСКИЙ Константин Константинович

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОЭМЫ, ПЕРЕВОДЫ

Ответственный редактор *О. Старикова*
Компьютерная верстка: *С. Валишин*

ISBN 978-5-94282-582-9